

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Аксенова Марина Николаевна

**ЖЕНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СЕЛ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1960-1980-х гг.:
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, доцент

Белгородская Людмила Вениаминовна

Красноярск – 2019

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Демографические характеристики сельских женщин	
1.1 Рождаемость и смертность женщин в красноярской деревне.....	38
1.2 Сельские женщины в сфере брака и семьи.....	70
1.3 Динамика численности и возрастного состава сельских женщин.....	90
ГЛАВА 2. Социокультурные характеристики сельских женщин	
2.1 Качество жизни женщин в сельской местности.....	108
2.2 Культура демографического поведения сельских женщин.....	142
2.3 Жизненный мир поколения женщин эпохи «зрелого социализма».....	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	197
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	202
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	240
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	241

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В наши дни в исторической науке большое внимание уделяется устной истории, исследованию повседневных практик, жизнеописаниям "маленького человека". Начатый еще на рубеже советской и постсоветской эпох поворот к гуманизации позволил накопить достаточный методический аппарат для данного направления и утвердил его в качестве полноправного источника знаний о прошлом нашей страны. В свою очередь, это привело к расширению тематики исследований и их географического ареала, включению в число объектов ранее не изученных социальных групп.

В рамках данного подхода особое место занимает изучение женского населения. Если история политики, культуры, науки и общественной мысли преимущественно "мужская", то история повседневности, быта, взаимоотношений, представлений, всего того, что принято включать в понятие ментальности, принято считать "женским". В связи с этим изучение демографических и социокультурных характеристик женского населения может включить в себя наименее изученные и, вместе с тем, очень важные, с точки зрения общественного развития, аспекты его жизни. Изучение социальных установок, представлений о роли и месте женщины в обществе, ее вкладе в повседневность ушедшей эпохи существенно обогащают историческую картину прошлого, делают ее более живой и человеческой.

Расширение тематики исследований за счет изучения женского населения способствует развитию общественных наук в целом. Многообразие характеристик, связанных с их численностью, возрастным и брачным составом, а также поведенческими установками, рассмотренные в исторической ретроспективе в контексте развития условий труда и быта, взглядов на жизнь и представлений о «нормальном» и «ненормальном» позволят изучить историю страны на стыке наук.

Поскольку локальные исследования в данной области представляются наиболее продуктивными, позволяющими исследователю обратить внимание на искомые субъективные подробности жизни «маленького» человека, данная работа

посвящена изучению комплекса демографических и социокультурных характеристик женского населения сел в границах Красноярского края. При этом, учитывая, что регион долгое время считался моделью развития России в целом, локальная история вносит вклад в исследование страны.

Степень изученности темы. Историографический анализ показывает, что исследование темы носило полидисциплинарный характер. Значительную роль при ее разработке сыграли представители всех гуманитарных наук. Накопление большого количества работ сделало необходимым разделить ее и проанализировать по отдельным группам.

Первую группу работ научной базы нашего исследования составили научные труды, изучающие демографические характеристики сельского населения, в первую очередь женского.

Работы, затрагивающие проблемы демографического развития населения появились уже с начала 1960-х годов. Их создание наталкивалось на объективные препятствия: относительную узость источниковой базы, определявшую небольшие хронологические рамки исследований, жесткими методологическими установками. Их направление диктовалось актуальными потребностями, вызванными ухудшением демографической ситуации в стране: ростом показателей смертности, а также резким сокращением уровня рождаемости в ряде республик, в том числе и в РСФСР.

Конец 1980-х гг. стал переломным для демографических исследований. Проведение в 1989 г. последней советской переписи населения позволило ученым опереться на мощную статистическую базу сопоставимых данных о развитии населения за тридцатилетний период. Кроме того, при анализе демографических процессов произошел окончательный переход от социально-экономической детерминации их развития к объяснению эволюции через социокультурные факторы. «Очеловечивание» истории, отказ от жестких методологических рамок формационного подхода стимулировали увеличение числа научных исследований, а также расширение их тематики за счет изучения демографического поведения.

Наиболее разработана в отечественной историографии проблема *рождаемости*. Активное изучение причин и факторов ее снижения развернулось в начале 1960-х гг.¹. Изучение проблемы шло в рамках перехода от расширенного к суженному воспроизводству населения².

Расширение источниковой базы за счет проведения социологических исследований³, а также появление данных переписи населения 1970 г. стимулировали появление большого числа историко-демографических работ, главным образом статей, в которых исследовались особенности развития рождаемости и ее факторов⁴. Наиболее заметными в этот период стали работы Р.И. Сифман, которая впервые в отечественной науке провела исследование рождаемости у реальных поколений женщин и исследовала на основании разработанных ею программ ограничение у них числа детей⁵. Значительный вклад внес Б. Ц. Урланис, сделавший в своей работе «Проблемы динамики населения СССР» измерения степени удовлетворения потребностей, в том числе потребности в детях и установок брачных пар в отношении формирования семьи и высказавший идею о необходимости проведения активной демографической политики стимулирования рождаемости⁶.

Несмотря на то, что в 1970-х гг. в большинстве работ женское население в основном продолжало изучаться как генеративный ресурс воспроизводства, все больше внимания уделялось анализу их репродуктивных установок. В эти годы получает распространение теория демографической революции, разрабатываемая в нашей стране А. Г. Вишневским. В своих работах он исследовал изменение мотивов и механизмов репродуктивного поведения в контексте формирования ее

¹ Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Бедный М. С. Продолжительность жизни (статистика, факторы, возможности увеличения). М., 1967 и др.

² Боярский А. Я. Режим воспроизводства населения и состав семьи // Проблемы демографической статистики. М., 1966. С. 9–18.

³ Шлиндман И., Звидриньш П. Изучение рождаемости (по материалам специального исследования в Латвийской ССР). М., 1973.

⁴ Петраков А. О воздействии миграции на рождаемость // Люди в городе и на селе. М., 1970. С. 56–57; Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972; Ткаченко А. Образование женщин и рождаемость // Демографические аспекты занятости. М., 1975. С. 33–42; Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М., 1976 и др.

⁵ Сифман Р. И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М., 1974.

⁶ Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения в СССР. М., 1974.

нового типа⁷. Появление этого направления в демографических исследованиях способствовало постепенному отходу от методологического посыла «преград», в первую очередь экономических, препятствующих росту рождаемости, к рассмотрению снижения ее показателей как закономерного этапа эволюции народонаселения⁸.

В 1980-х гг. изучение рождаемости было продолжено. Колебания показателей рождаемости, вызванные активным вмешательством демографической политики, стали объектом пристального внимания ученых и сделали очевидной необходимость изучения репродуктивного поведения населения. Основной проблемой, стоявшей перед исследователями, стало выяснение возможностей повышения рождаемости при помощи мер экономического стимулирования⁹.

Одним из направлений изучения демографических характеристик женского населения в 1970 – 1980-х гг. являлись исследования в области семейного регулирования рождаемости. Уменьшение числа детей в семье, фиксируемое результатами переписей населения, объясняли конфликтом семейных и внесемейных ролей женщин, а также уменьшением потребности семьи в детях¹⁰. В 1990 г. вышла работа И. П. Мокерова и А. И. Кузьмина «Экономико-демографическое развитие семьи», в которой исследовались репродуктивные установки личности, указывались факторы перехода к малодетности, а также иерархия жизненных ценностей¹¹. В ней авторами высказывалась идея об ограниченности влияния внешних воздействий на демографическое поведение людей. В нашей работе мы не нашли подтверждения предположению авторов о том, что основным фактором формирования ценностных ориентаций является

⁷ Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР: Сб. статей. М., 1977. С. 105–134; Его же. О мотивационной основе рождаемости // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 126–150.

⁸ Киселева Г. П. Нужно ли повышать рождаемость. М., 1979.

⁹ Бойко В. В. От чего зависит потребность в детях // Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983. С. 30–49; Демографическая политика в области сельской семьи в условиях агропромышленной интеграции (Препринт доклада). Саратов, 1988.

¹⁰ Белова В. А. Число детей в семье. М., 1975; Дарский Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи: Сб. статей. М., 1979. С. 85–125; Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. М., 1987; Бойко В. В. Малодетная семья: социально-психологический аспект. М., 1988; Семья и общество. М.: Наука, 1982; Семья как объект социально-демографических исследований. Свердловск, 1984 и др.

¹¹ Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990.

родительская семья, поскольку разрыв в уровне рождаемости между поколениями был большим.

С середины десятилетия в связи с приходом гласности большое распространение получила демографическая публицистика: научно-популярные издания для широкого круга читателей по проблемам семьи, брака, рождаемости. В первую очередь, они были посвящены массовому распространению малодетности, значительное место уделялось исследованию репродуктивных установок¹².

На современном этапе наиболее важными стали разработки проблем рождаемости в коллективном исследовании под руководством А. Г. Вишневского «Демографическая модернизация. 1900 – 2000»¹³. Особую ценность представляет сделанный в нем вывод о том, что переход к новому типу репродуктивного поведения, связанный с ограничением рождаемости, стал следствием неизбежных перемен в общественной жизни. Стоит согласиться с выводами о том, что изменение социальных характеристик женского населения привело к тому, что она смогла больше времени тратить не на воспроизводство человеческого рода, а «на воспроизводство социальное: саморазвитие и самореализацию личности, организацию межпоколенного взаимодействия, социализацию детей, передачу и обновление культурных образцов, производство материальных благ и т.п.»¹⁴.

Необходимо особо отметить диссертацию О. В. Гришиной, посвященную анализу репродуктивного и матримониального поведения поколений в России в послевоенный период¹⁵. На основе сопоставления итоговой рождаемости в материнских и дочерних поколениях, а также данных специального микроисследования делается вывод о преемственности демографического

¹² Янкова З. А., Сафро Е. Ф. Изменившийся образ брака и реализация функций семьи // Проблемы воспроизводства и миграции населения. М., 1981. С. 44–57; Борисов В., Киселева Г. Репродуктивное поведение и методы его изучения. Проблемы рождаемости // Демографические процессы в СССР (доклады к советско-финскому семинару по проблемам демографии. Хельсинки, апрель 1983 г.). М., 1983. С. 4–28; Антонов А. И., Медков В. М. Второй ребенок. М., 1987; Авдеев А. А. Демографические аспекты планирования семьи // Рождаемость: социологические и демографические аспекты. М., 1988. С. 79–97; Переведенцев В. И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР. М., 1990. и др.

¹³ Демографическая модернизация России, 1900 – 2000. М., 2006.

¹⁴ Демографическая модернизация России, 1900 – 2000. С. 63.

¹⁵ Гришина О. В. Демографическое поведение поколений в России в послевоенный период: автореферат дисс. ... канд. эк. наук. М., 2009.

поведения в семье. Большой интерес представляет выявленная автором зависимость воспроизводства родительского опыта в репродуктивном поведении нового поколения от сохранения их образа жизни или создания. Анализ демографического развития через поколенческий, или когортный анализ является, на наш взгляд, особым достоинством работы. Здесь следует согласиться с теоретическим исследованием Е. И. Ивановой по проблеме поколений и воспроизводства населения, в котором говорится, что «анализ некоторых процессов по-иному выглядит, если учитывать поколения, то есть когортный анализ обогащает аналитический инструментарий историко-демографического исследования»¹⁶.

Таким образом, изучение рождаемости и репродуктивного поведения женщин как одной из важнейших демографических характеристик представлено значительным количеством научных трудов, однако нужно отметить, что сельскому населению было уделено гораздо меньшее внимание, чем городскому.

Вторым компонентом изучения демографических характеристик женского населения является *смертность*. Ее проблемы попадали в поле зрения ученых в течение исследуемого периода, поскольку показатели с 1960-х гг. стали увеличиваться. Большинство исследований предназначались для медицинских работников и были направлены в первую очередь на выявление причин увеличения повозрастных показателей смертности¹⁷. Весомый вклад в науку внес специалист в области медицинской демографии А. М. Мерков, автор большого числа работ, посвященных проблемам социальной гигиены, организации здравоохранения и демографии. В них исследовались в основном объективные показатели смертности, в то же время автор уделяет внимание взаимосвязи между ними и активной позицией человека по отношению к своему здоровью – витальным (самосохранительным) поведением¹⁸.

¹⁶ Иванова Е. И. Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность // Социологические исследования. 2012. №4. С. 46.

¹⁷ Мерков А. М. Демографическая статистика. М., 1960; Сифман Р. И. Статистика здоровья и медицинского обслуживания детей. М., 1960; Ее же. Статистика охраны здоровья матери и новорожденного. М., 1963.

¹⁸ Мерков А. М. Демографические исследования в социальной гигиене // Проблемы демографии. М., 1971. С. 161–168.

В 1970 – 1980-е гг. изучение этой области было практически прекращено, поскольку рост повозрастных показателей смертности противоречил представлениям о неуклонном улучшении демографического развития населения. Демографическая статистика смертности перестала публиковаться в открытом доступе, что определило практически полное отсутствие исследований по развитию этого демографического процесса в указанный период. Однако необходимо отметить статью Р. М. Дмитриевой и Е. М. Андреева, в которой они исследовали снижение некоторых показателей смертности в СССР как результат достижений советской власти¹⁹. Работа интересна, в первую очередь, с точки зрения методики анализа показателей процесса, а также оценки влияния военных потерь на демографическое развитие населения.

Активизация исследований в данной области наступила в середине 1980-х гг. в связи с политикой гласности. В эти годы появляются работы М. С. Бедного, посвященные проблемам сохранения здоровья населения и его связи с демографическими процессами²⁰. Особенности здоровья сибиряков изучались также на региональном уровне²¹, в том числе в контексте развития системы здравоохранения в сибирских селах²².

Необходимо отметить, что в основном работы были посвящены анализу объективных показателей развития смертности и лишь косвенно касались проблемы самосохранительного поведения. Специально этот вопрос был исследован в сборнике статей, посвященном анализу различных видов демографического поведения: самосохранительного (О. Д. Захарова, И. В. Журавлева, Л. Л. Рыбаковский, В. М. Медков, Л. С. Шилова), а также репродуктивного (В. А. Борисов, О. Д. Захарова, Н. В. Зверева, Л. И. Савинов,

¹⁹ Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С.44–71.

²⁰ Бедный М. С. Продолжительность жизни (статистика, факторы, возможности увеличения). М., 1967; Его же. Продолжительность жизни в городах и селах. М., 1976; Его же. Здоровье и продолжительность жизни (демографический аспект). М., 1990.

²¹ Григорьев Ю. А., Москвитин П. Н., Соколовский С. В., Тырышкин Т. В. Здоровье населения Сибири: региональные и этнические проблемы // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991. С. 70–82.

²² Азарх Э. А. Развитие системы здравоохранения // Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни. Новосибирск, 1981. С. 163–178.

Л. Л. Рыбаковский), брачного (О. Д. Захарова, Л. Л. Рыбаковский), миграционного (Л. Л. Рыбаковский, Л. В. Макарова)²³. Особо необходимо отметить статью Л. С. Шиловой, освещающую особенные черты в самосохранительном поведении женщин²⁴. Проблемы продолжали разрабатываться автором на современном этапе²⁵. Следует согласиться с его основными выводами о том, что различия в средней продолжительности жизни у женщин и мужчин обусловлены именно социально-психологическим, поведенческим фактором.

Российские ученые на этапе современности исследовали в основном сохранение высоких показателей смертности населения, которое противоречило общей тенденции демографического перехода, а также *процесс депопуляции населения и демографический кризис* в России²⁶. Приоритетными направлениями выступали неблагоприятные условия труда и быта, комплекс экологических и социальных проблем, влиявших на смертность населения. Самосохранительное поведение оставалось относительно неизученной демографической характеристикой населения.

Значимые работы, исследующие *брачность*, в отечественной науке появились в основном в 1970 – 1980-х годах. В поле зрения авторов находились в основном ее объективные показатели, а также некоторые специфические черты, например, влияние военных потерь мужского населения на формирование брачности у женщин²⁷. Характерной чертой специальных исследований брачности

²³ Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма (По материалам международной научно-практической конференции в Вильнюсе, 1985 г.). М., 1986; Алиакберова Н. М. Социально-экономическая обусловленность демографического поведения населения // Демографическое поведение населения: Сб. научн. тр. Ташкент, 1987. С. 9–13.

²⁴ Шилова Л. С. Различия в самосохранительном поведении мужчин и женщин // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. М., 1986. С. 161–172.

²⁵ Шилова Л. С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2000. №11. С. 134–140.

²⁶ Руткевич М. Н. Депопуляция или вымирание // Социологические исследования. 1996. №3. С. 18–23; Кризис семьи и депопуляция в России: («Круглый стол») // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 50–57; Захарова О., Сигарева Е. История и развитие демографического кризиса в России. М., 2000; Засолов М. В. Демографический кризис в России в конце XX века: опыт исторического исследования (на материалах Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005.

²⁷ Ильина И. П. Влияние войн на брачность женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 50–61; Дарский Л. Е., Ильина И. П. Нормализация брачности в СССР // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С. 6–28 и др.

являлось изучение его в совокупности с проблемами рождаемости²⁸, а также в контексте формирования семьи²⁹.

Уже в советский период семья стала объектом пристального внимания ученых, в результате за 1970 – 1980-е гг. был накоплен значительный пласт научной литературы, посвященной демографическим аспектам развития этого социально-демографического института³⁰, в том числе и на региональном уровне³¹. Помимо изменения внешних форм семьи и ее соответствующих демографических характеристик, в данных работах отмечалась трансформация семейных функций: постепенная утрата экономической и увеличение роли психологической функции. В связи с этим ключевой проблемой развития семьи на данном этапе стали считать расширение внесемейных форм жизнедеятельности человека, что, по мнению исследователей, приводило к конфликтам с семейными ценностями, и как следствие, неблагоприятным тенденциям в развитии народонаселения. В основном указанное противоречие исследовалось относительно женского населения³². Проблеме совмещения женщиной своей традиционной роли жены и матери с общественной занятостью посвящено большое количество специальных трудов³³, кроме того, этот вопрос без внимания

²⁸ Ильина И. П. Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих // Рождаемость (проблемы изучения). М., 1976. С. 121–133; Звидриный П. П. Стабильность брака и рождаемость // Рождаемость: известное и неизвестное. М., 1983. С. 61–69; Бондарская Г. А., Дарский Л. Е. Брачное состояние женщин и рождаемость // Демографические процессы в СССР. М., 1990. С. 28–58 и др.

²⁹ Дарский Л. Е. Формирование семьи. М., 1972; Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М., 1979; Бондарская Г. А., Ильина И. П. Этническая дифференциация брачности женщин в СССР. Демографический аспект // Демографическое развитие семьи. М., 1979. С. 7–36; Янкова З. А., Языкова В. С. XX век и проблемы семьи. М., 1974 и др.

³⁰ Васильева Э. К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ). М., 1975; Демографические проблемы семьи. М., 1978; Баздырев К. Развитие семьи и демографическая политика // Семья сегодня. М., 1979. С. 3–17; Чуйко Л., Никитенко В. Поколения в семье // Семья сегодня. М., 1979. С. 51–63; Семья как объект социально-демографических исследований (Сб. статей). Свердловск, 1984; Волков А. Г., Дарский Л. Е. Демографическое развитие семьи // Демографическое развитие в СССР. М., 1985; Переведенцев В. И. Молодая семья сегодня. М., 1987. и др.

³¹ Михеева А. Р. Семейная структура сельского населения // Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни. Новосибирск, 1981. С. 91–111; Ее же. Некоторые методологические аспекты вопросов демографического анализа семьи // Демографическое развитие Сибири (прикладные и теоретические аспекты исследования). Новосибирск, 1987. С. 92–107.

³² Харчев А. Г., Голод С. И. Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971; Жизнедеятельность семьи: Тенденции и проблемы. М., 1990.

³³ Сергеева Г. Взаимосвязь занятости женщин и демографических процессов // Демографические аспекты занятости. М., 1975. С. 24–32; Панкратова М. Г. Женщина – занятость – семья // Семья как объект социальной политики. М., 1986. С. 29–40; Труд, семья, быт советской женщины. М., 1990 и др.

не оставляло практически ни одно исследование, посвященное демографическим проблемам в стране.

На современном этапе концепция противоречий внутри- и внесемейных ценностей, или, по выражению А. И. Антонова, «дезорганизации семьи», для которой характерно в целом негативное восприятие развития семьи в 1960 – 1980-е годы, соседствует с концепцией демографической модернизации семьи, разрабатываемой научной школой А. Г. Вишневого. Основные положения данного направления изложены в указанном выше коллективном исследовании «Демографическая модернизация России, 1900 - 2000». На основании сопоставления широкого круга статистических данных различных стран, авторы приходят к выводу о неизбежном переходе семьи от традиционного к современному типу, для которого характерно и регулирование рождаемости, и конкуренция семейной функции женщины с общественной. Следует согласиться с представлением о том, что изменения в семейной сфере, в том числе и в красноярской деревне, произошли в результате получения индивидом свободы в планировании семьи, то есть изменении социальных характеристик женского населения.

На региональном уровне исследования представлены в основном работами новосибирских ученых, исследовавших изменение демографических параметров семей в селах Западной Сибири³⁴. Большой интерес представляет исследование незарегистрированных брачных союзов как одного из важных компонентов брачного поведения сельского населения А. Р. Михеевой³⁵. Несмотря на узкие территориальные и хронологические рамки, исследование интересно своим подходом к изучению семьи, в котором анализ традиционных для

³⁴ Михеева А. Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск, 1993; Бадалян Т. М., Карпунина И. Б. Семейно-брачная структура сельского населения Западной Сибири (2-я пол. 40-х - нач. 90-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отеч. история. Новосибирск, 1996. N 2. С.96–100; Карпунина И. Б. Семейная структура сельского населения Сибири в 1960-1980-х гг.: проблемы изучения // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения: сб-к научн. статей. Новосибирск, 1999. С. 127–158; Карпунина И. Б., Мелентьева А. П. Сельская семья Западной Сибири в 1960 – 1980-е гг.: изменение численности и хозяйственных возможностей // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отеч. история. 2000. N 2. С. 78–81 и др.

³⁵ Михеева А. Р. Феномен сожительства в сибирской деревне: Новая форма семьи или продолжение традиции // ЭКО: Экономика и орг. пр-ва. 1994. N 6. С.104–116.

демографических исследований статистических показателей производится с учетом социально-психологического аспекта ее существования.

Отдельно следует отметить исследования еще некоторых демографических характеристик сельских женщин в рамках более широких тем: *воспроизводства населения*³⁶, а также изучения эволюции возрастной структуры в рамках процесса *демографического постарения населения*³⁷, особенно активизировавшиеся на современном этапе в связи с исследованием *демографического кризиса и депопуляции*³⁸, а также обобщающих работ по исследованию *демографического развития населения*, в которых рассматривались изменение численности, эволюция возрастной структуры, динамика показателей естественного воспроизводства и миграционного движения. Особый интерес представляют работы, появившиеся на рубеже 1980 – 1990-х гг., а также на современном этапе, поскольку анализ периода носит в них ретроспективный, историко-демографический характер³⁹.

Отдельно необходимо отметить региональные работы по истории сельского населения Сибири. Значимые комплексные исследования появлялись уже в 1970 – 1980-х годах. Значительный вклад внесли социологи и экономисты Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, занимавшиеся изучением широкого круга проблем развития народонаселения на материалах Западной Сибири. Обобщенный опыт их работы был изложен в

³⁶ Дзарасова И., Калинюк И. Воспроизводство населения города и села // Миграция сельского населения. М., 1970. С. 19–30; Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее. М., 1982; Архангельский В. Н. Воспроизводство населения России. М., 1998 и др.

³⁷ Калинюк И. В. Возрастная структура населения СССР. М., 1975; Пирожков С. И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М., 1976; Пожилые люди в нашей стране. М., 1977; Рябушкин Т., Галецкая Р., Шапиро В. Эволюция возрастной структуры и продолжительности жизни населения // Демографические процессы в СССР (советские доклады к советско-финскому семинару по проблемам демографии). М., 1983. С. 29–46; Сонин М. Я., Дыскин А. А. Пожилой человек в семье и обществе. М., 1984; Новицкий А. Г., Шапиро В. Д. Демографическое старение населения // Демографическое развитие в СССР. М., 1985. С. 82–93 и др.

³⁸ Бреев Б. Д. К вопросу о постарении населения и депопуляции // Социологические исследования. 1998. №2. С. 61–66; Засолов М. В. Демографический кризис в России в конце XX века: опыт исторического исследования (на материалах Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005; Руткевич М. Н. Депопуляция или вымирание // Социологические исследования. 1996. №3. С. 18–23.

³⁹ Население СССР за 70 лет. М., 1988; Литвинова Г. И. Свет и тени прогресса: (Социально-демографические проблемы СССР). М., 1989; Демографы думают, спорят, советуют... М., 1987; Демографические процессы и их закономерности. М., 1989; Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005; Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. Т. 3 кн. 1. Население России в XX веке. Исторические очерки. 1960 – 1979 гг. М., 2005; Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. Т. 3 кн. 2. Население России в XX веке. Исторические очерки. 1980 – 1990 гг. М., 2011 и др.

сборнике научных трудов «Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития)»⁴⁰. В поле зрения авторов попали различные аспекты демографического, социального развития, которые рассматривались ими в контексте процесса урбанизации. На современном этапе необходимо особо отметить сборники статей «Историческая демография Сибири»⁴¹, «Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения»⁴², а также коллективный труд И. Б. Карпуниной, А. П. Мелентьевой, В. А. Ильиных «Сельское население Западной Сибири»⁴³ и др.

Население Восточной Сибири при этом оставалось практически не изученным: из специальных работ можно назвать только географическое исследование В. В. Воробьева, в котором среди прочих вопросов рассматривалось естественное и механическое движение сельских жителей региона в 1960 – 1970-х годах⁴⁴. Среди исследований, сделанных на современном этапе, нужно отметить также ряд научных статей⁴⁵, освещающих некоторые аспекты этой темы.

Наибольший вклад в изучение демографического развития сельского населения Красноярского края, в том числе женского⁴⁶, сделала в своих трудах Л. Н. Славина. Ею уже в 1992 г. была опубликована работа «Сельское население Сибири в 1960 – 1980-х гг. (на материалах Красноярского края)», в которой были исследованы не только основные демографические процессы, но и условия и

⁴⁰ Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития). Ч. 1. Проблемы демографического и социального развития деревни. Новосибирск, 1975; Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития). Ч. 2. Проблемы урбанизации образа жизни сельского населения. Новосибирск, 1975.

⁴¹ Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992.

⁴² Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. Новосибирск, 1999.

⁴³ Карпунина И. Б., Мелентьева А. П., Ильиных В. А. Сельское население Западной Сибири (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003.

⁴⁴ Воробьев В. В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977.

⁴⁵ Немировский В. Г., Гришаев С. В. Динамика социально-демографических процессов в Красноярском крае // Вопросы статистики. 1999. №5. С. 70–74; Долгачева Т. И., Пищасева Л. В. Анализ демографической ситуации Красноярского края // Ученые – юбилею вуза: Сборник научных трудов. Красноярск, 2002. С. 94–99 и др.

⁴⁶ Славина Л. Н. Развитие трудового потенциала восточносибирского села в 60-80-е гг. // Демографическое развитие Сибири. 30 – 80-е гг. (исторический опыт и социальные проблемы). Новосибирск, 1991. С. 104–127; Ее же. Влияние политики интенсивного промышленного освоения территории на демографическое развитие сельского населения Сибири (1960-1980-е гг.) // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 215–238; Ее же. Сельские женщины Красноярского края в общественном производстве (1960 – 1980-е гг.) // Исторические этапы социально-экономического и культурного развития Красноярского края. Материалы краеведческих чтений. Красноярск, 1998. С. 58–62; Ее же. Рождаемость в сельской местности Восточной Сибири в 1960 – начале 1990-х гг. // Сибирская деревня: проблемы истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. – С. 186–196.

уровень жизни сельчан: торгово-бытовое обслуживание, жилищные условия, медицинское обслуживание⁴⁷. В работе содержится богатый фактический материал о демографическом развитии сельских женщин. Население рассмотрено здесь как главный элемент трудового и демографического потенциала региона: не только деревни, но и города. Показана взаимосвязь социально-экономических особенностей края и развития его населения. Однако исследование было сосредоточено в основном на объективных условиях, автор не изучала специально субъективные, поведенческие факторы рождаемости, смертности, миграции. В области изучения демографического развития сельских женщин в работе был лишь намечен ряд важнейших научных проблем.

В 2010 г. Л. Н. Славина защитила докторскую диссертацию по теме «Сельское население Восточной Сибири (1960 – 1980-е гг.)», в которой исследовала изменение социального движения населения в контексте модернизации деревни как аграрной подсистемы советского общества⁴⁸. Особую ценность для данного исследования представляют концептуальные выводы об историческом повороте к малодетности, характере самосохранительного поведения, отношении к браку, как важнейших социокультурных характеристиках сельских женщин. При этом нужно отметить, что в работе Л. Н. Славиной уделяется недостаточно внимания субъективным характеристикам развития народонаселения. Демографическое поведение, ментально-психологические установки исследуются лишь опосредованно – через количественные показатели, что обусловило необходимость изучить демографические характеристики населения Красноярского края с новых методологических позиций с привлечением материалов личного характера, публицистики, художественной литературы.

Вторая историографическая группа включает в себя работы, исследующие социокультурные характеристики женского населения. В отечественной науке к

⁴⁷ Славина Л. Н. Сельское население Сибири в 1960 – 1980 гг. (на материалах Красноярского края). – Красноярск, 1992.

⁴⁸ Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири: 1960 – 1980-е гг.: дисс. докт. ист. наук. Новосибирск, 2010.

настоящему моменту накоплено значительное число исследований по различным аспектам истории женщин: их положению в обществе, роли в политической жизни страны, общественном производстве и т.д. «Женский вопрос» традиционно занимал важное место в историографии советского периода, а на постсоветском этапе был переосмыслен с применением гендерной теории в рамках исторической феминологии.

В 1960 – 1970-е гг. большое число работ было посвящено двойной занятости женщин: на производстве и в быту⁴⁹. В работах этого периода отмечались не только достижения, но и серьезные проблемы в положении советских женщин. Однако вплоть до середины 1980-х годов, преобладала точка зрения о том, что положение женщины в СССР, даже при наличии «отдельных недостатков», является лучшим в мире. Большинство опубликованных работ были адресованы лекторам-пропагандистам и работали на восхваление социального строя, а не анализ реальных общественных процессов⁵⁰.

В исследованиях этого времени большую роль играли работы социологов, юристов, экономистов, а не историков, при этом данный историографический этап был достаточно плодотворным. Работы этого периода содержат значительный эмпирический материал, присутствуют выводы и обобщения. Однако, как и в предшествующее время, исследованию сельских женщин не уделялось серьезного внимания, гораздо чаще их рассматривали в tandem с горожанками. Особенности жизни женщины на селе изучались в очень узких рамках, как предметных, так и территориальных. Достижения социализма в сфере бытового и медицинского обслуживания населения распространяли на всю страну, что, конечно же, было неправомерно. Причина заключается в том, что в СССР стремились построить классово однородное общество, уравнивать город и

⁴⁹ Кунгурова Н. И. Женщина в общественном производстве при социализме: экономико-демографический аспект. М., 1983; Зверева Н. В. Занятость женщин и задача демографической политики // Демографическое поведение и возможности воздействия на него в условиях социализма. М., 1986. С. 103–105; Лукашук Ю. М. Социально-демографические последствия двойной занятости женщин // Проблемы социальной демографии. М., 1987. С. 177–191.

⁵⁰ Стародуб В. И. Женщина и общественный труд. Л., 1975; Женщины Страны Советов: Страны Советов: Краткий исторический очерк. М., 1977; Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1981. и др.

деревню, поэтому сельское и городское населения в исследованиях искусственно выравнялись.

После 1985 г., в период перестройки, ученые стали переосмысливать опыт решения «женского вопроса» в СССР и давать ему новую оценку. Одной из наиболее удачных, на наш взгляд, попыток по-новому взглянуть на исследование женщины сделала в своей работе Э. Е. Новикова⁵¹. Для данного исследования это имеет большое значение, поскольку женщины рассмотрены и как социально-демографическая группа. Это исследование стало одним из первых, основанных на принципах гендерного подхода. Автор использует материалы статистики, данные конкретно-социологических исследований, приводит наблюдения и выводы философов, экономистов, социологов, юристов, психологов о взаимосвязи социального положения женщины и тех параметров, по которым они внутренне дифференцированы: социально-классовая принадлежность, брачное и семейное состояние и др.

Наиболее заметным отличием этого этапа в историографии женского вопроса стало то, что во главу угла перестали ставить проблему равноправия с мужчинами⁵². Было признано, что в нашей стране «женский вопрос» еще далек от разрешения и существует множество проблем в сфере женского труда, материнства, положения в семье, социального статуса женщины. Однако вплоть до конца 1980-х гг. комплексного исследования женщин с учетом этих проблем сделано не было.

Перелом в историографии женского вопроса произошел после выхода в 1989 г. статьи «Как мы решаем женский вопрос?», подготовленная научными сотрудниками Института социально-экономических проблем народонаселения АН СССР, в рамках которого зародился существующий ныне Московский центр гендерных исследований. Несмотря на то, что в ней анализировались ставшие традиционными проблемы совмещения советскими женщинами семейных и трудовых функций, ситуация рассматривалась с новых методологических

⁵¹ Новикова Э. Е. Женщина в развитом социалистическом обществе. М., 1985.

⁵² Азарова Е. Г. Проблемы равноправия женщины и мужчины в социальном обеспечении в СССР. М., 1989; Женщины в современном мире. К итогам X-летия женщины ООН. М., 1989.

позиций: через призму «сложившегося стереотипа, привычных представлений о структуре общественных взаимоотношений, о роли и функциях мужчин и женщин, о социальных субординациях»⁵³, что послужило началом нового методологического направления – гендерных исследований.

Начало 1990-х гг. было отмечено качественным поворотом в историографии «женского вопроса», связанного с институционализацией данного подхода: созданием и официальной регистрацией Центров гендерных исследований в Москве, Санкт-Петербурге, Иваново, Твери и появлением большого числа публикаций в рамках данного подхода. Данное направление в науке опиралось на развитую методологическую и методическую базу, заимствованную из западных работ, а также финансовую поддержку иностранных фондов и организаций. Исследования были стимулированы также особенностями переходного периода в отечественной истории. Изменившаяся общественная ситуация заставила по-новому взглянуть на положение женщины. Для публикаций была характерна в целом негативная оценка политики государства в решении женского вопроса в целом, подчеркивалось различие между юридическим и практическим равенством мужчин и женщин, что было связано с недооценкой того, что связано с полом⁵⁴.

За 2000-е гг. были проведены разноплановые конкретно-исторические исследования по феминологии и гендерной истории от самых ранних периодов до настоящего времени. В поле зрения исследователей попадали различные аспекты истории женщин: участие женщин в повседневных практиках: семейно-бытовая сфера, появились исследования женской сексуальности и др. Анализ гендерных исследований в России дала в своих статьях Н. Л. Пушкарева⁵⁵.

⁵³ Захарова Н., Посадская А., Римашевская Н. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист. 1989. №4. С. 56 – 65.

⁵⁴ Воронина О. Женский вопрос // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 351–373; Фотеева Е. В. Образы мужа и жены: стереотипы обыденного сознания // Семья в представлениях современного человека. М., 1990. С. 96–115; Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990; Киселева Т. Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа. М., 1995; Женщины и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново, 1995; Градскова Ю. В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности. М., 1999.

⁵⁵ Пушкарева Н. Л. Женские исследования и женская история в России и за ее пределами (о российской ассоциации исследователей женской истории и не только о ней) // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Армавир, 2010. С. 5–11; Она же. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: тенденции, динамика, перспективы изменений (X-начало XXI в.) // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: сб. ст. М., 2013.

Необходимо особо отметить, что наиболее заметный вклад в изучение истории сельских женщин страны внесли М. Г. Панкратова и Л. Н. Денисова. В своей работе «Сельская женщина в СССР»⁵⁶ М.Г. Панкратова исследует все многообразие изменений, произошедших в положении советской сельчанки в профессиональной и семейной сферах. Повышение образовательного и социального статуса, проникновение в деревню новых «городских» установок рассматриваются в тесной взаимосвязи с историей советской деревни страны в целом. Особое внимание при этом уделяется проблеме достижения женщиной фактического равноправия с мужчиной: указывается, что несмотря на равные возможности самореализации, женщины испытывают дефицит свободного времени из-за занятости в быту. Главным достоинством работы является исторический подход к изучению событий.

В работах Л. Н. Денисовой «Женщины русских селений. Трудовые будни» и «Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт» были исследованы судьбы сельских женщин в послевоенный период советской истории⁵⁷. При этом автор исследует разнообразные аспекты жизни сельской женщины и влияние на нее существовавших в СССР социально-экономических и политических условий с исторической точки зрения. Предметом изучения стали проблемы женской занятости на селе, совмещения семейной и трудовой функций, осложненной особенностями сельского быта, исследовались проблемы переселенцев, формирования семьи и воспитания детей.

Во втором историографическом блоке также нужно отметить литературу, исследующую различные факторы, повлиявшие на повседневную жизнь сельских женщин Красноярского края, условия их труда и быта. В первую очередь, сюда относятся работы, посвященные *механическому движению населения*: миграции и перемещению в результате государственной политики расселения сельских населенных пунктов. Первые данные о масштабах и направлении миграции в сельской местности края содержатся в исследовании Ж. А. Зайончковской и

⁵⁶ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990.

⁵⁷ Денисова Л. Н. Женщины русских селений. Трудовые будни. М., 2003; Ее же. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007.

В. И. Переведенцева⁵⁸. Наряду с исследованием народнохозяйственного значения миграции и факторов ее развития, упоминается о ее влиянии на численность и воспроизводство сельского населения. Некоторые сведения о миграционном движении были почерпнуты из коллективных работ⁵⁹ и трудов Л. В. Зандановой по переселению крестьянства в Сибирь⁶⁰. Особый интерес представляет исследование Л. Б. Волынской, главное достоинство которой заключается в изучении мотивов миграционного поведения, а также приживаемости новоселов в сельской местности Красноярского края⁶¹. Главным недостатком данных работ является слабое внимание к женской миграции, поскольку основной целью работ являлось изучение массового миграционного движения и его роли в экономике страны.

Особенности расселения в крае исследовались Л. Л. Святышевой⁶². К сожалению, необходимо отметить узкие хронологические рамки исследования, что не позволило представить развитие процесса в течение всего исследуемого периода. Однако оно охватывает наиболее активную фазу процесса ликвидации неперспективных деревень и освещает его ход в крае. Взаимосвязь расселения и демографических процессов на уровне страны в целом исследовала в своей работе Ж. А. Зайончковская⁶³. На современном этапе расселение исследовано также в

⁵⁸ Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964.

⁵⁹ Миграция сельского населения в Центральном экономическом районе. М., 1971; Статистика миграции населения. М., 1971; Миграция населения. М., 1973; Социальные факторы и особенности миграции населения СССР. М., 1978 и др.

⁶⁰ Занданова Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX века). Иркутск, 1997; Она же. Переселение крестьянства в лесную промышленность Сибири в 50-е гг. XX в. // Духовно-исторические чтения: Тезисы докладов межвузовской научно-практической конференции. Красноярск, 1998. С. 36–41.

⁶¹ Волынская Л. Б. Ценностные ориентации в системе факторов миграционной подвижности сельского населения: автореферат дисс. ... канд. эк. наук. М., 1985.

⁶² Святышева Л. Л. Некоторые особенности перспективной системы расселения (на примере Красноярского края) // Социологические исследования сибирской деревни. Новосибирск, 1976. С. 62–74.

⁶³ Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.

контексте проблем *раскрестьянивания*⁶⁴ – разрушения традиционного для сельской местности образа жизни и *урбанизации*⁶⁵.

История развития различных аспектов *социально-экономического и культурного развития* края широко представлена в рамках комплексных исследований экономики и производительных сил Сибири⁶⁶, сборниках статей красноярских ученых-историков⁶⁷, диссертационных исследованиях⁶⁸, очерков по истории районов края⁶⁹.

Завершая историографический анализ по исследуемой теме, нужно отметить, что на сегодняшний день имеется большое количество литературы по интересующей нас проблеме, в целом она дает представление о государственной политике в отношении женщин, изменении их общественного положения и статуса, особенностях демографического развития и поведения, роли женщин в воспроизводстве населения страны. Различные по характеру и глубине анализа, степени насыщенности фактическим материалом, указанные публикации создают достаточную историографическую базу для данного исследования.

⁶⁴ Карпунина И. Б. Ликвидация «неперспективных» деревень в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: проблемы изучения // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 157–173; Мазур Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) // Российская история. 2005. №6. С. 25–37; Ильиных В. А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. №1. С. 130–141.

⁶⁵ Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001.

⁶⁶ История Сибири. Т. V. Сибирь в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937 – 1965 гг.). Л., 1969; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960 – 1980-е гг. – Новосибирск, 1991.

⁶⁷ Народы Приенисейской Сибири. История и современность. Материалы научно-практической конференции. Красноярск. 1-1 декабря 2000. Красноярск, 2001; Край большого будущего. История, действительность, перспектива: Материалы конференции. Красноярск, 2004; Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V краеведческих чтений, ноябрь 2004 г. / В. И. Федорова, Т. Л. Савельева, Красноярск: ГУНБ, 2005. – 232 с.; Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Красноярск, 2006.

⁶⁸ Хантуев О. А. Социально-экономическое развитие деревни, 1981 – 1990 гг. (на материалах Восточной Сибири): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1991; Кышпанаков В. А. Население Хакасии: историко-демографическое исследование (1926 – 1989 гг.): автореферат дисс. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1996; Ворошилова Н. В. Образовательный потенциал сибирской деревни: основные тенденции и факторы воспроизводства в 1960 – 1980-х гг. (на материалах Красноярского края): дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2003; Григорьева Е. А. Культурное развитие красноярской деревни в 1960 – 1980-е гг.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2004; Гаврин Д. А. Развитие социально-демографической структуры населения Красноярского края в 1971 – 1980 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005; Дроздов А.И. Развитие производственной сферы Хакасии в середине 1960-х – середине 1980-х гг. (на материалах промышленности и сельского хозяйства): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Абакан, 2006.

⁶⁹ Северьянов М. Д. В плену у города. Исторический очерк о Саянском районе Красноярского края. Красноярск, 1992; Усков Е. В. Мы – большеулуйцы. Очерки истории Большеулуйского района. Красноярск, 2000; Шакирзянова-Удыгир Г. В. Островок среди таежных исполинов. Красноярск, 2011.

Однако анализ работ, посвященных изучению демографических и социокультурных характеристик сельских женщин, показывает, что в данном вопросе остается до сих пор множество «белых пятен», способных пробудить интерес историка. Главным обстоятельством к проведению данного исследования послужило то, что до настоящего времени не проведено комплексного исторического исследования женского населения сел нашей страны, которое позволило бы ответить на все вопросы, связанные с особенностями его развития. Несмотря на то, что отдельные сюжеты получили более или менее удовлетворительное освещение в литературе, требуется более глубокий анализ демографических и социокультурных характеристик женского населения сел Красноярского края. Специального исследования указанных проблем прежде не проводилось.

Цель работы: выявление важнейших социальных качеств женского населения сел Красноярского края в 1960 – 1980-х гг., его исторической роли в развитии народонаселения и повседневной жизни сельской местности региона на заключительном этапе советского периода истории путем изучения совокупности демографических и социокультурных характеристик этой общественной группы.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие научные задачи:

- исследовать эволюцию процессов рождаемости, смертности и брачности в сельском населении региона;
- определить изменение основных социально-демографических характеристик сельских женщин: численности, половозрастного и брачно-семейного составов;
- охарактеризовать ментально-психологические установки сельских женщин, черты их социально-демографического поведения;
- выявить и проанализировать особенности материального, вещного мира, окружавшего сельских женщин;
- реконструировать представления женщин о сельской повседневности и отношении к ней в исторической ретроспективе.

Поставленные цель и задачи определили объект и предмет исследования. **Объектом** исследования выступает совокупность социальных характеристик женского населения сел Красноярского края. **Предметом** являются: эволюция демографического развития (рождаемости, смертности, брачности, семейного и возрастного составов, динамика численности), представления и ценностные ориентации, материально-бытовые условия повседневности сельской женщины.

Территориальные рамки. Исследование охватывает территорию Красноярского края в границах до 1991 г., включая Хакасскую автономную область, Таймырский и Эвенкийский автономные округа. В исследуемый период край представлял собой динамично развивающийся регион, для которого были характерны все признаки урбанизационного перехода. Население края подвергалось всей совокупности наиболее интенсивных социально-экономических, а также культурных, идеологических, правовых преобразований, которые выпали на долю российского народа в это время, следовательно, анализ влияния внешних факторов здесь можно исследовать очень наглядно. Кроме того, выявление региональных особенностей развития социально-демографической сферы имеет самостоятельную научную ценность для реконструкции демографической истории страны в целом.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1960 – 1980-х гг., который является особым этапом в развитии социальной истории нашей страны и края, в том числе. Ключевым процессом, определявшим общественное развитие в эти годы, являлась урбанизация, вызванная активным промышленным освоением. В области демографии это выразилось в том, что в самом начале 1960-х гг. страной был пройден урбанизационный переход: доля сельского населения впервые и до настоящего времени уменьшилась относительно доли горожан, произошла интенсификация пространственного движения сельских жителей, а также существенные сдвиги в процессах рождаемости, смертности, брачности. Масштабные экономические процессы подвергли изменениям повседневную жизнь села: трансформация условий труда и быта оказывала непосредственное влияние на население и заставляла каждого человека по-своему реагировать на

этот процесс. Начался очередной этап эволюции демографических и социокультурных характеристик жительниц села.

Верхняя грань – конец 1980-х годов. К этому времени в нашей стране в целом завершился урбанизационный переход. В крае был окончен период целенаправленного индустриального освоения и по основным социально-экономическим параметрам он стал соответствовать высокоурбанизированному региону. Перепись, проведенная в Советском Союзе в 1989 г., подвела статистический итог тем изменениям, которые внесли в народонаселение и повседневную жизнь села последние тридцать лет его существования. Рубежность этого момента особенно важна потому, что перестал существовать Союз Советских Социалистических Республик, и начался современный этап истории нашей страны – Российской Федерации с принципиально иными социально-экономической и общественно-политической системами, что в корне изменило социальный облик страны и каждой ее социальной группы в отдельности.

Методологической основой послужил принцип историзма, который предполагает рассмотрение отдельных явлений и фактов в развитии и взаимосвязи с конкретно-исторической обстановкой, поэтому объект рассмотрен на широком историческом фоне с учётом предшествовавшего и последующих периодов.

Характер поставленной исследовательской задачи обусловил использование в качестве методологической основы концепции *модернизации*. В общем виде модернизация определяется как переход от традиционного общества к современному, в ходе которого подвергаются трансформации все сферы общественной жизни.

Важнейшей составной частью этой концепции является *теория демографической революции*, суть которой заключается в том, что процесс воспроизводства человеческого рода рассматривается как последовательная смена различных его типов от одного к другому. Наиболее значительная роль в ее разработке принадлежит А. Г. Вишневскому, автору большого числа работ по

данной проблематике ⁷⁰. В основу нашей работы легло высказанное им представление о том, что такой переход тесно связан со всеми процессами, характерными для определенного этапа исторического развития и представляет собой «одну из сторон очень глубокой качественной перестройки всего общественного организма, включает в себя не только изменения интенсивности демографических процессов, но и общих условий, детерминирующих демографическое поведение людей, и механизмов, с помощью которых осуществляется эта детерминация, и того места, которое занимает воспроизводство населения в жизни общества» ⁷¹. Исходя из этого, эволюция демографических характеристик населения сел Красноярского края интерпретируется как одна из сторон качественной трансформации базовых социальных характеристик сельских женщин.

Серьезную разработку теории модернизации также представила в своей работе Л. Н. Мазур ⁷². Анализируя эволюцию расселения на Урале, автор приводит сравнительную характеристику основных стадий модернизации, каждому из которых соответствует определенный набор характеристик. Наряду с такими показателями как экономика, промышленность, культура, социальное и политическое устройство, характеризующими повседневную жизнь сельского населения, исследуются и демографические характеристики: соотношение сельского и городского населения, тип демографического поведения.

Схожие идеи высказывались новосибирскими учеными под руководством Т. И. Заславской – экономистами и социологами, разработавшими методологию системного подхода к изучению сельского населения ⁷³. Развитие села рассматривается ими как взаимосвязь различных функциональных подсистем, в том числе демографической, социальной. Ими была предложена методика анализа демографических показателей как индикаторов развития села, в том числе

⁷⁰ Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976; Его же. Избранные демографические труды. – М., 2005.

⁷¹ Вишневский А.Г. Избранные демографические труды: В 2 т. М.: Наука, 2005. Т.1: Демографическая теория и демографическая история. – С. 7.

⁷² Мазур Л. Н. Эволюция расселения на Урале в XX веке: концепция модернизаций // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 238–277.

⁷³ Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск, 1980.

разработана анкета-интервью для изучения жизнедеятельности сельского населения⁷⁴.

Специфика темы предопределила привлечение работ, написанных в рамках *гендерного подхода*. Его применение позволяет автору рассматривать социально-исторические явления с учетом фактора половых ролей, что имеет особое значение при анализе демографического поведения.

Наибольшее значение здесь имеют труды видного исследователя женской истории и основоположника гендерного подхода в отечественной исторической науке Н. Л. Пушкаревой. В своих многочисленных работах она разрабатывает теорию и методологию гендерной концепции в исторических исследованиях⁷⁵ и применяет их на конкретном историческом материале⁷⁶. В данной работе заимствуется высказанное автором определение гендера как совокупности социальных репрезентаций, связанных с полом, социокультурных проявлений пола, значения, смыслы, выражения и проявления пола, или же просто: пол в социальном смысле⁷⁷.

Также необходимо отметить исследования Л. П. Репиной, посвященные анализу зарубежных наработок в области феминологии и гендерной истории, а также адаптации ее методологических принципов в исследовании истории женщин в отечественной науке⁷⁸.

Основные методологические положения гендерной теории применительно к анализу проблем народонаселения разработала и реализовала в своей диссертации И. Е. Калабихина⁷⁹. В работе автор обосновала необходимость учета фактора социального пола (гендера) при анализе поведенческих мотиваций в

⁷⁴ Там же. С.64.

⁷⁵ Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–86; Ее же. Предмет и перспективы гендерного подхода в исторических науках // Пол и гендер в науках о человеке и обществе. Тверь, 2005. С. 19–43 и др.

⁷⁶ Пушкарева Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3–15; Она же. Женщина в русской семье: традиции и современность // Гендер. Семья. Культура: Сб. статей. М., 1997. С. 177–189 и др.

⁷⁷ Пушкарева Н. Л. Что такое гендер? (Характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание: Материалы второй международной научно-практической конференции. Сыктывкар, 2005. С. 8–20.

⁷⁸ Репина Л. П. "Женская история": проблемы теории и метода // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 103–109; Она же. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. №7. С. 41–58.

⁷⁹ Калабихина И. Е. Гендерный анализ экономико-демографических проблем населения: автореф. ... канд. эк. Наук. М., 1994.

демографических исследованиях. Она делает вывод о том, что особый акцент на значимости субъективного, присущий гендерному подходу, позволяет объяснить установки и поведение конкретных групп населения⁸⁰.

Поскольку данное исследование опиралось на широкий комплекс источников, в том числе воспоминания, данные центральной и региональной печати, беллетристику, огромное методологическое значение имела для него научная литература, посвященная изучению *истории повседневности*. В этих работах, в частности в монографии Е. А. Дегальцевой, образ исторической действительности исследуемой эпохи воспроизводится через исследование неформальной сферы, а одной из главных целей ставится «необходимость соотнесения абстрактных образов народа с конкретными примерами из повседневной жизни»⁸¹. Особое место в этих трудах занимают научные наработки в сфере *устной истории*. Специфика объекта исследования позволила нам получить уникальные сведения, почерпнутые непосредственно у субъектов истории – жительниц красноярских сел, что обусловило необходимость опираться на методологическую и методическую базу данного направления в исторической науке. Нами заимствуется положительная оценка субъективного в источнике, приоритетное внимание не к конкретной исторической действительности, а к отношению к ней индивида, личности. В сибирском регионе наибольшее значение имеют работы Т. К. Щегловой, исследовавшей историю алтайских сел⁸².

Среди ученых, работы которого оказали значительное влияние на проведение данного исследования, следует отметить А. С. Сеньявского, его разработки в области истории повседневности⁸³ и *концепции урбанизационного перехода*. Развитие социальных процессов, к которым относится и демографическое развитие, в исследуемый период рассматривается в них как

⁸⁰ Там же. С. 9.

⁸¹ Дегальцева Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2005. С. 7.

⁸² Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул, 2008.

⁸³ Сеньявский А. С. Повседневность как методологическая проблема в микро- и макроисторических исследованиях // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 25 – 34.

фундаментальные базисные процессы урбанизации, изменяющихся под влиянием качественной трансформации общества из «сельского» в «городское»⁸⁴.

Особое значение для данной работы имели труды, посвященные привлечению визуальных источников. Как известно, конец 1980-х годов в отечественной науке отмечен произошедшим «визуальным поворотом», который произошел в результате распространения антропологического подхода. Визуальные источники, наглядно отразившие действительность, наряду с традиционными для исторической науки документами и вещественными свидетельствами, стали привлекаться исследователями для описания и анализа сложнейших социокультурных, экономических, политических процессов. В настоящее время накоплен значительный багаж научных работ по методике и методологии использования визуальных источников, а также прикладных исследований с их применением⁸⁵. Всесторонний историографический анализ этой области исторических исследований был произведен Р. О. Абиловой в диссертации «Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии»⁸⁶. В своей работе автор делает вывод о том, что сельская повседневность через визуальные источники исследована в значительно меньшей степени, чем городская, что обусловило необходимость привлечения фотографий для изучения жизненного мира сельских женщин, что подтвердилось в ходе нашего исследования.

Методической опорой данной работы послужили работы М. В. Добренькой, в которых исследуется повседневность и быт советского города⁸⁷.

Использование указанных методологических оснований обусловило использование как специальных исторических методов исследования, так и социологических, что позволило обеспечить комплексный подход к

⁸⁴ Сеньявский А. С. Урбанизация в России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.

⁸⁵ Круткин В. Л., Власова Т. А. Исследования визуальных аспектов культуры. Ижевск, 2009; Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005; Нуркова В. В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М., 2006 и др.

⁸⁶ Абилова Р. О. Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии: Дисс. канд. ист. наук. Казань, 2017.

⁸⁷ Добренькая М.В. Образцовое жилище москвича 1950-х гг. в фотографиях Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы // Отечественные архивы. 2008. N 2. С. 103 – 108.

исследованию. Применение исторических методов: сравнительно-исторического, ретроспективного, проблемно-хронологического, структурно-функционального, исторического описания, актуализации и др. дало возможность изучать исторические явления и факты как в тесной связи с исторической обстановкой, в которой они возникали и развивались, так и в их качественном изменении на различных этапах развития. Социологические методы: опрос и анкетирование использовались для конкретизации имеющихся данных, дополнения их свидетельствами свидетелей изучаемых событий.

Источниковая база. Для решения поставленных исследовательских задач потребовалось привлечение широкого круга источников, содержащих сведения об объекте изучения. Данная работа опиралась как на неопубликованные, так и опубликованные материалы, а также сведения, самостоятельно собранные диссертантом в ходе анкетирования и устных бесед.

Основными источниками о демографическом развитии населения в данной работе являются статистические данные. Базовыми выступают материалы переписей населения 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., содержащие необходимые сведения о численности населения, возрастном составе, различных структурах населения. Главное их достоинство заключается в массовости и сопоставимости в региональном и хронологическом разрезах. Благодаря им мы имеем возможность проследить динамику этих показателей в ходе последних трех советских десятилетий. Некоторые итоги переписей опубликованы⁸⁸, однако значительная их часть находится на хранении в центральных (РГАЭ. Ф. 1562) и местных (Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1300) архивах. В работе также привлекались опубликованные материалы Микропереписи населения 1994 г.⁸⁹ и Всероссийской переписи населения 2002 г.⁹⁰, которые позволили проследить итоги некоторых демографических процессов, что помогло в оценке их развития в 1960 – 1980-х годах.

⁸⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: в 7-ми тт. М., 1972-1974; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. ТТ. I - X. М., 1980-1982; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990 и др.

⁸⁹ Основные итоги микропереписи населения 1994 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1995.

⁹⁰ Основные итоги микропереписи населения 1994 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1995.

Другой важной группой демографических источников является текущая статистика естественного и механического движения населения⁹¹. Часть из них опубликована в статистических сборниках, однако зачастую в них содержатся только самые общие данные, а показатели, характеризующие демографическое развитие отдельно сельских женщин, приведены крайне редко. Отчасти этот недостаток позволяют восполнить неопубликованные материалы, однако и они сохранились не полностью. В ГАРФ (Ф. А-374) содержатся сведения о естественном движении сельчанок: показатели смертности, рождаемости, брачности и разводимости, число аборт. Эти материалы достаточно подробно характеризуют развитие демографических процессов в сельском населении края, однако хронологически они охватывают только первую половину 1960-х гг., за более поздние годы данных нет. Восполнить недостаток позволяют материалы местного архива (Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1300), которые представлены довольно подробными данными о естественном движении сельских жительниц. Однако и здесь не все материалы представлены полно: сельсоветские данные о возрастном и половом составе сельского населения края содержатся только за 1960 – 1970-е гг., последнее десятилетие изучаемого периода представлено только двумя годами - 1983 и 1988 гг. Тем не менее, эти данные единовременного учета позволяют проследить динамику численности и эволюции половозрастного состава в межпереписные периоды, хотя статистики и признают некоторый недоучет сельчан.

К группе текущей демографической статистики относятся также данные о миграции сельского населения. Они сохранились в архивах в виде сводных таблиц учета миграции, составляемых на основании отрывных листков учета прибывших и выбывших (Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1300). Очень серьезными недостатками является неполнота учета в них числа мигрантов, а также то, что показатели за ряд лет представлены в виде сводных таблиц, в которых женщины и мужчины учтены вместе. Это лишает возможности

⁹¹ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. М., 1992; Демографический ежегодник Российской Федерации 1993. М., 1994; О демографических процессах в Красноярском крае: стат. сб. Красноярск, 1993; Демографический ежегодник Красноярского края. 2000. Красноярск, 2001 и др.

произвести полную численную реконструкцию миграционных потоков, поэтому данные о пространственном движении женского населения в исследуемый период можно привести лишь фрагментарно.

Часть источниковой базы составила статистика факторов демографического развития – условий труда и быта сельского населения, содержащаяся в ежегодниках «Народное хозяйство Красноярского края»⁹².

Вторую группу источников составили программные документы центральных и местных органов КПСС и советского государства. Диссертантом привлекались документы и материалы, отражавшие официальную политику в отношении женщин: опубликованные Указы Президиума Верховного Совета СССР, Постановления Совета Министров СССР, резолюции съездов КПСС, Пленумов ЦК КПСС. Многие из них опубликованы в периодической печати или в документальных сборниках⁹³. В архивах сохранились секретные постановления и информация об их реализации, которая дает представление об условиях и факторах жизни на селе (Государственный архив Красноярского края. Ф. П-26). Привлекались также многочисленные сводки о состоянии здравоохранения, положении с детскими дошкольными учреждениями и т. д. Также были использованы материалы специальных женских организаций – Краевого совета женщин (Государственный архив Красноярского края Ф. П-971).

Некоторые сведения были получены из материалов периодической печати: центрального, краевого и районного уровней. В центральной и краевой периодике: газетах «Известия», «Сельская жизнь», журналах «Сельская новь», «Советская женщина», «Крестьянка», «Сибирские огни» можно проследить официально пропагандируемый образ жизни советского человека. Чаще всего эти издания были ориентированы на конструирование социально желательного типа поведения и образа советской женщины в целом. Однако для того, чтобы проследить, насколько эти нормы воспроизводились в реальной жизни, к анализу

⁹² Народное хозяйство Красноярского края: стат. сб. Красноярск, 1967; Народное хозяйство Красноярского края: стат. ежегодник. Красноярск, 1990 и др.

⁹³ Законодательство о правах женщин в СССР. М., 1975; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4-15. М., 1968-1985; и др.

широко привлекались материалы районных газет: «Красное знамя» (Абанского района), «Сельская правда» (Алтайского района Хакасской автономной области), в которых проблемы «маленького человека» более заметны. Публикации в них содержат фактический материал, который дополняет массовые статистические источники за счет конкретизации исторических процессов.

Специфика объекта исследования – субъективных установок сельских женщин, касающихся их поведенческих установок, потребовала широкого привлечения материалов социологического характера. В основном она представлены исследованиями, проведенными в других регионах, так как в Красноярском крае социологические обследования по данной проблематике не проводились. Исключение составляет работа Л. Б. Волынской, в которой исследовались ценностные ориентации мигрантов⁹⁴.

Диссертационное исследование опиралось также на такой нетрадиционный для исторического исследования вид источников как результаты анкетирования и личных опросов сельских жительниц. Было опрошено 50 женщин, проживавших в исследуемый период в сельской местности Красноярского края и находившихся в это время в репродуктивном возрасте. Результаты анкетирования и опросов позволили в значительной мере восполнить недостаток информации о поведенческих установках сельчанок путем ретроспективного опроса.

Повседневный мир сельской женщины изучался при помощи фотоисточников – любительской фотографии, сделанной в течение 1960 – 1980-х гг., а также иллюстраций в периодической печати этого периода. Поскольку данный вид источника до сих является нетрадиционным для исторического исследования, интерпретация имеющих в них данных производится в сопоставлении с другими историческими источниками.

Большое значение для определения «духа эпохи» в данном исследовании сыграла художественная литература: произведения поэтов и писателей-деревенщиков и публицистические произведения, дающие представление об

⁹⁴ Волынская Л. Б. Ценностные ориентации в системе факторов миграционной подвижности сельского населения: автореферат дис. ... канд. эк. наук. М., 1985. С.15.

обыденной сельской жизни. Они позволяют обрисовать психологический облик сельчанок, реконструировать внутренний мир деревни, особенности взаимоотношений, а также повседневные бытовые практики.

В результате привлечение комплекса источников позволило опереться на многообразие данных, что в целом обеспечило достаточную базу для решения поставленной исследовательской задачи.

Научная новизна исследования заключается в том, что на основе широкого круга источников, в том числе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, представлена эволюция демографических и социокультурных характеристик женского населения красноярских сел в 1960 – 1980-х годах. При этом впервые были использованы материалы устной истории. Это позволило рассмотреть некоторые важные вопросы исторического развития, такие как влияние социальной политики и мер государственного регулирования, отношение к рождению детей, здоровью, браку и разводу с позиции "маленького человека", женщин, проживавших в красноярских селах в исследуемый период. Масштабные демографические процессы, происходившие в народонаселении сел края в исследуемый период, рассматриваются таким образом не только при помощи клиометрических методов исследования – на материалах демографической статистики, но и с точки зрения антропологического подхода – при помощи анкетирования, бесед, интервью.

В данной работе сельские женщины представлены не только с точки зрения демографических характеристик в целом: показателей рождаемости, смертности, изменения возрастно-полового состава, численности, что характерно для подобного рода исследований. Здесь женщины рассматривались как совокупность различных социальных групп: возрастных когорт, уровня образования, что позволило увидеть более детальную картину поведенческих особенностей. В большей степени в работе уделялось внимание возрастным отличиям, что позволило увидеть изменения демографического поведения женского населения сел края в разрезе поколений. В работе сделаны выводы о том, как в течение исследуемого периода возрастные когорты с традиционным типом

демографического поведения сменялись когортами с современным типом, что и выразилось в эволюции демографического поведения сельских женщин Красноярского края.

Демографическое поведение в данной работе рассматривается как совокупность отношений и действий женщины в сфере естественного воспроизводства, а также брака и семьи. Это определило особый подход к анализу объективных условий повседневной жизни в сельской местности края – материально-бытовых и социокультурных. Наряду с масштабными региональными процессами, такими как красноярские десятилетки и освоение северных территорий, природно-климатическими условиями, исследуются условия труда и быта сельских женщин, медицинского обслуживания, досуга.

Впервые красноярские сельчанки исследованы с позиции гендерного подхода, что предполагает не просто сравнение женского и мужского населения с точки зрения демографических показателей, а в первую очередь обращает внимание на социальные роли, предписываемые обществом человеку. Представления о материнстве, семье, забота о здоровье и их эволюция в данной работе исследуются в качестве ментально-психологической составляющей демографического поведения сельских женщин. В основном для этого использовались образы женщин, запечатленные в работах писателей-деревенщиков, периодической печати, а также отношения, высказанного в результатах ретроспективного опроса сельских женщин края. При этом внимание уделяется не только правильному, но и отклоняющемуся поведению.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что на примере отдельной общественной группы была рассмотрена эволюция демографических процессов, изучены закономерности трансформации материально-бытовой среды в условиях урбанизации региона. Определены и использованы способы получения объективной информации из используемых источников. Основные положения диссертации уточняют устоявшиеся в исторической науке представления о развитии демографических, экономических и социокультурных процессов, проясняют некоторые ранее изученные явления.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке учебного курса по историческому краеведению и исторической демографии, написании истории повседневности Сибири и России, обобщающей «женской истории» страны. Аналитические материалы о тенденциях демографического развития села, а также о воздействии мер социальной политики на поведение демографических субъектов могут стать основой для рекомендаций органам государственного управления в разработке мер региональной политики в сфере народонаселения. Накопленные диссертантом материалы устной и визуальной истории планируется положить в основу создания виртуального архива-фонда «Женские истории», который позволит накапливать и представлять для изучения источники личного происхождения: воспоминания, письма, фотографии и иные другие, имеющие отношение к истории повседневной жизни красноярского села в эпоху зрелого социализма.

Степень достоверности и апробация результатов. Отдельные аспекты, основные выводы и положения работы были представлены в докладах на научной конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Красноярск, 2005 г.), Всероссийской научной конференции с международным участием «История науки и образования в Сибири» (г. Красноярск, 2006), Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России (г. Минусинск, 2007), Всероссийской научной конференции «Национальная идентичность России и демографический кризис» (г. Казань, 2008), Международных научно-практических конференциях «Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях» (г. Усть-Каменогорск, 2008, 2009) региональной научно-практической конференции «Духовно-исторические чтения» (г. Красноярск, 2012), Международной конференции «Новые технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития» (г. Белгород, 2018) ⁹⁵. Также по теме

95 Аксенова М. Н. Военное поколение сельских жителей Красноярского края // Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: 60 лет Победы: Материалы научной конференции. Красноярск, 2005. С. 208 – 214; Она же. Образование

диссертации четыре научных статьи опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК⁹⁶.

Положения, выносимые на защиту:

- эволюция демографических характеристик женского населения сел Красноярского края представляла собой элемент трансформации народонаселения в ходе модернизации, связанной с переходом от традиционного к современному типу воспроизводства;
- трансформация места и роли женщины в советском обществе, развитие внесемейных форм деятельности в контексте индустриализации и урбанизации образа жизни нашли отражение в изменении поведенческих установок сельских женщин Красноярского края, особенно заметное в разрезе поколений;
- жительницы красноярских сел, так же, как и большинство российских женщин, находились под влиянием социального стереотипа, утвердившего приоритет функции труженицы над функцией хозяйки дома, это отразилось в демографических показателях и качестве жизни сельских женщин и свидетельствовало об отсутствии качественной специфики региона;

сельских женщин Красноярского края (по материалам переписи 1989 г.) // История науки и образования в Сибири. Красноярск, 2006. С. 189 – 194; Она же. Динамика численности сельских женщин Красноярского края в 1960 - 1980-х гг. // Мартыановские краеведческие чтения. Красноярск, 2008. С. 175 – 179; Она же. Роль естественного и механического движения в динамике численности сельских женщин Красноярского края в 1960 - 1980-х годах // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2008. С. 5 – 21; Она же. Эволюция возрастного состава сельского населения красноярского края в 1960 - 1980-х гг. // Национальная идентичность России и демографический кризис. М., 2009. С. 1001 – 1015; Она же. Смертность сельских женщин Красноярского края в 1960-1980-х гг. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2009. С. 5 – 21; Она же. Демографическое поведение красноярских сельчанок края в 1960 – 1980-х гг. (историография вопроса) // Духовно-исторические чтения: материалы региональной научно-практической конференции. Красноярск, 2014. С. 38 – 44; Она же. Эволюция семейного состава сельского населения Красноярского края в 1960-1980-х гг. // Научный альманах. 2015. №12-3 (14). С. 115 – 118; Она же. Некоторые черты социального портрета поколения «беби-бумеров» в красноярской деревне // Новые технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития: Белгород, 2018. С. 91 – 97.

⁹⁶ Аксенова М.Н. Изменение матримониального поведения сельских женщин Красноярского края в 1960 - 1980-х годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №32. История. Вып.35. С. 84 – 87; Она же. Эволюция рождаемости в сельской местности Красноярского края в 1960 – 1980-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №11. Ч. 1. С. 36 – 38; Она же. Семья в красноярской деревне в 1960 – 1980-х гг. (демографические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №12. Ч. 2. С. 20 – 23; Она же. Эволюция репродуктивного поведения сельских женщин Красноярского края в 1960—1980-х гг.: опыт когортного анализа // Женщина в российском обществе. 2013. №2. С. 26 – 32.

- трудности труда и быта в красноярской деревне, определившие особенность повседневной жизни сельских женщин, обусловили престиж городского образа жизни и отразились в их психологических установках.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, приложений.

Глава 1 Демографические характеристики сельских женщин

Изучение женского населения сел целесообразно начать с исследования их социально-демографических характеристик. Нарботки, сделанные демографической наукой, позволяют нам выделить некоторые наиболее интересные для историка особенности их эволюции, которые делают изучение объекта наиболее продуктивным и осмысленным. К базовым чертам сельских женщин в данной работе мы отнесем, во-первых, показатели, характеризующие естественное воспроизводство женского населения (рождаемость, смертность, брачность), поскольку признается, что роль женщин в этих демографических процессах является особой. Во-вторых, базовыми чертами, представляющими интерес для исторического исследования, является динамика численности и возрастного состава, поскольку через эти исчисляемые и сопоставимые показатели мы можем наблюдать течение ключевых социальных процессов, происходивших в населении (конкретно здесь – с сельскими женщинами Красноярского края). В этих статистических показателях отразится все многообразие изменений и влияний, задачей исследователя остается правильная интерпретация и иллюстрация историческим материалом.

1.1. Рождаемость и смертность женщин в красноярской деревне

Особая роль женщин в воспроизводстве поколений очевидна. От того, сколько женщин имеется в населении вообще и сколько примерно в среднем каждая из них сможет, а с некоторых пор – еще и захочет – родить, будет зависеть численность рожденных детей.

К концу 1950-х гг. сельские женщины края вместе со всем населением России уже прошли длительный период модернизации рождаемости, начавшийся еще в конце XIX века. На протяжении жизни всего трех – четырех поколений россиянок произошло колоссальное снижение рождаемости – она сократилась с 7,5 живорождений в среднем на одну женщину за всю ее жизнь в конце XIX века до 1,2 в конце XX века; с 7,2 ребенка в расчете на одну женщину из поколения, родившегося в конце 1860-х гг. до 1,6 для поколения, родившегося в конце 1960-х

гг., и к концу 1950-х гг. РСФСР, как и другие европейские республики СССР, по уровню рождаемости не отличались от западных стран⁹⁷. К 1960-м годам, по мнению большинства ученых, модернизация рождаемости подошла к своему заключительному этапу⁹⁸. Причиной тому стало массовое сознательное ограничение женщинами числа детей.

Согласно статистическим данным, рождаемость в сельской местности края к концу 1950-х годов уже переступила черту, которую принято считать границей перехода от бесконтрольной к регулируемой рождаемости: ее суммарный коэффициент (показатель, отражающий рождаемость всех женщин репродуктивного возраста, т.н. условного поколения, за определенный период) в 1958-1959 гг. составил 3,6‰, тогда как, по расчетам ученых-демографов, для того чтобы утверждать, что большинство семей не ограничивает число рождений, он должен быть не менее 4,0‰⁹⁹.

Статистика говорит о том, что ограничение рождаемости активно практиковалось в селах края уже к началу исследуемого периода, и для этого сложились объективные обстоятельства. 1950-е годы в крае были отмечены экстенсивным развитием сельского хозяйства, потребовавшим дополнительного привлечения рабочей силы. Ее источниками становились переселенцы, комсомольцы, партработники, шефская помощь со стороны городских предприятий и организаций. Также недостаток работников на селе покрывался за счет внутренних резервов – вовлечения женщин в сферу общественного производства. В 1959 г. уже 45,6% жительниц села были трудоустроены¹⁰⁰. В дальнейшем планировалось только увеличивать этот показатель. В переписке красноярских сельских партийных органов с ЦК КПСС и Советом Министров РСФСР в 1960 г. содержится отчет о принятии «мер по усилению воспитательной работы среди женщин, вовлечении их в общественную работу на предприятиях, колхозах, совхозах и учреждениях, не работающих – в общественно полезный

⁹⁷ Демографическая модернизация России, 1900-2000. М., 2006. С. 149.

⁹⁸ Захарова О. Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке. М., 1993. С. 44–45; Демографическая модернизация России, 1900-2000. М., 2006. С. 157.

⁹⁹ Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в СССР. М., 1989. С. 57.

¹⁰⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения по Красноярскому краю. Красноярск, 1963. С. 50.

труд»¹⁰¹. К 1970 г. в сельской местности края было занято уже 78,7% женщин, к 1979 г. – 82,7%, в 1989 г. количество занятых составило 84,6%¹⁰².

Производственная деятельность сельчанок вызвала закономерные трудности в совмещении ролей матери и работницы, многократно описанные в социологической и исторической литературе. В условиях Сибири ситуация осложнялась тяжелыми климатическими условиями, неразвитостью сферы бытового обслуживания, практически полным отсутствием благоустроенного жилья. В сельском хозяйстве нередко встречались женщины-комбайнеры и механизаторы, многие из них работали во вредных для здоровья (в том числе и репродуктивного) условиях. При этом государство требовало в полном объеме выполнять свое естественное предназначение – рожать детей несмотря на то, что времени заниматься их воспитанием оставалось катастрофически мало. Это стало дополнительным фактором снижения рождаемости в будущем: чрезмерные нагрузки превращали материнство в обузу.

Рост занятости женщин совпал с появлением Указа Президиума Верховного Совета от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения аборт»¹⁰³. Свобода, полученная женщинами в области регулирования рождаемости в связи с отменой наказания за аборт по закону 1936 г., вкупе с возрастающим значением производственной роли привели к существенному снижению рождаемости. По выражению А. М. Меркова, единственным стимулом, определяющим величину рождаемости, теперь стало «благо социалистического коллектива, благосостояние и здоровье его членов»¹⁰⁴, а его каждая женщина могла понимать по-своему.

Особенностью репродуктивной истории нашей страны, и в том числе, красноярского села, являлось важное обстоятельство: массовый переход к регулированию рождаемости не сопровождался «контрацептивной революцией».

¹⁰¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 33. Д. 1. Л. 185.

¹⁰² Славина Л. Н. Сельские женщины Красноярского края в общественном производстве (1960 – 1980-е гг.) Исторические этапы социально-экономического и культурного развития Красноярского края. Материалы краеведческих чтений. С. 59; Она же. Распределение постоянного населения по общественным группам, источникам средств существования, отраслям народного хозяйства и занятиям по Красноярскому краю по переписи 1989 г. Красноярск, 1990. С.17.

¹⁰³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1955 г. №22. Ст. 425.

¹⁰⁴ Мерков А. М. Демографическая статистика. С. 220.

Основным способом регулирования рождаемости являлись не превентивные методы, предотвращающие зачатие, а аборт. После их легализации в 1955 г. число искусственных прерываний беременности резко возросло.

По данным Госкомстата России, быстрый рост числа абортов продолжался до 1964 г., когда был зафиксирован их максимальный за всю историю страны абсолютный и относительный уровень – около 5,6 млн. или 169 абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста¹⁰⁵. Уровень абортов у сельских жительниц края был заметно ниже – 118 абортов¹⁰⁶. На основании этих данных нельзя однозначно утверждать, было это вызвано меньшим распространением медицинских абортов в деревне, либо стало следствием недоучета их числа за счет тех, которые были произведены вне больничных учреждений и не попали в статистику. Ретроспективный опрос показал, что к абортам в деревнях в исследуемый период относились вполне лояльно, за их производство общественное мнение не осуждало.

За исследуемое тридцатилетие практика производства абортов у красноярских женщин, не только сельских, но и городских, закрепились и для молодых поколений стала нормой. Это оказало негативное влияние на состояние репродуктивной сферы, что стало предметом обсуждения на состоявшемся в 1988 г. в Красноярске Всесоюзном семинаре молодых ученых-медиков на тему «Научно-технический прогресс в гинекологии», посвященном охране здоровья молодых, до 35 – 40 лет, женщин. Доктор медицинских наук, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии Красноярского государственного медицинского института И. И. Усоскин в интервью прямо заявлял: «Тенденция к увеличению болезней, к сожалению есть. Связано это, по-видимому, с более частым прерываем беременностями. В первую очередь, недостаточно грамотно поставлено у нас воспитание молодежи. Если бы молодежь знала, насколько

¹⁰⁵ Демографическая модернизация России, 1900-2000. С. 216.

¹⁰⁶ Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп.36. Д. 3847. Л. 1-1об., 2-2об., 3-3об., 4-4об.

опасен, например, первый аборт, она более серьезно относилась бы к половым отношениям, к вступлению в брак, к вопросам планирования семьи»¹⁰⁷.

Снижение рождаемости в красноярском селе закономерно усиливало процесс раскрестьянивания. Известно, что крестьянки имеют в среднем больше детей, чем работницы. Новые социальные ценности и нормы (в том числе, это касается и малодетности) усваивают вначале наиболее образованные, первыми утратившие связь с патриархальным сельским укладом жизни слои. Вслед за интеллигенцией к ним переходят представители рабочего класса, также начиная с его относительно высокообразованной верхушки. Наконец, по мере индустриализации сельского хозяйства и урбанизации деревенского образа жизни социальные нормы распространяются и среди крестьянства. Таким образом динамика социального состава оказывает влияние на показатели рождаемости в населении.

Согласно статистическим данным, в красноярских селах абсолютное число колхозниц с 1959 г. по 1970 г. уменьшилось с 243,6 тыс. человек до 87,8 тыс. человек¹⁰⁸. Социальная база расширенного воспроизводства в результате этого масштабного процесса только в абсолютном выражении сократилась практически втрое.

При этом постоянно шло увеличение образовательного уровня сельских женщин. Перепись 1989 г. зафиксировала существенную разницу в образовательном уровне поколений (табл. 1). Доля наиболее образованных (с высшим, незаконченным высшим, средним специальным образованием) в женском населении сел в целом составила 22,9%, с общим средним (полным) – 40,7 %, с начальным уровнем образования и без него – 36,4%.

¹⁰⁷ ГАКК. Ф. П-971. Оп 1. Д. 23. Л.8.

¹⁰⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1631. Л. 72; ГАКК. Ф. Р-1300. Оп.5. Д. 3033. Л.11 об.

Таблица 1 – *Распределение женского населения Красноярского края по возрасту и уровню образования (по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. *)*

Годы рождения	На 1 000 человек соответствующего возраста имеют образование						
	высшее и среднее (полное и неполное)	в том числе					начальное
		высшее	неоконченное высшее	среднее специальное	среднее общее	неполное среднее	
1969–1972	961	–	3	85	310	563	27
1959–1968	981	79	19	336	415	132	11
1949–1958	958	89	9	297	329	234	33
1939–1948	759	78	6	195	155	325	211
1934–1938	510	35	3	123	73	276	393
1929–1933	279	20	7	64	26	162	518
1928 и ранее	179	6	3	37	19	114	362
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 100–139.							

Наименее образованной, как и следовало ожидать, осталась старшая возрастная группа женщин (1928 г. и более ранних годов рождения). Среди входивших в старшую возрастную группу доля лиц с высшим, неоконченным высшим и средним специальным образованием составила лишь 4,6%, средним – 13,3%, начальным – 36,2%. Значительная доля сельчанок старшей возрастной группы не вошла ни в одну из этих категорий. В основном это были женщины, не имевшие образования вообще, в том числе неграмотные, а также не указавшие свой уровень образования. Причины столь низкого образовательного уровня поколения известны и характерны для сельских женщин страны в любом регионе: детство и юность этих девочек проходили в крайне тяжелые для страны годы, сказывались недостатки образовательной системы на селе, а также тотальное вовлечение в рутинный труд в домашнем хозяйстве, а также то обстоятельство, что наиболее образованная часть этой возрастной группы переехала в города.

Согласно данным переписи, среди сельчанок старшей когорты 1929-1933 гг. рождения было 9,1% женщин-специалистов, с общим и средним образованием – 18,8%, с начальным – 51,8%. Пятая часть всех женщин этой возрастной когорты

осталась неграмотными, несмотря на переход к всеобщему начальному образованию детей, завершённый в целом по стране к 1937 году.

Анализ статистических данных показывает постоянное перераспределение удельного веса образованных и неграмотных от поколения к поколению (табл. 1). Самым высоким уровнем образования отличилась возрастная когорта сельских женщин, рождённых в 1959-1968 гг. Экономическая стабильность и введение всеобщего среднего образования стали условиями, которые привели к тому, что на момент переписи больше половины сельских женщин этого возраста получили среднее образование и в силу возраста ещё могли его повысить.

Таким образом, к концу 1980-х годов в селах края жили несколько типов женщин, отличавшихся не только уровнем образования, но и типами социализации: от традиционных (приобретение знаний и умений в семье в домашних условиях) до современных (в общеобразовательных школах, техникумах, вузах). Они принадлежали к разным социокультурным мирам – патриархальному, в котором воспитывались старшие поколения, и урбанистическому, представителями которых стали младшие по возрасту поколения. Поскольку образование за всю советскую историю в красноярской деревне стало одним из наиболее мощных каналов трансляции населению новых модернизационных ценностей и установок, то результатом стал социокультурный разрыв внутри самого сельского общества, более глубокий, чем обычно бывает между «отцами» и «детьми». «Матери» и «дочери» в красноярской деревне продемонстрировали колоссальные различия в типе естественного воспроизводства, незаметные в валовых статистических показателях, но разительные – при изучении истории семей.

Демографическая наука разработала специальные показатели, которые позволяют описать такие масштабные процессы в народонаселении через изменение статистических показателей. Массовый переход к средне- и малодетности статистически отразился в значительном уменьшении доли детей высокой очередности рождений: четвертых и более детей, которые как раз и обеспечивали расширенное воспроизводство. В течение 1960 – 1980-х годов

большинство родившихся у сельских женщин края составляли первые и вторые дети: их суммарная доля колебалась от 54,2% в 1965 г. до 77,0% в 1980 г. (табл. 2).

Таблица 2 – Удельный вес родившихся в сельской местности Красноярского края по очередности рождения в 1960–1989 гг.*

Годы	Всего родившихся по очередности рождения, тыс. чел.				Удельный вес родившихся по очередности рождения, %			
	первый	второй	третий	четвертый и более	первый	второй	третий	четвертый и более
1960	10,9	9,4	6,3	9,0	30,6	26,4	17,7	25,3
1965	5,8	6,1	4,3	5,7	26,6	27,6	19,5	26,3
1975	8,1	5,2	2,1	2,4	45,5	29,3	12,0	13,2
1980	7,8	6,4	2,3	1,9	42,2	34,8	12,8	10,2
1985	6,1	7,0	3,6	2,6	31,7	36,3	18,8	13,2
1986	5,9	7,4	4,1	2,9	29,2	36,2	20,4	14,2
1987	5,8	7,2	4,2	3,1	28,7	35,4	20,6	15,3
1988	5,6	6,3	3,8	2,8	30,0	34,2	20,3	15,5
1989	5,5	5,6	3,4	2,7	32,0	32,5	19,8	15,7
* Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7844. Л. 4–4 об.; Оп. 35. Д. 7674. Л. 9; О демографических процессах в Красноярском крае. Красноярск, 1993. С. 43–45.								

Структура рождаемости по очередности рождений осталась практически неизменной за первую половину 1960-х гг., даже несмотря на существенные социально-демографические сдвиги, в частности то, что абсолютные числа рождений уменьшились с 35,2 тыс. в 1960 г. до 21,9 тыс. в 1965 г.¹⁰⁹. Однако по мере того, как когорты женщин с пассивным репродуктивным поведением выходили из репродуктивного возраста, трансформация рождаемости в сельской местности края становилась более очевидной. К середине 1970-х годов соотношение изменилось в сторону увеличения удельного веса первенцев. Теперь структура рождений по очередности соответствовала населению с современным типом рождаемости. Доля детей, рожденных третьими, четвертыми и далее резко

¹⁰⁹ Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7844. Л. 4-4об.; Оп. 35. Д. 7674. Л. 9.

сократилась. Ее незначительный прирост в середине 1980-х годов был вызван мерами социальной политики государства и тем, что в этот период в возрасте 30 – 39 лет находилось поколение 1950-х гг. рождения, часть которого сохранила традиционные репродуктивные установки.

К концу 1980-х годов доля рождений высокой очередности окончательно сократилась. Абсолютное большинство родившихся были первыми и вторыми детьми. В сельской местности края доля третьих и далее рождений оставалась весомой до конца исследуемого периода, что заметно в сравнении с городским населением.

Одновременно в сельской местности происходило заметное изменение возрастной структуры рождаемости – от относительно равномерного распределения по возрастным группам к перемещению большинства рождений в группу 20 – 35 лет. Ситуация, вполне обычная для традиционного общества, когда женщина и ее взрослая дочь или невестка рожали одновременно, в 1960 – 1980-е годы была уже редким явлением.

До начала исследуемого периода средний возраст материнства изменялся незначительно. Внешняя стабильность свидетельствовала о том, что с начала XX века до начала осуществления демографического перехода в РСФСР сосуществовали поколения женщин с разным режимом рождаемости. Пока представительницы современного типа репродуктивного поведения реализовывали все свои запланированные рождения, находясь в молодом возрасте, одновременно с ними рожали детей более старшие по возрасту представительницы традиционного демографического поведения.

После исследования статистических данных по красноярской деревне мы должны согласиться с выводами ученых, занимавшихся исследованием среднего возраста материнства в России. Они заключаются в том, что историческое его снижение для всех рождений объясняется не омоложением в среднем матерей при рождении каждого последующего ребенка, а почти исключительно тем, что в населении непрерывно уменьшалась доля многорожавших женщин и,

соответственно, увеличивалась доля тех, кто ограничивался одним - двумя детьми, произведенными на свет, как правило, в молодом возрасте¹¹⁰.

Эволюция среднего возраста материнства в сельской местности края проходила в соответствии с общероссийскими тенденциями. Важнейшим изменением структуры рождаемости в этот период стало постепенное нарастание концентрации рождений на все более узком возрастном интервале – от 20 до 29 лет. Несмотря на то, что уменьшение абсолютного числа рождений в первой половине 1960-х годов произошло в большей степени за счет именно этой возрастной группы, а ее удельный вес в общей численности рождений снизился, тогда как других – возрос, произошло это не за счет изменения структуры рождаемости (табл. 3). Причиной этому послужило уменьшение абсолютной численности этой возрастной группы в результате высокого уровня миграции, что исказило картину эволюции процесса рождаемости.

В первой половине 1960-х годов в общем числе рождений несколько возросли доли матерей 30 – 39 и 40 – 49 лет, несмотря на то что абсолютное число рожденных в этих возрастных группах детей за пять лет уменьшилось. Относительный, то есть связанный с увеличением доли рождений в процентах, прирост рождаемости в этих группах стал следствием всплеска миграции молодых девушек, тогда как женщины «среднего возраста» были более тяжелы на подъем, их жизнь, как правило, уже устоялась. Вероятно, они сохраняли элементы патриархального типа демографического поведения, элементом которого было рождение детей на протяжении всего периода фертильности.

Таблица 3 – *Удельный вес родившихся в сельской местности Красноярского края по возрасту матери в 1960–1989 гг.**

Годы	Всего родившихся у матерей в возрасте, тыс. чел.				Удельный вес родившихся по возрасту матери, %			
	до 20 лет	20–29	30–39	40–49	до 20 лет	20–29	30–39	40–49
1960	1,8	20,7	11,6	1,2	5,2	58,3	32,8	3,7
1965	1,6	11,9	7,3	1,1	7,3	54,1	33,5	4,8

¹¹⁰ Демографическая модернизация России, 1990-2000. С. 189.

Продолжение таблицы 3

Годы	Всего родившихся у матерей в возрасте, тыс. чел.				Удельный вес родившихся по возрасту матери, %			
	до 20 лет	20–29	30–39	40–49	до 20 лет	20–29	30–39	40–49
1975	2,5	12,0	2,9	0,4	13,8	67,2	16,5	2,5
1980	2,6	13,1	2,4	0,4	14,2	70,9	12,9	2,0
1985	2,1	13,1	4,0	0,2	10,9	67,5	20,6	1,0
1986	2,2	13,2	4,8	0,2	10,7	64,8	23,6	0,9
1987	2,2	12,8	5,1	0,2	10,8	62,8	25,3	1,1
1988	2,2	11,2	4,2	0,3	12,0	60,4	26,2	1,4
1989	2,6	10,2	4,0	0,2	13,6	60,2	24,8	1,4
* Рассчитано по: ГА РФ Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7844. Л. 4–4 об.; Оп. 35. Д. 7674. Л. 9; О демографических процессах в Красноярском крае. Красноярск, 1993. С. 43–45; Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 30.								

Прирост удельного веса числа рождений в самой младшей группе – девушек, не достигших 20 лет – находился в логике эволюции структуры рождаемости и одновременно был вызван некоторой либерализацией общественного мнения к добрачной половой жизни, и как следствие – ранними зачатиями, которые и препятствовали этим молодым девушкам влиться в поток мигранток.

К этому времени сформировалась новая структура демографического поведения, когда «пассивное и сцепленное с брачным и половым репродуктивное поведение уступает место активному и автономному репродуктивному поведению»¹¹¹. Автономизация полового поведения заключалась в том, что зачатие перестает быть главной целью сексуальных отношений между партнерами, и на первое место выходит эмоциональная или гедонистическая их составляющая. Это касалось как супругов, так и людей, не состоящих в браке.

Несмотря на то, что традиционная установка на недопустимость добрачных сексуальных отношений для девушек сохранялась, в реальной жизни они существовали и не были чрезвычайным исключением. О распространении их позволяет судить динамика внебрачной рождаемости, которая к тому же не

¹¹¹ Вишневский А. Г. Демографическая революция // Избранные демографические труды. С. 160.

отражает в полной мере реальной картины, поскольку значительная часть внебрачных зачатий все-таки приводила к заключению брака, особенно в деревне, где сила общественного мнения была более ощутимой, чем в городе (табл. 4).

Таблица 4 – Доля детей, рожденных женщинами, не состоящими в зарегистрированном браке, в Красноярском крае в 1970–1989 гг., %*

Годы	Всего родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке	в том числе	
		в сельской местности	в городской местности
1970	9,9	7,7	13,9
1980	15,1	12,8	20,1
1985	16,6	15,1	20,2
1987	17,1	15,1	21,8
1988	17,4	15,3	22,2
1989	17,6	15,5	22,6
* Народное хозяйство Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 21.			

Внебрачная рождаемость в молодых возрастах – в большей степени результат непреднамеренных зачатий, по какой-то причине не приведших к юридическому браку. Причиной этого на селе становилась чаще всего низкая культура контрацепции. Даже в конце 1980-х годах упоминаемый ранее заведующий кафедрой акушерства и гинекологии Красноярского государственного медицинского института И. И. Усоскин констатировал: «Недостаточно грамотно поставлено у нас в крае, как и по всей стране, половое воспитание молодежи... Пагубно сказывается, конечно, недостаточное количество контрацептивов. Но не надо думать, что их нет совсем. Они есть. Вот только подбирать их нужно грамотно»¹¹². В начале исследуемого периода деревенские девушки в условиях жесточайшего табу на разговоры об интимной сфере порой и вовсе не знали самых элементарных вещей, оказываясь в плену стереотипов и предубеждений.

¹¹² ГАКК. Ф. П-971, п. 1., д. 23. Л.8.

Многие из учтенных статистикой внебрачных детей были зачаты в городах. Их матери возвращались домой из-за невозможности продолжать учебу, чтобы пополнить долю незаконнорожденных* детей в сельской местности. Также в деревне свое разрушающее действие на стереотипы в области половой морали оказали городские тенденции. Носителями таких «новых», более свободных сексуальных отношений выступали деревенские юноши и девушки, учащиеся многочисленных ФЗУ и техникумов. Отрываясь от родительских семей на пике подростковой сексуальной активности, они попадали в маргинальные условия. Так называемая субкультура общежитий достаточно быстро сформировала новый тип женщины, свободной в выборе партнера, что отражалось на отношении к самому процессу деторождения. Постепенно тенденция через немногочисленных «возвращенцев», через активно вызываемое процессом урбанизации стремление принять и впитать все городское, начала набирать обороты и в деревнях.

Высокий уровень внебрачных рождений стал, таким образом, следствием либерализации сексуального поведения молодежи на фоне неразвитой культуры сексуальных отношений. В повести «Деревенское приключение» В. П. Астафьев вкладывает в слова отца девушки, родившей внебрачного ребенка, отношение к этому явлению, сложившееся в красноярской деревне в исследуемый период: «А какая баба чего вякнет, так наплевай! Нонче не старое время. Нонче мать-одиночка конституцией окружена и которым даже деньги дают за это»¹¹³.

При этом нужно отметить, что приведенные данные (табл. 4) включают не только «случайные», незапланированные рождения у молодых девушек. Сюда относили и тех, кого сельчанки рожали в более зрелом возрасте «для себя». Основы брачно-семейного законодательства СССР и республиканские кодексы о браке и семье, принятые после всенародного обсуждения в 1968 г. внесли существенные коррективы в семейное законодательство. С 1969 г. в СССР дети, родившиеся вне зарегистрированного брака, могли быть зарегистрированы либо

* В отечественной литературе этот термин не употребляется, т.к. предполагается, что он несет на себе отпечаток неравноправия детей, однако понятия «законное» и «брачное» рождения являются синонимичными, поэтому использование их допустимо.

¹¹³ Астафьев В. П. Деревенское приключение // Затеси. М., 1972. С. 36.

по совместному заявлению родителей (или отцовство могло быть установлено в судебном порядке), и в этих случаях права и обязанности отца и ребенка ничем не отличались от ситуации зарегистрированного брака родителей; либо регистрация производилась только по заявлению матери, и ребенок получал ее фамилию, а сведения об отце вносились с ее слов, но последний никакими обязанностями с ребенком связан не был. Ретроспективный опрос показал, что отношение к незамужней женщине, родившей ребенка, было противоречивым. Екатерина Егоровна Кандалинцева из дер. Николаевка Боготольского района вспоминала: «В шестидесятые было не принято рожать детей без мужа, таких женщин считали женщинами легкого поведения. В семидесятые – восьмидесятые на это уже смотрели проще. К матерям-одиночкам относились так же, как и к другим матерям, потому что понимали, что на них лежит большая ответственность»¹¹⁴. Однако часто сельчанки свидетельствовали о том, что матерям-одиночкам сельский мир оказывал поддержку. «Помогали кто чем мог. Кто-то едой, кто-то одеждой. Если нужно было отлучиться по семейным делам женщине, то нянчились с ее детьми», вспоминала Пелагея Степановна Дубовицкая из дер. Ольховка Ачинского района¹¹⁵. «Осуждали, сплетничали, но старались помочь», подтверждает эти слова Любовь Федоровна Марженакова из с. Городок Минусинского района¹¹⁶. Очевидно, это связано с тем, что сельчане понимали важность материнской роли, признавали право стать матерью даже за теми, у кого семейная жизнь не сложилась.

При этом качественно процесс рождаемости в сельской местности края существенно менялся, что отражалось в количественных показателях. В целом эволюцию рождаемости описывает изменение такого статистического показателя как суммарный коэффициент рождаемости. 1960-е годы были отмечены резким снижением показателя: с 1958 – 1959 гг. по 1969 – 1970 гг. он сократился с 3,6‰ до 2,6‰¹¹⁷. За десятилетие рождаемость в условном поколении снизилась

¹¹⁴ Полевые материалы автора: Кандалинцева Е. Е., д. Николаевка Боготольского района Красноярского края, 2017 г.

¹¹⁵ Полевые материалы автора: Дубовицкая П. С., д. Ольховка Ачинского района Красноярского края, 2017 г.

¹¹⁶ Полевые материалы автора: Марженакова Л. Ф., с. Городок Минусинского района Красноярского края, 2017 г.

¹¹⁷ Славина Л. Н. Сельское население Красноярского края в 1960-1980-х годах. Красноярск, 1996. С. 13.

приблизительно на одного ребенка у каждой женщины за счет того, что за эти годы сельские женщины перешли в основном к низкой, сознательно контролируемой на микроуровне рождаемости.

Продолжение урбанизационных процессов в 1970-х годах привело к закреплению в сельской местности проявившего в предыдущее десятилетие стереотипа относительно низкой рождаемости: ее уровень в 1970-х годах оставался практически неизменным (в 1979 – 1980 гг. суммарный коэффициент весьма незначительно увеличился до 2,7‰, что было практически равно уровню 1969 – 1970 годов)¹¹⁸. Показатели рождаемости стали устойчивыми.

Абсолютное большинство рождений в 1970-е годы приходилось на молодых матерей: женщины в возрасте от 15 до 29 лет произвели на свет в 1975 г. 81,0%, а в 1980 г. уже 85,1% всех родившихся. Женщины 40 – 49 лет родили лишь 2,5% и 2,0% детей в те же годы (табл. 3).

Уменьшение доли рождений у 30 – 39-летних женщин являлось закономерным с точки зрения модернизации рождаемости. Материнство в этом возрасте в основном обеспечивает рождаемость высоких категорий: у них на свет появляются четвертые, пятые, шестые и далее дети. Но рожать так многие сельские женщины в массе своей уже не хотели. Уменьшение доли рождений в этом возрасте произошло, когда в него вошло поколение женщин с модернизированным типом репродуктивного поведения. Это свидетельствовало о том, что ограничение рождаемости в селах края стало нормой.

Картина развития рождаемости в селах края теперь выглядела следующим образом. Большинство сельских женщин выходили замуж довольно рано, к 30 годам они, как правило, успевали обзавестись одним или даже двумя детьми, и лишь немногие из них решались родить еще больше детей. Таким образом, женщины после 30 лет рожали все реже, за счет чего происходило омоложение рождаемости.

Однако несмотря на то, что в основном, все социально-экономические показатели развития региона оставались стабильными, к середине десятилетия

¹¹⁸ Славина Л. Н. Сельское население Красноярского края в 1960-1980-х годах. Красноярск, 1996. С. 13.

итоговая рождаемость в условном поколении резко возросла, составив в 1984 – 1985 гг. 3,3‰¹¹⁹. Пик повышения суммарного коэффициента – до 3,5‰ – статистика зафиксировала в 1986 г., когда он почти достиг уровня конца 1950-х гг., затем показатель начал вновь снижаться, вернувшись в конце десятилетия к уровню 1970-х гг. – 2,8‰¹²⁰. Прирост суммарного коэффициента рождаемости в середине десятилетия являлся, таким образом, не показателем изменения генеральной тенденции ее развития, а чрезвычайным отклонением от нее, вызванным воздействием внешних причин.

На рождаемость в селах края в начале 1980-х гг. большое влияние оказала государственная социальная политика. Поскольку к концу 1970-х годов низкая рождаемость превратилась в одну из острейших социальных проблем страны, впервые за всю советскую историю были приняты пронаталистские меры, которые должны были стимулировать женщину рожать как можно больше детей. Принятое в 1981 г. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» было призвано стимулировать рождаемость. Помимо пособий, мать получала возможность воспитывать ребенка до определенного возраста, не выходя на работу. В течение полутора месяцев после родов сохранялось 100% зарплаты, полутора лет – символическая плата, после этого времени женщина могла продолжать ухаживать за ребенком дома без содержания, но с сохранением места работы и стажа. Единовременные пособия возрастали с каждым рожденным ребенком. Женщинам, имеющим пять и более детей, полагались льготы в пенсионном обеспечении, а также система поощрений в виде званий и знаков отличия (орденов и медалей)¹²¹.

Однако эти меры все чаще определяют как меры запоздалые, неудачную попытку вновь сделать для женщины приоритетным ее традиционное предназначение – быть матерью. Постановление появилось в условиях, когда продолжали действовать факторы, бывшие основной причиной падения

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Славина Л. Н. Сельское население Красноярского края в 1960-1980-х годах. Красноярск, 1996. С. 13.

¹²¹ Женщины в СССР. 1987: Статистические материалы. М., С. 18-21.

рождаемости в предшествующие десятилетия. Оставалась высокой женская занятость в общественном производстве: ее уровень в сельской местности края достиг 89,5% от числа всех женщин трудоспособного возраста. Продолжал расти их образовательный уровень. Это накладывало определенный отпечаток на ментальные установки женщин, способствовало переосмыслению привычных гендерных стереотипов и идеалов.

Результатом стал отход от представления о себе как о «родильной машине», деторождение становилось пусть не второстепенной, но уже и не единственной женской ролью. Попытка вернуть женщину к ее «истинному предназначению»¹²², провозглашенная в ходе перестройки, уже не могла увенчаться успехом, и эффект от усилий, предпринимаемых для этого, оказывался кратковременным. Женские издания и организации уже скорее негативно оценивали пропаганду приоритета материнской роли женщины над всеми остальными. «Все явственнее проглядывается тенденция под предлогом заботы о матери и ее детях вернуть женщину в лоно семьи»¹²³, отмечали в краевом женсовете. И делали вывод: «Даже если бросим клич: «женщины, назад, в семью», то не уверены, что таким образом сможем оторвать их от станка и рабочего стола»¹²⁴.

Эффект от Постановления 1981 г. оказался непродолжительным. Реализация его пунктов способствовала повышению рождаемости, которое продолжалось до 1986 г. во всех возрастных группах. Удельный вес детей, рожденных третьими, вырос до 20,4% (табл. 3). Однако связано это было не с изменением установок, а с календарными сдвигами: были реализованы в основном желанные, ранее запланированные рождения, которые откладывались «до лучших времен». Общий рост числа рождений в 1981 – 1986 гг. скрывал снижение 1984 – 1985 годах.

Последний всплеск, видимо, был связан с проводившейся в СССР кампанией по борьбе с пьянством. Косвенное доказательство тому можно увидеть в значительном приросте как абсолютного числа, так и доли рождений в

¹²² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачев – М.: ИПЛ, 1988. – С. 58

¹²³ ГАКК. Ф. П-971. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹²⁴ Там же.

возрастной группе 30 – 39-летних сельчанок, а также увеличении показателей рождаемости у матерей 40 – 49 лет. Очевидно, антиалкогольная кампания, в результате которой употребление алкоголя на селе уменьшилось, привела к тому, что сельчанки стали меньше конфликтовать с мужьями и получили надежду на спокойную благополучную семейную жизнь, и это привело к появлению еще некоторого числа рождений.

Во второй половине десятилетия начали прирастать доли рождений высокой очередности: четвертых и далее детей, то есть за счет женщин, не принявших стереотип малодетности, тех самых, которые в первой половине 1980-х гг. рождали детей низкой очередности. Таким образом, относительный прирост рождаемости в 1980-е годы наблюдался за счет рождений у тех женщин, которые сохранили установки традиционного демографического поведения.

За 1987 – 1989 гг. ежегодное число новорожденных уменьшилось на 16%, более чем на треть снизился общий коэффициент рождаемости, ухудшились суммарные и повозрастные коэффициенты во всех группах за исключением младшей, а в наиболее продуктивной группе 20 – 24 года падение рождаемости началось еще в 1984 г.¹²⁵.

К концу 1980-х гг. на снижение рождаемости влияло в большей степени ухудшение экономической ситуации и рост социальной напряженности. Социально-экономическое развитие в крае, как и в целом по стране, замедлялось, меры по расширению помощи селу оказались неэффективными. Многодетным матерям приходилось испытывать дополнительные трудности, связанные как с общим падением уровня жизни, так и с многочисленными нарушениями их прав. В 1989 г. в редакцию журнала «Человек и закон» обратилась жительница с. Рождественское Казачинского района Красноярского края. «Я мать четверых детей – писала она, - старшему сыну 7 лет, младшей дочке 8 месяцев. Когда родилась дочка, мне не оплатили разовое пособие, хотя соответствующие документы в бухгалтерию были представлены. Прошло 8 месяцев. Я обратилась к

¹²⁵ Славина Л. Н. Влияние политики интенсивного промышленного освоения территории на демографическое развитие сельского населения Сибири (1960 – 1980 гг.). Новосибирск, 1992. С. 226.

председателю сельсовета, прокурору района, но пособие мне так и не выплатили. Определить детей в детсад мне тоже отказали»¹²⁶.

Мы приходим к выводу, что в селах края, как и в РСФСР в целом, снижению уровня рождаемости способствовали факторы экономического порядка, о которых говорят в своих статьях Л. Е. Дарский и В. В. Елизаров: желание избежать лишних экономических затрат и сохранить приемлемый уровень жизни¹²⁷, а также смена социально-психологических установок, ломка патриархальных устоев, традиций и норм репродуктивного поведения, на которые указывает в своих трудах А. Г. Вишневский¹²⁸.

В этой связи мы делаем вывод, что в исследуемый период развитие рождаемости в сельской местности края в целом соответствовало динамике социальных процессов. Вся совокупность объективных факторов определяла снижение как суммарного, так и повозрастных ее показателей в 1960-е годы, когда были отмечены самые высокие за период показатели миграционного оттока женщин из села, как следствие – уменьшение их репродуктивных ресурсов и ухудшение его возрастной структуры, изменение социального состава сельчанок: быстрое сокращение числа и доли колхозниц и занятых в сельском хозяйстве, для которых была характерна высокая рождаемость. Когда действие наиболее интенсивных процессов социальной трансформации ослабло, рождаемость стабилизировалась на уровне, приемлемом для воспроизводства и, вероятно, сохранилась бы такой до конца исследуемого периода.

На повышение ее показателей в 1980-е годы решающее влияние оказала демографическая политика начала десятилетия. Меры по стимулированию рождаемости дестабилизировали динамику итоговой рождаемости для условных поколений, «проживших» этот календарный период, но не изменили долговременной тенденции ее развития. Модернизация процесса рождаемости, стимулированная ростом образовательного уровня, вовлечением женщин в

¹²⁶ ГАКК. П-971. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

¹²⁷ Дарский Л. Е. Социально-демографические исследования проблем рождаемости // Социологические исследования. 1979. №3. С. 18; Елизаров В. В. Демографическая ситуация и проблемы семейной политики. Социологические исследования. 1998. №2. С. 55–61.

¹²⁸ Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России. М., 1977. С.106.

общественное производство, закреплении стереотипа малодетности, свершилась, и к концу 1980-х годов показатели вновь стабилизировались.

Другой важнейшей демографической характеристикой женского населения является эволюция смертности. С исторической точки зрения, развитие этого процесса является индикатором тех изменений, которые происходят в обществе: серьезные катаклизмы практически мгновенно проявляются в динамике показателей смертности и только спустя какое-то время отражаются на рождаемости. Уровень смертности сам по себе уже может являться показателем санитарно-гигиенического состояния общества, здоровья населения и его отдельных групп, аккумулируя в себе воздействие множества факторов. Это утверждение справедливо для всего населения. Однако в уровне и характере развития женской смертности наблюдаются значительные отличия от мужской, обусловленные различиями демографического поведения.

По расчетам специалистов разница средней продолжительности жизни мужчин и женщин, обусловленная биологическим фактором, составляет 1,9 – 2,1 года¹²⁹. Если бы межполовые различия в уровне и характере смертности регулировались только биологическими законами, то она в течение жизни оставалась бы приблизительно одинаковой у обоих полов, не различаясь по возрастам. С конца 1950-х годов индекс мужской сверхсмертности (превышения уровня мужской смертности над уровнем женской) в России постоянно увеличивался, в сельской местности – с возраста двух лет¹³⁰. Несомненно, что такое положение в характере смертности в сельской местности края связано с причинами социального порядка, которые определили ее гендерный режим, имеющий у женщин свои особенности.

Генеральной тенденцией развития смертности в стране и крае в XX веке как у женщин, так и у мужчин, было снижение ее повозрастных показателей в результате эпидемиологического перехода – исторически обусловленной смены одного типа патологии, определяющей характер заболеваемости, другим ее

¹²⁹ Цит. по: Шилова Л. С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения. С. 134.

¹³⁰ Урланис Б. Ц. Избранное. М., 1985. С. 182.

типом, одной структуры болезней и причин смерти – другой. Для традиционного типа смертности характерно, как известно, преобладание смертных случаев от инфекционных и паразитарных заболеваний, вызванных экзогенными, то есть внешними по отношению к человеческому организму факторами. В результате эпидемиологического перехода происходит замена экзогенных детерминант смертности эндогенными, и на первое место среди причин смерти выходят онкологические и сердечно-сосудистые заболевания. В отличие от инфекционных болезней, жертвами которых могли стать люди любого возраста (хотя, конечно, наиболее уязвимы были дети), болезни, имеющие в основе хроническую природу, поражают в основном пожилых людей. Таким образом, на современном этапе смертность в большей степени «концентрируется» в старших возрастах, тогда как детская и подростковая – резко снижается.

На первом этапе эпидемиологического перехода наибольшие успехи в снижении повозрастной смертности достигаются с изобретением эффективных методов борьбы с инфекционными заболеваниями: антибиотиков и сульфаниламидных препаратов. В результате их широкого применения в медицинской практике смертность от этого класса заболеваний уступает место смертности от новообразований, болезней органов дыхания, кровообращения, профилактика и борьба с которыми требует не только качественной перестройки системы здравоохранения, но и нового типа витального поведения, выражающегося в активной позиции индивида в заботе о своем здоровье.

На развитие женской смертности в селах края влияли не только общие для всего сельского населения факторы, но и гендерные особенности, связанные с поведением, а также структурные демографические характеристики мужского и женского населения. Отличия женской смертности от мужской на селе объяснялись, в первую очередь, их более старой возрастной структурой по сравнению с мужчинами, соответственно, в ней большим был потенциал для развития болезней эндогенной природы. С другой стороны, важной была та их особенность, что женщины в значительно меньшей степени склонны к

девиантному поведению, а также к риску в повседневной жизни и на производстве.

До начала 1960-х годов в сельском населении края продолжался этап снижения смертности и роста ожидаемой продолжительности жизни. Общий коэффициент смертности сельчанок в 1959 г. составлял 5,9‰¹³¹.

О том, что смертность сельских женщин края переходила к современному типу, свидетельствовала ее возрастная структура: большинство – 42,4% умерших в 1959 г. красноярских сельчанок находились в возрасте 55 и более лет, 23,5% смертей в женском населении пришлось на детей в возрасте 0-14 лет, оставшиеся 19,1% – на женщин трудоспособного возраста¹³².

То, что характер развития смертности красноярских сельчанок соответствовал завершающему этапу эпидемиологического перехода, подтверждается и структурой причин смертных случаев. Первое место среди них занимали болезни системы кровообращения, от которых в 1960 г. умерло 27,7% сельчанок, второе – смертность от новообразований – 16,1% смертей¹³³. От инфекционных и паразитарных заболеваний скончалась приблизительно десятая часть - 9,2% умерших в 1960 г. сельчанок, при этом половины из них - от туберкулеза¹³⁴, который относят к так называемым «социальным» болезням и рассматривают в качестве индикатора неблагоприятного развития социальной сферы.

Величина общего коэффициента смертности женского населения была заметно ниже мужского, который составлял 8,1‰¹³⁵. У сельских мужчин повозрастные показатели смертности начиная с возрастной группы 15-19 лет превышали аналогичные у женщин на 1 п.п., а с возраста 25 лет – более, чем вдвое. Возрастной состав умерших мужчин был заметно моложе женского: лишь

¹³¹ Рассчитано по: ГА РФ. Ф.А-374. Оп. 31. Д. 7854. Л.13-13об, 14-14об.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Здесь и далее рассчитано по: Славина Л. Н. Сельское население Сибири в 1960 - 1980 гг. (на материалах Красноярского края). Красноярск, 1992. С. 31.

21,7% умерших в 1959 г. находились в возрасте 60 лет и старше, однако это было обусловлено в большей степени тем, что женское население в целом было старше.

Если по уровню смертности и ее повозрастным показателям женское население отличалось от мужского не принципиально, то структура смертности по причинам показывала к началу 1960-х годов существенные отличия. Большая часть умерших в 1960 г. сельских мужчин скончались от несчастных случаев, отравлений и травм – 22,9%, болезни системы кровообращения и новообразования среди причин смерти находились на втором и третьем месте – 17,6% и 13,4% всех смертных случаев соответственно. Смертность от инфекционных и паразитарных заболеваний занимала четвертое место, причем число умерших от них (506 человек) было практически равным числу умерших от новообразований (567 человек)¹³⁶.

С начала 1960-х годов период снижения показателей смертности в СССР приостановился и начался обратный процесс. Коснулось это и красноярских сельчанок: в 1960-е годы смертность у них росла. Анализ повозрастных коэффициентов 1970 г. демонстрирует, что показатели смертности в период активного освоения региона в годы семилетки и в восьмой пятилетке продолжили снижение лишь в младших возрастных группах: девочки в возрасте до 15 лет в 1959 г. умирали в 1,4 раза чаще. Снижение показателя наблюдалось и в возрастной группе 15-24 лет, однако уже у 25 – 29-летних женщин произошло скачкообразное увеличение уровня смертности в 1,4 раза. В более старших возрастных группах он также вырос, превышая уровень одиннадцатилетней давности в 1,1 – 1,3 раза. В целом общий коэффициент смертности для сельских женщин Красноярского края в 1970 г. составил 7,46‰, что превысило уровень 1959 г.

По сравнению с показателями смертности у мужчин, картина женской смертности выглядит более благополучной. Даже принимая во внимание тот факт, что смертность у мужчин всегда выше, чем у женщин, половые различия в уровне смертности в сельской местности края за десятилетие стали слишком

¹³⁶ Рассчитано по: ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 31. Д. 7854. Л.13-13об, 14-14об.

значительными. В каждой пятилетней когорте старше 15 лет мужские коэффициенты превышали женские в два и более раз. В целом у мужчин уровень сверхсмертности, то есть превышение уровня мужской смертности над женской, оставался относительно небольшим по сравнению с ровесницами только у мальчиков в возрасте 0 – 14 лет.

Начиная с 15 лет, не только неуклонно росла сверхсмертность мужчин, но и повозрастные коэффициенты смертности. Наибольший рост произошел в возрастной группе 30 – 49 лет, что наносило ущерб экономике региона и брачной структуре населения, поскольку из жизни уходили мужчины в расцвете трудовых и репродуктивных сил. В целом, подобная ситуация отвечала общесоюзным тенденциям: особенностью современного этапа демографического развития, характерной для всей страны, оставалось существенное превышение средней продолжительности жизни женщин над соответствующими показателям у мужчин. Особенно сильно оно было заметно в трудоспособных возрастах¹³⁷. Естественным следствием стал дисбаланс полов в старших возрастах.

За десятилетие повозрастные коэффициенты смертности сельских женщин либо возросли, либо оставались на прежнем уровне¹³⁸. Это коснулось всех возрастных когорт, как по естественным причинам более слабых: детей и пожилых, так и женщин трудоспособного возраста, находившихся в расцвете сил. Увеличились показатели детской и младенческой смертности. Значительно возросла смертность девушек в возрасте 15 – 19 лет.

Рост повозрастных коэффициентов смертности у женщин отставал от аналогичных показателей у мужчин. Особенно неблагоприятной являлась укрепившаяся в последующие годы тенденция к большому разрыву в уровне смертности полов в одинаковых и смежных возрастных группах. Этот разрыв явно указывал на то, что большое значение имело самосохранительное поведение женщин, которое в большей степени было нацелено на сохранение здоровья.

¹³⁷ Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти. М., 1977. С. 43-44.

¹³⁸ Славина Л. Н. Сельское население Сибири в 1960 - 1980 гг. (на материалах Красноярского края). Красноярск, 1992. С. 31.

Наиболее значительной была мужская сверхсмертность в возрастной группе 15 – 24 года: сельские мужчины в этом возрасте умирали в 3,6 раза чаще женщин. В остальных возрастах мужчины умирали чаще представительниц своих когорт в интервале от 1,5 раз (у сельчан старше 70 лет) до 2,7 раз (в возрастной группе 30 – 39-летних).

В течение 1980-х годов в сельской местности края наблюдалось уменьшение коэффициентов смертности: у женщин они остались на прежнем уровне только в интервале 10 – 19 лет, а в остальных возрастных группах снизилась. В отличие от мужской смертности, динамика показателей которой была неустойчивой, женская к концу 1980-х гг. окончательно приобрела черты, характерные для современного типа воспроизводства: в структуре смертности первое место заняли сердечно-сосудистые заболевания, большинство смертей переместилось в старшие возраста.

Динамика мужской смертности в течение десятилетия была нестабильной. По всей видимости, это связано с тем, что на них с большей силой влияло негативное воздействие употребления алкоголя. Наиболее заметным было снижение смертности в середине десятилетия в результате уменьшения экзогенных причин: несчастных случаев, отравлений и травм. Принятые в мае 1985 г. крутые меры по снижению потребления алкоголя сразу привели к значительному снижению абсолютных показателей возрастной смертности, характерному для всей страны и для сельской местности края¹³⁹. Это служило решающим доказательством того значительного ущерба, который наносило населению чрезмерное употребление алкоголя.

Кроме того, это также видно по тому обстоятельству, что снижение смертности практически не коснулось младших возрастных группы: детей и подростков от 1 до 14 лет. При этом в 1986 г. снизились показатели младенческой смертности (и это при значительном увеличении рождаемости в первой половине 1980-х гг.), что могло быть вызвано улучшением состояния здоровья родителей. Однако прерванные негативные тенденции быстро восстановились во второй

¹³⁹ Демографический ежегодник Красноярского края. 2000 г. Красноярск, 2001. С. 66.

половине 1980-х гг., когда абсолютные и относительные показатели смертности возобновили свой рост. У мужчин за десять лет уровень смертности снизился для всех возрастных групп, кроме мальчиков 5 – 9 лет, которые стали умирать чуть чаще, и подростков 10 – 14 лет, показатели смертности у которых остались неизменными.

В конечном счете по итогам трех десятилетий, уровень смертности у женщин вырос в 1,7 раза, но в основном в результате повышения коэффициентов в группах старше 40 лет: смертность «постарела», причем наиболее сильно (в 1,3 раза) за счет женщин 55 – 59 лет. В отличие от них, в мужском населении смертность выросла в среднем в 1,4 раза. Увеличение произошло за счет двадцати- и сорокалетних мужчин (коэффициент увеличился в возрасте: 20 – 24 года в 1,5 раза, 40 – 44 года в 1,8 раза), что усугубляло нехватку трудовых ресурсов и отрицательно сказалось на уровне брачности и рождаемости на селе.

Масштабы и характер женской смертности в селах края к 1989 г. стали вполне соответствовать общемировой картине завершения демографического перехода. Возрастной состав умерших в 1989 г. женщин свидетельствует о том, что к концу 1980-х годов тип смертности сельских женщин края соответствовал современному. 81,6% умерших находились в возрасте старше 55 лет, на младенческую и детскую смертность 0-14 лет пришлось лишь 5,1%. Мужская смертность отставала от женской в переходе к современному типу: на нетрудоспособный возраст старше 60 лет пришлось 44,1% смертей, на детскую смертность – 7,1%¹⁴⁰. Причиной служила более молодая возрастная структура, сформированная высокой сверхсмертностью в трудоспособных возрастах, которая уносила значительную часть мужских жизней ранее, чем они достигали преклонного возраста.

За тридцатилетний период структура причин смертности значительно перестроилась. Как и в начале 1960-х годов, на первом месте среди причин находились болезни системы кровообращения, в то же время доля ее в общем числе смертных случаев возросла значительно – до 58,9%, составив их

¹⁴⁰ Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 198–216.

абсолютное большинство. Смертность от новообразований занимала второе место среди причин, и доля ее была практически такой же, как в начале периода. Третье место, которое в 1960 г. занимала смерть от инфекционных и паразитарных заболеваний, перешло к гибели от несчастных случаев, доля их в общем числе женских смертей в 1989 г. уменьшилась относительно 1960 г. Инфекционные и паразитарные заболевания унесли лишь 1,2% жизней, что может свидетельствовать о победе над этим видом заболеваний. Дополнительным свидетельством служит то, что у мужчин в 1989 г. доля умерших от этого класса заболеваний составила 2,5%, тогда как в начале тридцатилетнего периода ее размер был намного более внушительным – 12,0% от общего числа смертных случаев¹⁴¹.

Сохранение у сельчанок относительно высокой доли гибели от экзогенных факторов говорило о том, что модернизация этого процесса все еще не была завершена в течение всего исследуемого периода. Вместе с тем по сравнению с сельскими мужчинами, насильственных смертей у женщин было намного меньше. В 1989 г. в селах от несчастных случаев погибли 425 женщин и 1621 мужчина, что составляло 8,5% и 32,8% от общего числа умерших соответственно ¹⁴² . Абсолютное большинство погибших у обоих полов находились в трудоспособном возрасте, однако намного выше была доля смертных случаев у женщин до и старше трудоспособного возраста. У мужчин такая высокая доля умерших от неестественных причин в трудоспособном возрасте – 87,7% говорит о том, что мужчины в самом расцвете сил принимали на себя основной удар неблагоприятных условий, при этом их поведенческие стереотипы играли в пользу увеличения смертности¹⁴³.

Индустриализация красноярского села привела к появлению первых признаков серьезных экологических проблем. Использование в качестве топлива большого количества угля и мазута загрязняло атмосферу, также появилась

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 7854. Л. 13-13об., 14-14об.; Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 198–214.

¹⁴² Там же. С. 179–214.

¹⁴³ Там же. С. 179–196.

проблема утилизации отходов, которой деревня раньше не знала. Генетически человек не имел защиты от новых агрессивных факторов среды, что обусловило высокий уровень заболеваемости. Воздействие окружающей среды являлось квазиэндогенным фактором, который создавал условия для накопления в организме последствий неблагоприятных воздействий. Поскольку продолжительность жизни у женского населения в целом была выше, на них воздействие было более заметным.

Ухудшение экологической ситуации способствовало повышению уровня онкологических заболеваний, к чему сельская медицина оказалась совершенно не готова. Катастрофическим оставалось положение с диагностическим и лечебным оборудованием. Аппаратная медицина так и не пришла в красноярские села даже к концу 1980-х годов. Ресурсная база медицинских учреждений в деревне отставала от городского уровня на несколько десятилетий, при этом отставание от мирового уровня было просто огромным. Таким образом, деревня оказывалась безоружной в борьбе со сложившейся ситуацией, поскольку влияние неблагоприятных факторов было велико, а методы противостояния – неизмеримо слабы. В 1989 г. от злокачественных новообразований в селах умерло 557 женщин из 4978, эта группа заболеваний унесла больше всего женских жизней – 11,2%. У мужчин абсолютный показатель еще выше: 1019 человек, однако гораздо больше смертей в 1989 г. произошло из-за несчастных случаев – 1621¹⁴⁴.

Ускорение ритма жизни, увеличение числа нервных перегрузок, общая потеря жизненных ориентиров к концу 1980-х годов отразились и на психическом здоровье сельчан. Полное отсутствие квалифицированной психологической помощи приводило к росту девиантного поведения, алкоголизации населения. По данным обследования, проведенного статистическими органами, в 1987 г. Красноярский край занимал седьмое место в республике по потреблению

¹⁴⁴ Демографический ежегодник Красноярского края 2000. Красноярск, 2001. С. 66; Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 179–214.

алкоголя. Смертность же от алкоголя в селах края была в 1,7 раза выше, чем в городах¹⁴⁵.

Особое внимание обращает на себя и рост смертности от убийств и самоубийств. Количество смертей от внешних факторов быстро росло и достигло недопустимо высокого уровня в 1980-х годах. Среди женщин число самоубийц было ниже, чем среди мужчин. Счеты с жизнью в 1989 г. свели 66 женщин и 254 мужчины, большинство из них находились в трудоспособном возрасте¹⁴⁶. К концу советского периода красноярские села подошли с неутешительной статистикой смертей от отравления алкоголем; выше, чем в городах, был уровень самоубийств и смертей в состоянии алкогольного опьянения.

Особое внимание необходимо уделить показателю, который считается одним из самых важных для характеристики не только демографического, но социально-экономического развития общества и уровня санитарной культуры населения. Это смертность детей первого года жизни, или т.н. младенческая смертность. В течение 1960-х годов в сельской местности края она оставалась на гораздо более высоком уровне по сравнению с развитыми странами, а с середины 1970-х годов стала расти и превысила городские показатели.

Согласно официальной статистике, возможно искаженной, в начале 1960-х годов сельские дети рождались более жизнеспособными, чем городские. В 1960 г. коэффициент младенческой смертности в селах края был высоким (31,6%), но все же заметно ниже, чем в городах (табл. 5). Уже за первое изучаемое десятилетие это преимущество было утеряно. В 1969 г. смертность сельских младенцев превысила городской уровень, и продолжала превышать в течение 1970 – 1980-х годов. За исследуемый период коэффициент младенческой смертности в городах сократился более чем вдвое, а в селах всего лишь в 1,3 раза. Высокий уровень младенческой смертности никак не вписывался в рамки современного типа воспроизводства: она уменьшалась недопустимо медленно, периоды ее снижения

¹⁴⁵ Славина Л. Н. Влияние политики интенсивного промышленного освоения территории на демографическое развитие сельского населения Сибири (1960 – 1980 гг.) // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 229.

¹⁴⁶ Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 179–214.

чередовались с подъемами. После сокращения коэффициента младенческой смертности в 1987 г. до самого низкого за период уровня вновь начался его рост. В конце 1980-х годов смертность грудных детей в селах края была на треть выше, чем в городах, и на 10-15% превышала средние показатели по селам республики¹⁴⁷.

Подобное положение вещей объясняется тотальной занятостью сельских женщин, особенно в период сельскохозяйственных работ, наличием неотложной необходимости ухода за скотом и удовлетворения элементарных потребностей хозяйства: принести воды, дров или угля. Очень часто приходилось оставлять малолетних детей без присмотра. Жительница села Канарай Дзержинского района Мария Васильева вспоминала, что, уходя в поле, привязывала сына, который уже научился ползать, за ногу к столу, чтобы он не покалечил себя каким-нибудь образом в избе¹⁴⁸. Нередко за младшими оставляли ухаживать старших, но тоже еще маленьких детей, что тоже могло приводить к печальным последствиям. Галина Логачева, уроженка деревни Алексеевка Ужурского района рассказывала, как они с сестрами в дошкольном возрасте оставались следить за младшим братом, которому не исполнилось года, и накрывали его в колыбели подушкой, когда он плакал слишком громко¹⁴⁹. К счастью, это не привело к трагическому исходу, в обеих ситуациях младенцы выросли и стали взрослыми людьми. Однако не всегда все заканчивалось благополучно.

Таблица 5 – Коэффициенты младенческой смертности в Красноярском крае в 1960–1991 гг.), ‰*

Годы	Все население	в том числе:	
		городское население	сельское население
1960	36,1	40,7	32,6
1965	28,9	30,9	26,4
1970	25,6	23,6	29,4
1975	26,3	26,0	26,8
1980	23,2	21,7	26,4
1981	22,7	20,0	28,9

¹⁴⁷ Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 179.

¹⁴⁸ Полевые материалы автора: Васильева М.А., с. Канарай Дзержинского района Красноярского края, 2007 г.

¹⁴⁹ Полевые материалы автора: Логачева Г.Е., с. Белый Яр Ачинского района Красноярского края, 2007 г.

1982	19,7	17,9	23,8
1983	19,4	18,1	22,1
1984	21,6	19,7	26,2
1985	23,4	21,3	28,1
1986	22,8	21,4	26,0
1987	21,3	20,5	23,2
1988	20,8	19,4	24,0
1989	20,9	19,4	24,2
<i>* Демографический ежегодник Красноярского края. 2000 г. Красноярск, 2001. С. 68.</i>			

Сохранение высокой младенческой смертности объяснимо не только с точки зрения качественного отставания села в уровне денежного дохода и медицинского обслуживания, которые создавали для младенцев худшие условия жизни. Вероятно, есть связь и с внебрачными рожденьями. Традиционно известно, что более высокой младенческой смертностью характеризуются именно они. То обстоятельство, что в селах Красноярского края дети в незарегистрированных браках рождались чаще (табл. 4), чем в городах, могло также влиять на то, что дети до года в селах края чаще умирали. Даже если ребенок был желанным, все равно матери-одиночке в сельской местности приходилось трудно.

Необходимо учитывать также, что фактическая младенческая смертность в этот период была даже выше. Возможен недоучет умерших младенцев по критериям живорожденности, установленным Всемирной организацией здравоохранения, на которые российская статистика перешла только в 1992 г. В советской статистике существовали иные, чем во всем мире, принципы учета живо- и мертворождений. Живорожденными считались дети, родившиеся при сроке беременности 28 недель и более, с массой тела при рождении 1000 г. и более (или, если масса неизвестна, длиной тела 35 см и более), и сделавшие после появления на свет хотя бы один самостоятельных вздох. Дети, родившиеся ранее указанного срока беременности, с массой тела менее 1000 г., учитывались в качестве живорожденных, только если они прожили более семи суток. По критериям ВОЗ живорожденным признается ребенок, если он, независимо от сроков беременности, после появления на свет дышит и проявляет другие

признаки жизни, такие, как сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры. Такая разница делает возможной недоучет части смертей, а, следовательно, в реальности изменение величины и динамики коэффициента младенческой смертности в сторону увеличения. В таком случае для полноты картины необходимо использовать и учет мертворождений.

Данные медицинской статистики свидетельствуют, что за рассматриваемый тридцатилетний период значительно ухудшилось здоровье сельских женщин, в результате чего коэффициент перинатальной смертности (число мертворожденных и умерших – первую неделю жизни на 1000 родившихся) в селах края за 1960 – 1980-е годы вырос с 4,5‰ до 18,2‰, в том числе доля мертворожденных поднялась с 2,6‰ до 9,8‰, а умерших в возрасте до 7 дней – с 1,9‰ до 8,4‰. В городах коэффициент перинатальной смертности был выше, но он практически не рос, увеличившись за указанный срок с 17,3‰ до 19,9‰¹⁵⁰.

Динамика показателей смертности сельских женщин Красноярского края в 1960 – 1980-х годах в целом имела ряд черт завершения перехода к современному ее типу. Первое место среди причин смертности принадлежало онкологическим и сердечно-сосудистым заболеваниям, абсолютное большинство умерших приходилось на возрастную группу 60 лет и старше.

Сохранялось существенное превышение средней продолжительности жизни женщин над соответствующими показателями у мужчин. Красноярский край в этом отношении не являлся исключением, более того, здесь тенденция проявилась особенно отчетливо. В 1984-1985 гг. в сельской местности ожидаемая продолжительность жизни при рождении у женщин была на 11,6 года больше, чем у мужчин. В 1989-1990 гг. разрыв немного сократился – до 10,8 лет, причем за счет уменьшения продолжительности жизни у женщин, оставаясь несколько большим, чем в среднем по селам РСФСР¹⁵¹. По демографическим меркам эта разница была колоссальной.

¹⁵⁰ Славина Л.Н. Сельское население Сибири в 1960 – 1980 гг. (на материалах Красноярского края). Красноярск, 1992. С. 34.

¹⁵¹ Семья в России: Стат. сб. М., 1996. С. 66.

1.2 Сельские женщины в сфере брака и семьи

Состояние в браке и принадлежность к семейному коллективу представляют собой основные демографические характеристики каждого индивида, поскольку занимают важнейшее место в социальной жизни. Изучение роли женщины в брачно-семейной сфере путем анализа матримониальных особенностей женского населения сел и их эволюции чрезвычайно важно для данного исторического исследования. Семейная функция традиционно считалась главным женским предназначением, и в эпоху модернизации она лишь потеснилась, уравненная с функцией производственной, но не утратила приоритета над всеми остальными женскими ролями.

Материалы переписи 1979 г. впервые за всю историю позволяют исследовать не только состояние в браке, но и брачную структуру населения (табл. 6). Это позволяет более глубоко проанализировать особенности формирования супружеского состояния каждого поколения. Распределение когорт по определенным типам брачного состояния иллюстрирует, в первую очередь, структурный фактор развития брачности.

В 1979 г. несмотря на то, что уровень брачности в целом у женщин был ниже, чем у мужчин, у них вдвое меньше была доля тех, кто никогда не состоял в браке – 9,6%. Возрастной состав никогда не состоявших в браке показывает, что среди сельчанок 25 лет и старше никогда не были замужем лишь 5,3%. В более старших возрастных группах этот показатель был еще меньше. Даже у женщин старше 49 лет, многие сверстники которых погибли во время войны, доля никогда не состоявших в браке колебалась от 2,4% до 3,0%. Поскольку переписные сведения составлялись со слов опрашиваемых, можно предположить, что большинство женщин, даже не регистрировавших брак, считали таковым либо фактический недолговременный союз, либо просто не хотели признавать себя никогда не состоявшими в браке, поскольку ценность замужества была высока.

Среди женщин намного больше было овдовевших – 19,5%, доля вдов закономерно возрастала от младших возрастных групп к старшим, что было вызвано ростом смертности по мере старения. У мужчин прослеживалась та же

тенденция, но в целом доля овдовевших у них была очень низкой – 1,8%. Доля вдовых среди сельчан резко увеличивалась в возрасте после 50 лет: у женщин 1925 – 1929-х гг. рождения доля вдов составила 14,6%, 1920 – 1924-х – более четверти (25,4%), 1910-х гг. – почти половина (49,6%), у более старших – 78,6%. Этим они отличались от мужчин, у которых самая большая доля вдовцов приходилась на возрастную группу 70 лет и старше, и составляла относительно небольшую величину 16,9%.

Таблица 6 – *Брачное состояние сельского населения Красноярского края в 1979 г. (на 1 000 человек соответствующего пола и возраста)**

Возраст- ная группа, лет	Женщины				Мужчины			
	состоящие в браке	никогда не состоявшие в браке	вдовы	разведенные	состоящие в браке	никогда не состоявшие в браке	вдовы	разведенные
в возрасте 16 и более	654	96	195	54	720	221	18	39
16–19	201	782	1	15	28	972	–	–
20–24	751	160	5	57	441	536	–	19
25–29	862	533	12	71	794	152	2	49
30–34	885	253	21	68	843	80	4	71
35–39	876	170	38	29	863	47	8	81
40–44	867	167	54	61	887	32	12	69
45–49	838	175	89	60	921	17	16	45
50–54	758	244	146	70	929	12	22	36
55–59	648	304	254	66	936	8	19	27
60–69	433	250	496	44	926	6	50	18
70 и более	180	13	786	17	809	5	12	12
* Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2986. Л. 14–14 об., 15.								

Имеющиеся у нас данные показывают, что во второй половине 1980-х годов одной из черт развития брачности было стабильное перераспределение доли заключаемых браков от первых к повторным, причем эта тенденция не была уникальной для сельских женщин, а прослеживалась во всем населении (табл. 7). В начале исследуемого периода в сельской местности края повторные браки были распространены незначительно. В 1959 г. из всех вступивших в брак сельчанок

впервые делали это 95,9%. По этому показателю женское население практически не отличалось от мужского, что служит доказательством слабой распространенности повторных браков. Однако уже в середине 1970-х годов доля вступивших в повторный брак среди сельчанок возросла и составила 9,4%. К 1989 г. доля их возросла до 24,7%, намного более заметным стал отрыв от сельских мужчин, у которых доля женившихся не в первый раз составила 20,0%. В общем и целом сельские женщины опережали мужчин в росте повторной брачности, что, однако, не являлось доказательством модернизации женского матримониального поведения.

Таблица 7 – *Распределение вступивших в брак сельских жителей Красноярского края по брачному состоянию (на 1 000 человек)**

Годы	Женщины			Мужчины		
	никогда не состоявшие в браке	вдовы	разведенные	никогда не состоявшие в браке	вдовы	разведенные
1959	959	...	...	963	...	...
1975	906	...	...	920	...	...
1980	872	34	94	896	21	83
1985	789	61	150	838	30	132
1989	753	62	185	800	34	166
* Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7864. Л. 3–3 об.; Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 16.						

Анализ структуры повторной брачности показывает, что наиболее активно в брак вступали разведенные женщины, гораздо чаще, чем овдовевшие, хотя доля первых в общей численности сельских женщин была намного меньше, чем вторых. Активность женщин-вдов при вступлении в брак возрастала, вероятно, за счет относительно молодых женщин, овдовевших не в результате войны, а в мирное время из-за высокой мужской смертности. Нормализация соотношения полов способствовала тому, что среди вступивших в брак доля вдов с 3,4% в 1975 г. выросла до 6,2% в 1989 г.

Статистика зафиксировала рост брачной активности разведенных: в 1975 г. доля таковых среди вышедших замуж составляла 9,4%, а в 1989 г. – уже 18,5%. Рост числа разводов и, соответственно, числа разведенных женщин приводил к

тому, что и семьи они стали создавать чаще, а доля вступающих в брак впервые в красноярских деревнях постоянно уменьшалась.

В изменении структуры брачности сыграло роль постарение населения за счет стабильно высокого уровня миграции молодежи, которая в основном и заключает первые браки. Однако действие этого фактора было, скорее второстепенным, поскольку та же тенденция роста повторной брачности наблюдалась и у сельских мужчин, и у городских женщин. Следовательно, повторная брачность стала обычным явлением, вариантом социальной нормы.

Анализ возрастного состава вступающих в брак в 1986 г. показывает, что характер развития брачности в 1980-е годы оставался стабильным. Большинство браков заключалось молодыми людьми до 30 лет: на их долю приходилось 80,0% всех вышедших замуж женщин и почти столько же женившихся мужчин – 76,8%. Отличие женской брачности заключалось в том, что основная доля браков приходилась на возраст до 25 лет, тогда как у мужчин – на 20-29 лет, что было обычным явлением и прежде и также показывало стабильность развития брачности¹⁵².

Анализ распределения по возрастам вступивших в брак в 1989 г. позволяет говорить о некоторых особенностях развития брачности сельчанок (табл. 8). Большинство из вступивших в брак в этом году женщин – 77,9% – не достигли тридцатилетнего возраста, как и в начале периода. Однако за тридцатилетие брачность значительно помолодела: доля невест младше 20 лет возросла с 14,8% в 1960 г. до 32,9% в 1989 г. Гипертрофированная брачность очень молодых женщин в конце 1980-х гг. не могла быть объяснена конкурентной борьбой за женихов, которых, в силу диспропорции полов в молодых возрастах, в сельской местности было в избытке.

К концу 1980-х годов в матримониальном поведении сельчанок края укрепился стереотип ранней брачности. Как правило, вступление в брак в возрасте до 20 лет у сельских девушек зависело от ее представлений о будущем, о профессиональном самоопределении. Если девушка не планировала уехать в

¹⁵² Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1986 г. Красноярск, 1990. С. 22.

город или по каким-то причинам не могла этого сделать, то она почти всегда стремилась выйти замуж, не тратя слишком много времени на выбор брачного партнера. За счет увеличения среди невест доли самой младшей бракоспособной когорты произошло уменьшение относительной доли 20 – 24-летних женщин, вступавших в брак, прежде являвшейся самой большой.

Таблица 8 – *Возрастная структура вступавших в брак сельских жителей Красноярского края в 1989 г., %**

	До 20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60 и более
женщины	32,9	31,9	13,1	8,2	5,0	4,2	3,1	2,4
мужчины	5,4	46,4	22,3	10,0	5,3	3,8	4,4	2,4
* Рассчитано по: Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 223.								

В составе вступивших в брак сократились доли старших возрастных групп: тех, кому исполнилось 50 и более лет. Это отражало нормализацию женской брачности в селах края по сравнению с началом периода, поскольку большая часть их по сравнению с началом 1960-х годов и так была замужем. Это также подтверждается тем, что в числе вступивших в брак значительно сократился удельный вес пожилых женихов, поскольку не было больше диспропорции полов и нехватки женихов в этих возрастах.

Перепись 1989 г. подвела итог развитию брачной сферы в 1960 – 1980-х годов (табл. 9). Несмотря на снижение интенсивности заключения браков в сельской местности, число замужних сельчанок возросло, превысив показатели женской брачности в городах края¹⁵³. Перепись показала, что величины женской и мужской брачности сравнялись. Важно отметить, что уровень брачности в мужском населении сел в течение всего тридцатилетия оставался неизменным. Исходя из этого, мы можем предположить, что доля состоящих в браке приблизительно в 70% от общей численности представляла собой некую брачную константу, показатель относительной удовлетворенности супружеским положением в конкретный момент времени, а также индикатор нормального

¹⁵³ Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1991. С. 82-83.

развития брачной сферы. Испытывая значительную нехватку партнеров в послевоенный период, сельские женщины не могли достигнуть необходимого уровня брачности, и лишь за 1960 – 1980-е годы смогли вплотную приблизиться к этому показателю. Данное обстоятельство, на наш взгляд, отразило нормализацию развития брачности и демонстрировало, несмотря на устойчивый рост разводимости, сохранение субъективной ценности супружества для сельчан, как женщин, так и мужчин.

Повозрастные коэффициенты брачности увеличились по сравнению с 1959 г. во всех возрастных группах. Сельчанки сохранили традиции высокой брачности, характерные для Сибири: ее уровень превышал среднероссийский (61,5%)¹⁵⁴. Самая большая доля состоящих в браке сельчанок приходилась на возраст 25 – 49 лет, что представляло собой значительный потенциал для воспроизводства. Последствия послевоенной диспропорции полов сохранялись уже только в самой старшей возрастной группе: среди 60 – 69-летних замужем были 56,5% сельчанок, а среди женщин старше 70 лет – лишь 20,5% (табл. 9). Таким образом, эхо войны перестало быть доминирующим структурным фактором, определявшим развитие брачности в сельской местности края. Его место занял другой фактор – высокий уровень миграции молодых женщин из сельской местности в течение всего исследуемого периода, обусловивший более значительную долю состоящих в браке сельчанок в возрастных группах до 50 лет, по сравнению с мужчинами.

Таблица 9 – Число лиц, состоящих в браке в сельской местности Красноярского края (на 1 000 человек данного пола и возраста)*

Возрастная группа, лет	Женщины				Мужчины			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
16 лет и старше, в том числе:	567	634	654	695	713	720	720	710
16–19	352	326	317	395	63	57	48	45
20–24	620	658	751	759	348	319	441	382
25–29	803	883	862	884	848	768	795	721
30–34	808	898	885	903	938	860	843	787
35–39	763	888	876	892	959	913	863	808
40–44	651	844	868	873	960	933	888	811

¹⁵⁴ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 98–99.

45–49	560	779	833	837	962	948	921	816
50–54	489	659	758	794	958	950	929	845
55–59	419	538	648	724	942	947	936	882
60–69	403	396	433	565	906	931	926	882
70 и более	218	225	180	205	722	781	809	788
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Красноярск, 1971. С. 84–85; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 84–85.								

Материалы переписи 1989 г. позволяют исследовать распределение населения по брачному состоянию (табл. 10). Главной характеристикой брачности женщин, особенно в соотнесении с аналогичной у горожанок, является повсеместное увеличение доли состоящих в браке и уменьшение – никогда не состоявших в браке, а также вдовых. Это говорит об улучшении брачной обстановки в крае. Отличительной чертой развития брачности у сельчанок является уменьшение доли разведенных, в то время как среди горожанок этот показатель возрос. Таким образом, консервативные тенденции на деревне были более заметны.

Таблица 10 – *Брачное состояние женского населения в 1979 и 1989 гг. (на 1 000 человек)**

Годы	Сельские женщины				Городские женщины			
	состоящие в браке	никогда не состоявшие в браке	вдовы	разведенные	состоящие в браке	никогда не состоявшие в браке	вдовы	разведенные
1979	654	96	195	54	605	165	143	86
1989	695	79	177	45	630	132	138	95
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 2. Ч. 2. С. 75; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_89.php (дата обращения: 23.06.2006 г.).								

Обращает на себя внимание также низкий уровень окончательного безбрачия у сельчанок края. Даже у женщин старше 59 лет, многие сверстники которых погибли во время войны, доля никогда не состоявших в браке составила лишь 3,5% (в среднем по республике вдвое выше – 7,3%)¹⁵⁵. Очевидно, здесь имело место явление «последовательной полигамии», характерное для всего

¹⁵⁵ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР и регионов России по брачному состоянию, полу и возрасту [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_89.php.

русского населения. В условиях острой нехватки мужчин многие из них относительно легко могли завести новую семью в случае расставания с женой. Примеров тому огромное количество как в художественной и публицистической литературе, так и в воспоминаниях сельских жительниц.

Проведенная в 1994 г. микроперепись населения показала, что уровень брачности у сельчанок несколько снизился, в отличие от сельских мужчин. В середине 1990-х годов в браке состояло 67,8% сельских женщин и 75,5% сельских мужчин¹⁵⁶. Материалы микропереписи позволяют рассмотреть итоговую брачную структуру сельских женщин, а также не содержащиеся прежде в материалах переписей населения сведения о незарегистрированных, или по-другому фактических, браках, которые составили приблизительно 15% от общего числа. В них состояли 10,6% женщин и примерно столько же – 11,7% - мужчин¹⁵⁷. У женщин доля состоявших в незарегистрированном союзе плавно возрастала от младших возрастных групп, достигая наибольших значений в возрастных группах 40-59 лет, а затем опять уменьшалась, доходя до самого низкого – 4,1% среди женщин старше 70 лет¹⁵⁸.

Статистика показывает, что в деревне фактические союзы были распространены в значительно большей степени, чем в городской местности. Уровень брачности городских женщин вообще был несколько ниже, чем у сельчанок и составлял 58,7%¹⁵⁹. В неофициальных супружеских отношениях состояли всего 5,4% горожанок. Брачность сельских женщин практически во всех возрастных группах превышала аналогичные у горожанок как раз на величину незарегистрированных браков, без учета которой эти показатели были бы практически равными.

Еще одной характерной чертой женской брачности в сельской местности был относительно низкий уровень разведенных и разошедшихся сельчанок: среди горожанок доля таковых была почти в два раза больше – 11,0%¹⁶⁰. Эта

¹⁵⁶ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. С. 18-19.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. по Красноярскому краю. – Красноярск, 1995. С. 18-19.

¹⁵⁹ Там же. С. 23.

¹⁶⁰ Там же. С. 18-19.

зафиксированная статистикой особенность подтверждается данными опроса, в котором сельчанки указывали на чрезвычайную важность замужнего состояния. По воспоминаниям Любови Ивановны Юрченко, «регистрация брака была важна для женщины, так как считалось, что это укрепляет семью, усиливает обязанности супругов. Развод плохо отражался на человеке, как на женщине, так и на мужчине. Например, девушка никогда не позволяла себе сесть рядом с разведенным мужчиной»¹⁶¹. Приблизительно такое же мнение высказывает Ирина Ивановна Винниченко из села Частоостровское Емельяновского района: «Для женщины в любое время было важно состоять в браке, особенно в таком, где муж – опора семьи. Но если так случалось, что женщина оставалась без мужа, то ее не бросали, помогали, как могли. В основном это были вдовы, у которых мужья не вернулись с войны и умерли после нее, разведенных было очень мало»¹⁶². Еще один аспект отношения к разведенным женщинам вырисовывается в воспоминаниях Валентины Осиповны Приз: «Для женщины было важно состоять в браке, старались вовремя выйти замуж. К разведенным относились по-разному, это зависело от человека. Конечно, было трудно без мужа хозяйство содержать и детей кормить. Те, у кого была полноценная семья, боялись потерять мужа из-за разведенных женщин»¹⁶³.

Уровень безбрачия у женщин был ниже мужского как по всем возрастным группам, так и в отношении уровня окончательного безбрачия. По сравнению с мужчинами, доля никогда не состоявших в браке у которых в возрастах 50-69 лет колебалась от 2,1% до 4,4%, доля таковых среди женщин этого же возраста составила от 1,6% до 2,3%. Доля самых старших никогда не состоявших в браке женщин была выше – 4,9%, тогда как мужчин всего 1,4%. У городских женщин уровень безбрачия превышал женский в среднем в 1,5-2 раза в каждой возрастной группе¹⁶⁴.

¹⁶¹ Полевые материалы автора: Юрченко Л. И., с. Сотниково Канского района Красноярского края, 2017 г.

¹⁶² Полевые материалы автора: Винниченко И. И., с. Частоостровское Емельяновского района Красноярского края, 2017 г.

¹⁶³ Полевые материалы автора: Приз В. О., с. Вершино-Рыбное Партизанского района Красноярского края, 2017 г.

¹⁶⁴ Основные итоги микропереписи населения 1994 г. по Красноярскому краю. С. 23.

Развитие женской брачности в сельской местности края отличалось от развития мужской: основным ее отличием являлся рост доли состоящих в браке, в то время как у мужчин она оставалась примерно одинаковой на протяжении всего периода. Это можно считать этапом в развитии брачности, поскольку уже микроперепись, проведенная в середине 1990-х годов показала изменение этой тенденции и некоторое уменьшение показателей женской брачности при сохранении и даже увеличении сверхбрачности мужчин.

Исследование развития брачности в сельской местности края в 1960-1980-х годах показало, что оно определялось в общем и целом действием структурного фактора. Колебание демографических показателей происходило под влиянием смены брачных когорт разной численности. Итоги, отраженные в брачной структуре женщин по переписи 1989 г., показывают, что доля замужних женщин постоянно возрастала. Несмотря на фиксируемое статистикой сокращение некоторых показателей брачности в течение исследуемого периода, очевидно, что падения престижа института брака не было.

Сохранялась и важность и значение семьи. По определению А. Г. Вишневого, 1960 – 1980-е годы в нашей стране стали очередным этапом «семейной революции»¹⁶⁵. Суть ее заключалась в разрушении крестьянской патриархальной многопоколенной семьи, основанной на совместном ведении большого хозяйства и иерархичных внутренних связях, и переходе к массовому распространению так называемой супружеской семьи, слабо и вообще не связанной с другими родственниками и не являющейся производственной единицей. Существенное изменение демографических параметров семьи было тесно связано с перестройкой семейных функций: повышением значения психологической функции семьи и практически полной утратой экономической¹⁶⁶. Ключевым в этом процессе являлось изменение места женщины в семье: ее принадлежности к институту семьи и набора гендерных функции, ролей, определяемых ее семейным положением.

¹⁶⁵ Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 134.

¹⁶⁶ Волков А.Г., Дарский Л.Е. Демографическое развитие семьи // Демографическое развитие в СССР. М., 1985. С. 72.

За 1960 – 1980-е гг. абсолютное число семей в сельской местности края уменьшилось на 15,2%¹⁶⁷. Отчасти это стало следствием неблагоприятных тенденций в развитии сферы народонаселения: уменьшения абсолютного числа сельских жителей, постарения населения, диспропорции полов в возрасте брачных когортах. Однако сокращение числа сельских семей заметно отставало от уменьшения общей численности сельчан, число которых сократилось на 25,6%,¹⁶⁸ поскольку сопровождалось уменьшением среднего размера семьи (табл. 11).

Данный показатель, отражающий в самом общем виде процесс модернизации семьи, по данным переписи 1959 г., свидетельствовал о том, что сельская семья уже к началу исследуемого периода практически сравнялась по размеру с городской. Среднестатистическая семья в сельской местности в 1959 г. состояла из 3,9 человек, в то время как в городах всего лишь немногим меньше – 3,5 человек.

Отставание величины среднестатистической сельской семьи от среднестатистической городской продолжалось недолго. Если в 1970 г. несмотря на то, что за предшествующее десятилетие красноярская деревня пережила период активных социальных трансформаций: снижения рождаемости, массовых миграций, роста разводимости, средний размер сельской семьи остался прежним, то уже к моменту переписи 1979 г. он резко сократился и составил 3,3 человека (табл. 11). Перепись 1989 г. зафиксировала повсеместно в крае: и в сельской местности, и в городской приблизительно одинаковую величину среднестатистической семьи – 3,3 и 3,2 человека, соответственно. Сокращение размера происходило за счет процесса нуклеаризации семьи и перехода к малодетности.

Таблица 11 – *Динамика среднего размера семьи в Красноярском крае в 1959–1989 гг.**

Территория	1959	1970	1979	1989
------------	------	------	------	------

¹⁶⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 438-447.

¹⁶⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 438-447.

село	3,9	3,9	3,3	3,3
город	3,5	3,4	3,2	3,2
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1963. С. 135–139; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. 6, Ч. 1. М., 1989. С. 122–123; Число и состав семей в Красноярском крае (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Красноярск, 1991. С. 128–140.				

Нуклеаризация представляла собой интенсивное разукрупнение сложных по составу семей, состоящих из нескольких поколений и ветвей родственников, а также отделение молодоженов от родительской семьи после вступления в брак. В то же время образование брачной парой отдельной демографической ячейки, основанной на самостоятельном ведении хозяйства и относительно слабом контроле со стороны родственников, в свою очередь переводило родительскую семью в «последетную» стадию развития, и это усиливало эффект нуклеаризации. Ключевым в данном процессе принято считать изменение матримониального поведения женского населения, а также трансформацию некоторых функций семьи, в свою очередь связанную с изменением социальной роли женщины.

Переход к малодетности, детально рассмотренный при изучении рождаемости красноярских сельчанок, так же напрямую сказался на уменьшении среднего размера семей. Уменьшение числа детей, рождаемой демографическим субъектом – женщиной, наиболее характерное для молодых поколений, вступавших в репродуктивный возраст в течение 1960 – 1980-х годов, автоматически приводило к тому, что уменьшалось число детей в демографическом субъекте – семье.

Большое влияние на развитие семейной сферы оказывали и некоторые специфичные для развития региона черты, в частности быстрые темпы старения населения, особенно женского, что приводило к увеличению абсолютного и относительного числа одиноких людей, не входивших в состав семей.

Данный процесс был универсальным для всей территории страны, и сельская семья в крае равным образом развивалась в аналогичном общереспубликанскому направлении развития сельской семьи в РСФСР и к 1989

г. полностью соответствовала ее размерам¹⁶⁹. Даже у представителей коренных этносов на территории края семьи были небольшими по составу. В 1979 г. в сельской местности Хакасии наибольшими по размеру были однонациональные семьи хакасов - 4,0 человек и чувашей – 3,9, однако уже в 1989 г. они уменьшились до 3,7 и 3,2, соответственно. В сельской местности Таймырского автономного округа в 1979 г. наиболее крупными были семьи долган (4,2 человек) и ненцев – (4,9 человек), в 1989 г. они сократились до 3,8 человек и 4,6 человек, соответственно. В эвенкийских селах однонациональные семьи эвенков уменьшились с 4,0 человек в 1979 г. до 3,4 в 1989 г. Однонациональные русские семьи в эти годы в среднем насчитывали по 3,2 человек¹⁷⁰.

Среднестатистический размер семей – наиболее общий показатель, объединяющий всю совокупность изменений в брачно-семейной сфере, выражающий внешнюю трансформацию. Однако глубина преобразований не ограничивалась лишь численным сокращением числа членов семейной ячейки, качественно менялись демографические параметры семьи, а также ее основные функции.

Уменьшение среднего размера происходило за счет увеличения удельного веса малочисленных семей и сокращения числа и удельного веса крупных семейных ячеек. Уже к началу исследуемого периода в селах края массовой являлась семья из 2 – 4 членов (табл. 12). В 1959 г. в красноярских селах таковых было 61,0% семей. В селах административно-территориальных образований доля маленьких семей была еще выше: в Хакасии – 68,4%, Эвенкии – 75,9%, на Таймыре – 78,2%. Тем не менее, удельный вес семей, состоящих из 5 членов и более, был еще довольно значительным и составлял 39,0%, что говорило о сохранении относительно большого числа крупных семей. В городах эта группа семей была самой маленькой – всего лишь 21,6%. Очень большие семьи, состоящие из 10 и более членов, уже стали большой редкостью: в селах края их

¹⁶⁹ Семья в России: Стат. сб. М., 1996. С. 33.

¹⁷⁰ Число и состав семей (По данным Всесоюзной переписи 1979 г.). Красноярск, 1981. С.32-41; Число и состав семей (По данным Всесоюзной переписи 1989 г.). Красноярск, 1991. С.51–60.

насчитывалось всего 798, что составляло 0,26% от числа всех семей. В городах края показатели были вдвое меньше – 391, или 0,12% от общего числа.

Таблица 12 – Группировка семей по числу членов в Красноярском крае в 1959 г.*

Территория	Из 2 человек	Из 3 человек	Из 4 человек	Из 5 и более человек
село	23,2	22,0	15,8	39,0
город	26,5	28,5	23,4	21,6

* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. М., 1963. С. 446–447.

В 1960-е годы шло сближение показателей у сельских и городских семей. В 1970 г. по-прежнему самыми распространенными в деревне были семьи из 5 и более членов, однако их доля уменьшилась до 30,7%, в то время как доля семей, состоящих из 2 человек, составила 24,1%. Заметно увеличился процент семей, состоящих из 4 членов – до 23,1%¹⁷¹. За 1970-е годы соотношение сельских семей в крае окончательно сложилось в пользу семей из 2 – 4 человек, которые в 1979 г. составляли в общем числе 83,6%, большинство из них составляли семьи из 2 – 33,0% и 3 – 28,3%. Относительно крупные семьи, в составе которых проживало более 4 человек, составляли немногим больше 16% от общей численности¹⁷².

Перепись 1989 г. показала, что изменения, произошедшие за тридцатилетний период, окончательно сблизили деревенскую и городскую семью по данному демографическому показателю (табл. 13). Абсолютное большинство сохранилось за малочисленными семьями из 2 – 4 человек, их доля в общем числе составила теперь 84,1% в сельской местности и 89,0% в городской. Доля семей из 5 человек и более в селах сократилась до 15,9%, а в городах составляла приблизительно десятую часть от общей численности.

Таблица 13 – Группировка семей по числу членов в Красноярском крае в 1989 г.*

Территория	Из 2 человек	Из 3 человек	Из 4 человек	Из 5 и более человек
село	36,4	23,4	24,3	15,9
город	31,5	29,5	28,0	11,0

¹⁷¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 7. М., 1974. С.193.

¹⁷² Число и состав семей (По данным Всесоюзной переписи 1979 г.). Красноярск, 1981. С. 6.

Самые маленькие семьи, состоящие из двух человек, составляли теперь более трети всех сельских семей (36,4%). Статистика показывает, что здесь они были распространены даже в большей степени, чем городах, вероятно за счет того, что в селах оставалось больше так называемых «пустых гнезд» – семей в последетной фазе – пожилых супругов, дети которых жили отдельными семьями.

Косвенно это подтверждает статистика. В 1989 г. в селах края 78,3%, или 96,6 тыс. двухчленных семей представляли собой брачную пару, которая еще не успела обзавестись детьми или уже вырастила их¹⁷³. Очевидно, что первых было меньше, поскольку за год до проведения переписи было заключено намного меньшее число браков, чем было двухдетных семей. Следовательно, значительно большая часть из всех двухчленных семей состояла из истинно бездетных пар и родителей, дети которых проживали отдельно от них и не были тесно связаны с ними в повседневной жизни.

Оставшаяся доля – 20,2%, или 15,2 тыс. семей из двух человек в 1989 г. состояли из матери и ребенка, что было следствием распространения внебрачной рождаемости, а также распада браков в результате овдовения или разводов, после чего дети чаще оставались с матерями. В административно-территориальных образованиях доля семей, состоящих из матери с ребенком повсеместно была высока: в хакасских селах – 22,2%, в таймырских – 30,7%, в эвенкийских – 21,2%, что намного превышало долю семей из отца с ребенком – 2,5%, 4,5% и 4,1%, соответственно.

Отцы-одиночки с детьми встречались значительно реже и составляли в общей массе двухчленных семей лишь 2,2%, или 1,6 тысяч¹⁷⁴. Подобный перекоп являлся прямым следствием имевшейся в стране судебной практики, когда ребенка в случае развода практически всегда оставляли с матерью. Данное обстоятельство свидетельствовало о том, что за традиционной ролью матери для

¹⁷³ Рассчитано по: Число и состав семей (По данным Всесоюзной переписи 1989 г.). Красноярск, 1991. С.131.

¹⁷⁴ Рассчитано по: Там же. С. 44.

женщины сохранялся высокий социальный престиж. Отцы зачастую оказывались вытесненными из сферы семьи, их роль ограничивалась ролью «добытчика», кормильца.

Значительно большую по сравнению с городами распространенность в селах края семей, состоящих из двух человек, можно трактовать как следствие негативных тенденций в развитии сельской семьи. Они выражались как в распаде в результате миграции кого-либо из членов из деревни, так и в распространении разводов, которые в свою очередь стали «побочным эффектом» модернизации в сфере семьи и брака.

В целом эволюция сельской семьи по демографическим типам за исследуемый период выглядит следующим образом (табл. 14). Первые статистические данные имеются только по результатам переписи 1970 г., поскольку ранее такие сведения не собирались. Однако учитывая стабильность основных демографических параметров сельской семьи в 1960-е гг., указанных выше, можно предположить, что в 1960-х гг. распределение сельских семей по типам было схожим с 1970 г.

Таблица 14 – *Распределение семей в сельской местности Красноярского края по демографическим типам в 1970–1989 гг., %**

Тип семьи		1970	1979	1989
Все семьи	село	100,0	100,0	100,0
	город	100,0	100,0	100,0
С одной брачной парой с детьми или без детей	село	65,2	72,6	76,4
	город	63,8	69,9	69,3
С одной брачной парой с детьми или без детей, с одним из родителей супругов, с другими родственниками	село	20,4	12,0	9,6
	город	19,0	11,1	10,2
С двумя и более брачными парами с детьми и без детей, с одним из родителей супругов, с другими родственниками	село	2,9	1,5	1,2
	город	4,4	2,7	2,5
Матери (отцы) с детьми	село	7,3	10,3	9,3
	город	8,1	12,3	13,3
Прочие	село	4,2	3,6	3,5
	город	4,7	4,0	4,6
* Число и состав семей (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). Красноярск, 1981. С. 16; Число и состав семей (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). – Красноярск, 1991. С. 43–44.				

К началу 1970-х годов в сельской местности края массовой была простая нуклеарная семья, состоящая из брачной пары с детьми или без детей: их доля составляла 65,2% в среднем по краю, а в административно-территориальных образованиях отличалась на десятые доли процента. Если учитывать неполные, или «осколочные» семьи, которые образовались в результате распада нуклеарных семей, то их доля увеличивается до 72,5%. Сложных по составу семей, состоявших из нескольких поколений или супругов, проживавших с другими родственниками в сельской местности края, насчитывалось лишь 23,3%.

Сравнение со структурой городских семей показывает, что процесс нуклеаризации на селе был выражен в большей степени. В городах процент расширенных семей, состоящих из двух или нескольких брачных пар, был несколько выше и составлял 4,4%. Причина заключалась скорее в объективных трудностях с отделением – т.н. «квартирным вопросом», который в городах стоял более остро. Между тем и городские нуклеарные семьи составляли значительное большинство – 63,8% от их общего числа.

Фактически традиционная патриархальная семья в Красноярском крае в исследуемый период уже ушла в прошлое, и массовой являлась нуклеарная семья, состоящей из супружеской пары и детей. Данные, собранные в ходе переписей 1979 г. и 1989 г. показали дальнейшее укрепление ее позиций.

В 1989 г. в селах края доля семей, состоящих из брачной пары с детьми или без них, составляла 76,4%, а вместе с «осколочными» семьями – 85,7%. Доля многопоколенных семей, в которых брачная пара проживала с кем-то из родителей супругов и другими родственниками неуклонно уменьшалась, составив в 1989 г. лишь 9,6%. А на сложные семьи, состоящие из нескольких брачных пар и других родственников, приходилось теперь лишь 1,2%, или 3,2 тысячи семей. Городские семьи распределялись по типам в таком же соотношении с незначительными отличиями по величине групп (табл. 14).

Традиционным оставалось и семейное состояние сельчанок. В переписных материалах все население подразделялось по принадлежности к институту семьи на три категории. В первую входили совместно проживающие члены семей,

ведущие общее хозяйство и являющиеся в этом смысле традиционным по своему семейному состоянию контингентом. Вторая группа представлена людьми, не порвавшими связь с семьей и считавшими себя ее частью, но по каким-то причинам проживавшими отдельно от нее. Третью группу составляли одинокие люди: те, кто сознательно выбрали такой образ жизни, и оставшиеся в одиночестве не по своей воле.

В 1959 г. абсолютное большинство сельчанок – 96,4% – входили в состав семей. Практически все они – 93,2% – от общей численности проживали совместно с другими их членами. Аналогичной среднекраевой была доля семейных женщин в селах Хакасской автономной области, несколько ниже – у сельских женщин Таймырского (93,5%) и Эвенкийского (93,1%) национальных округов. Однако различия эти были незначительными и говорили о том, что несмотря на высокий уровень миграционной подвижности сельского населения региона и проходившую модернизацию институт семьи сохранял свои позиции. Это подтверждается тем, что доля семейных у мужчин была даже незначительно выше, чем женщин – 97,4% в целом по краю. Среди горожанок членами семей являлись 93,1% (совместно проживали 94,2% из них)¹⁷⁵.

За 1960 – 1980-е годы доля сельских женщин – членов семей незначительно возросла до 96,8%. Доля совместно проживающих увеличилась до 94,1%¹⁷⁶. Среди горожанок семейных стало 93,3%, совместно проживали 96,2% из них.

Категория сельских женщин, проживавших отдельно и одиноких, в целом была незначительной – отдельно проживали 3,2% сельчанок, считавших себя членами семей и 3,7% одиноких. Эти показатели заметно отставали от аналогичных у мужчин. В населении края в целом и по отдельным административно-территориальным образованиям женщины буквально вдвое реже проживали отдельно от семей, если она у них была.

Группа проживающих отдельно среди сельчанок края изменялась наиболее динамично. Уже к 1979 г. среди сельских женщин края таковых оставалось в

¹⁷⁵ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. по Красноярскому краю. Сводный том. Красноярск, 1963. С. 16–135.

¹⁷⁶ Число и состав семей в Красноярском крае (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). С.16.

среднем 1,2%. К 1979 г. среди проживающих отдельно самые большие доли приходились на очень молодых сельчанок, которые не достигли возраста 20 лет, – 26,3% и на пожилых старше 60 лет – 30,6%¹⁷⁷.

За 1980-е годы доля проживавших отдельно неожиданно резко возросла, составив в целом по краю 5,7%, при этом абсолютная численность их с 1959 г по 1989 г. уменьшилась более чем вдвое. Динамика была очень нестабильной в отличие от мужчин, у которых доля осталась неизменной, а численность уменьшилась пропорционально уменьшению численности мужского населения в селах края. Довольно заметно изменился и возрастной состав этой категории: теперь абсолютное большинство составляли женщины старше 50 лет – 70,3%, а на долю самых молодых приходилось лишь 8,5%¹⁷⁸.

Несмотря на то, что вторую и третью категорию семейного состояния иногда объединяют в одну группу, они все же заметно отличались и по своему возрастному составу, и по направлению развития. Одиночество в селах края имело в основном «женское» лицо. В 1959 г. в сельской местности края проживало чуть более 26 тыс. женщин, не являющихся членами семей. В общей численности населения они составляли 3,7%, т.е. были примерно равны группе живущих отдельно. Однако по доле одиноких женщины превосходили мужчин, среди которых таковых было лишь 2,2%, или 13,4 тыс. человек.

К 1979 г. в сельской местности края одинокими были 38,5 тыс. женщин, или 7,6%. За 1980-е гг. численность и доля одиноких женщин в селах края несколько сократились, составив 32,8 тыс. человек и 7,3%, соответственно, а в административно-территориальных образованиях остались практически неизменными. Сохранился и возрастной состав одиночек: в 1989 г. по-прежнему в целом по краю (79,0%) и в Хакасии (79,5%) основная масса одиноких сельчанок находилась в возрасте 55 лет и старше, это были вдовы войны и те, кто по каким-то причинам утратил связь с детьми, уехавшими из родных мест. В таймырских и эвенкийских селах большинство одиноких женщин находились в возрасте от 20

¹⁷⁷ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т.6. Ч.1. М., 1981. С. 18.

¹⁷⁸ Число и состав семей в Красноярском крае (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Красноярск, 1990. С.120.

до 54 лет – 56,9% и 55,4% соответственно. Там женское одиночество было связано скорее с неустроенной брачной судьбой, а поскольку условия жизни в северных районах очень тяжелые, вероятно, пожилые сельчанки предпочитали уезжать, оставаясь без поддержки родных людей.

Этот процесс был связан с особенностями социально-экономического развития края, ускоренное промышленное освоение которого влияло на естественный ход демографических процессов, искажало их. Увеличение относительного и абсолютного числа одиночек в крае отражало последствия крайне высокой механической подвижности сельского населения. Вполне естественно, что не всем жительницам деревни удавалось сохранить тесную связь с семьей или создать новую. Типичен пример одинокой крестьянки, у которой «ничего, кроме одиночества не осталось – одинокой ее сделало общество, рассеявшее родню по свету, не защитившее от голода и болезней детей, покалечившее на войне мужа и откупившееся грошовой пенсией»¹⁷⁹.

Материалы переписи 1989 г. позволили подвести итог как исследуемому периоду, так и фактически всему советскому этапу демографической истории семьи в крае. 1980-е годы, отмеченные усилением внимания к семье со стороны государства, не изменили тенденций развития семейного состава сельских женщин. Согласно переписным данным, теперь лишь 93,8% сельчан считали себя членами семей. По сравнению с 1959 г. уменьшение составило 3,2 п.п., изменение же абсолютной численности этой категории населения было намного более значительным: в селах края в 1989 г. проживало на 352,2 тыс. членов семей меньше, что составило примерно половину от наличного сельского населения, зафиксированного в этом году переписью. При этом вклад женщин оказался намного большим: доля семейных среди них сократилась на 212,9 тысяч человек, тогда как у мужчин – на 139,3 тысяч¹⁸⁰.

Село в конечном итоге потеряло значительную часть семейного населения, тогда как одиночество за последнее советское тридцатилетие в нем стало более

¹⁷⁹ «Сельская молодежь». 1989. №1. С. 2.

¹⁸⁰ Число и состав семей (По данным Всесоюзной переписи 1979 г.). Красноярск, 1981. С. 16-17.

заметным явлением. Не столь существенное внешне увеличение доли одиночек в населении в абсолютных показателях выражалось в росте их численности с 39,4 тыс. человек в 1959 г. до 60,4 тыс. человек в 1989 г. Несмотря на то, что прирост произошел в основном за счет мужчин: на 14,3 тыс. человек, тогда как у женщин только на 6,7 тыс. человек, среди одиноких сельчан женщины составляли абсолютное большинство. Анализ половозрастной структуры одиноких показывает, что среди них преобладали молодые мужчины и женщины старших возрастов, то есть те самые группы, которые более всего была выражена половая диспропорция. Одиночество в селах края по-прежнему было скорее вынужденным и не свидетельствовало о кризисе семьи.

1.3 Динамика численности и возрастного состава сельских женщин

Изучая демографические характеристики женского населения, невозможно обойтись без привлечения показателей, которые при изучении народонаселения считаются самыми основными, способными отразить совокупность социальных процессов: *эволюции возрастного состава и динамики численности* сельчанок. Они формируются как результат естественного и механического движения и одновременно выступают его объективной основой. Уровень смертности, показатели брачности и рождаемости, интенсивность миграции во многом зависят от структурного фактора – возрастного состава. Особое значение для исследования рождаемости в сельской местности имели величина репродуктивного контингента, представлявшая собой потенциал воспроизводства сельского населения, и численность женщин трудоспособного возраста, от которой зависели трудовые ресурсы села. Кроме того, являясь по существу статическим итогом развития демографических процессов в каждый конкретный момент времени, численность и возрастной состав населения отражают воздействие всей совокупности факторов, определявших историческое развитие красноярской деревни.

В исследуемый период основными тенденциями изменения численности сельских женщин являлось ее сокращение, а эволюции их возрастного состава –

его постарение, которое выражалось в неуклонном увеличении в доли возрастной группы старше 60 лет. Причинами служили, во-первых, сокращение рождаемости, во-вторых, снижение смертности, замедлившее вымирание представительниц старших поколений, и миграционного оттока из села молодых женщин.

В 1959 г. доля старых людей в возрастной группе 60 и старше у сельских женщин в крае составляла 2,7%, а у мужчин – 1,6%¹⁸¹. За тридцатилетие этот показатель у женщин увеличился до 5,1%, тогда как у мужчин остался неизменным¹⁸². Постарение старшей возрастной группы у женщин говорит о том, что продолжительность жизни у них возрастала. В отличие от них у мужчин при росте численности группы лиц 60 лет и старше, доля стариков в ней не увеличивалась, следовательно, старение происходило за счет снижения рождаемости.

В результате к концу советского периода сельские женщины оказались самой «старой» социально-демографической группой в населении края. Горожанки также старели, однако темпы этого процесса у них были намного ниже, чем на селе. В 1989 г. доля городских жительниц старших возрастов составила 13,4% от их общей численности, что соответствовало начальному этапу демографической старости¹⁸³. Причина более молодой возрастной структуры городских женщин заключалась в миграционном притоке извне, в том числе и сельской молодежи.

На общереспубликанском фоне сельские женщины края выделялись своей относительной демографической молодостью в течение всего тридцатилетия. Доля возрастной группы 0 – 14 лет в структуре женского населения красноярских сел была выше, чем в среднем по республике, а 60 лет и старше – ниже. В основе лежал более высокий демографический потенциал красноярской деревни: во-первых, прямые потери в годы войны там были значительно меньшими, поскольку села края не подвергались оккупации; во-вторых, массовые переселения в край «спецконтингента» в послевоенные годы привели к более

¹⁸¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1531. Л. 70-72.

¹⁸² Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1991. С. 45.

¹⁸³ Рассчитано по: Там же. С. 43.

благоприятному соотношению полов; в-третьих, более высокая рождаемость создавала естественный прирост численности населения в регионе.

Даже несмотря на резкое сокращение численности и уменьшение рождаемости в 1960-х гг. в красноярской деревне, старение сельских женщин здесь шло намного медленнее, чем в среднем по РСФСР. Жительницы сел в среднем по республике перешли границу очень высокого уровня старости уже к 1970 г.: доля женщин 60 лет и старше там составила 18,1%¹⁸⁴.

Темпы старения в крае отставали от среднероссийских и в течение последующих десятилетий. В 1979 г., когда красноярские сельские жительницы еще только переступили границу между высоким и очень высоким уровнем старости, удельный вес старшей возрастной группы в республике составлял уже 22,9%, что было на 6,3 п.п. больше, чем в крае. К концу исследуемого периода этот показатель в республике составил уже 24,6%, тогда как в крае он достиг того уровня, который в республике был отмечен в 1970 г.¹⁸⁵.

Соотношение величин самой старшей (60 лет и более) и самой младшей (не достигших 15 лет) возрастных групп определяли тип возрастной структуры населения. В течение исследуемого периода в крае она изменялась в направлении от прогрессивного, который отличается превышением доли младшей возрастной группы над долей старшей, к стационарному типу, который характеризуется приблизительно равным удельным весом этих групп. В 1959 г. численность младшей возрастной группы в сельской местности края втрое превышала численность сельских женщин в возрасте 60 лет и старше (табл. 15). Возрастная структура сельских женщин российской деревни также сохраняла прогрессивный тип, но доля младших возрастов (28,3%) превышала долю старших (13,0%) лишь вдвое¹⁸⁶.

К концу 1980-х годов женское население сел в РСФСР перешло к стационарному типу возрастной структуры: удельный вес детей и подростков в

¹⁸⁴ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 16.

¹⁸⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. С. 16.

¹⁸⁶ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1963. С. 70.

нем (23,3%) был чуть меньше удельного веса женщин 60 лет и старше (24,6%)¹⁸⁷. В крае переход к стационарному типу возрастной структуры сельских женщин так и не произошел. В 1989 г. младшая возрастная группа еще превосходила старшую по размерам, причем довольно значительно: на 8,0 п.п. Абсолютное число девочек, не достигших 15 лет, в селах края к концу 1980-х гг. превышало число женщин в возрасте 60 лет и старше на 39,1 тыс. человек, то есть почти на треть (табл. 15).

Таблица 15 – *Соотношение возрастных групп в сельском населении Красноярского края в 1959–1989 гг. (по данным переписей населения)**

Годы	Численность, тыс. человек						Удельный вес в общей численности населения, %					
	0–14		15–59		60 и более		0–14		15–59		60 и более	
	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
1959	232,4	241,0	398,2	335,3	72,3	40,1	33,1	39,3	56,6	54,2	10,3	6,5
1970	185,0	192,2	323,8	314,8	78,7	38,0	31,5	35,5	55,1	57,5	13,4	7,0
1979	123,9	127,9	297,7	308,1	84,1	37,9	24,5	27,0	58,9	65,0	16,6	8,0
1989	131,7	136,2	262,9	309,8	92,6	46,1	27,0	27,6	54,0	63,0	19,0	9,4
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 45–46.												

Эволюция возрастного состава сельских женщин определяла и изменение его репродуктивного контингента: женщин возраста 15 – 49 лет, а также эволюцию его возрастного состава (табл. 16). Таким образом, статистика показывает изменение демографических характеристик сельских женщин, которое выражалось не только повышении среднего возраста населения, но в уменьшении потенциала его естественного воспроизводства.

В 1960 – 1980-е годы численность женщин фертильного возраста в селах края неуклонно снижалась, сократившись почти наполовину. Наибольшее значение для воспроизводства в генеративном контингенте имела группа 15 – 29-летних, на долю которых при существовавшем в тот период в РСФСР типе воспроизводства приходилась основная масса рождений. Женщины, которым

¹⁸⁷ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения СССР и регионов России по брачному состоянию полу и возрасту (Электронный ресурс) // Режим доступа www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_89.php. (дата обращения: 23.06. 2006 г.)

исполнилось от 30 до 39 лет, также вносили довольно заметный вклад в воспроизводство. 40 – 49-летние женщины рожали в это время довольно редко, поэтому их включение в репродуктивный контингент носит отчасти формальный характер.

К концу 1950-х годов в селах края проживало 335,0 тысяч женщин репродуктивного возраста – 47,7% от общего количества сельчанок. Значительную часть их – 45,9% составляла группа 20 – 29-летних женщин. Еще 44,7% репродуктивного контингента составляли 30 – 39-летние, показатели рождаемости у которых были еще достаточно высокими (табл. 4). Однако этот высокий репродуктивный потенциал красноярской деревни реализовался не в полной мере из-за миграции молодежи.

Таблица 16 – *Изменение структуры и численности сельских женщин Красноярского края репродуктивного возраста в 1959–1989 гг., %**

Возраст- ные группы, лет	Численность, тыс. чел.					Удельный вес в возрастной группе в общей численности			
	1959	1970	1979	1989	1989 в % к 1959	1959	1970	1979	1989
Все женщины	702,9	587,5	505,8	487,2	69,4	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:									
до 15	232,4	185,0	123,9	131,7	56,7	33,0	31,5	24,5	27,0
15–19	42,5	47,2	35,8	23,2	54,6	6,0	8,0	7,1	4,8
20–24	54,6	29,0	39,8	25,9	47,4	7,8	4,9	7,9	5,3
25–29	56,8	24,2	37,0	37,2	65,5	8,1	4,2	7,3	7,6
30–39	104,0	81,5	46,6	73,2	70,4	14,8	13,9	9,2	15,0
40–49	77,0	83,5	70,8	42,0	54,5	11,0	14,3	14,0	8,6
15–49	335,0	266,0	230,0	210,5	60,0	47,7	45,3	45,5	41,4
50 и старше	135,5	136,5	152,0	154,0	113,7	19,3	23,2	30,0	31,6
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 45–46.									

Женщины фертильного возраста внесли наибольший вклад в сокращение общей численности женского населения в селах края. За 1960-е годы число 15 - 49-летних женщин сократилось на 20,6% (табл. 16). В абсолютном выражении это составило 69,0 тыс. человек. Удельный вес репродуктивного контингента в общей численности женского населения сократился незначительно: с 47,7% в 1959 г. до 45,3% в 1970 г. Но главная проблема для репродуктивного потенциала красноярского села заключалась в том, что значительно уменьшилась доля молодых женщин, не достигших 30 - летнего возраста. К 1970 г. их удельный вес стал самым маленьким за весь исследуемый период и составлял лишь 37,7% от числа всех женщин фертильного возраста. Возрастной состав репродуктивного контингента заметно ухудшился.

В 1970-е годы число 15 - 49-летних женщин в красноярских селах уменьшилось на 36,0 тыс. человек. Сокращение репродуктивного контингента произошло пропорционально сокращению общей численности сельчанок. В результате удельный вес женщин репродуктивного возраста остался неизменным и составил 45,5% (табл. 16). Однако с точки зрения естественного воспроизводства их возрастной состав улучшился: в 1979 г. почти половину (48,9%) генеративного контингента села составляли женщины моложе 30 лет. В этой связи несмотря на то, что общее число женщин в сельской местности края заметно сократилось, к началу последнего советского десятилетия репродуктивные характеристики красноярских сельчанок за 1970-е годы улучшились.

Миграция молодежи, а также вступление в детородный возраст малолетнего поколения 1960-х гг. рождения в 1980-е годы закономерно определили значительное уменьшение размеров репродуктивного контингента на фоне относительной стабилизации численности сельских женщин: возрастная группа женщин 15 – 49 лет стала меньше на 12,4%. В 1989 г. их удельный вес составил 41,4% – самую малую долю в общей численности сельчанок за весь исследуемый период. В очередной раз ухудшился возрастной состав

репродуктивного контингента: доля молодых женщин до 30 лет в нем снизилась до 42,8% (табл. 16).

Вместе с тем на возрастной состав и другие демографические характеристики сельских женщин постоянно оказывал влияние миграционный отток молодежи. За 1960 – 1980-е годы возрастная группа женщин в возрасте 15 – 49 лет уменьшилась на 39,9% – с 334,9 тыс. человек в 1959 г. до 190,5 тыс. человек в 1989 г. (табл. 16). Генеративный контингент постарел: в течение тридцатилетия в нем постоянно уменьшалась часть только вступающих в фертильный возраст – демографической «смены». При этом сохранялась высокой доля женщин старших возрастов, которые уже физиологически не могли рожать много. В конце 1980-х годы больше половины репродуктивного контингента составляли женщины старше 30 лет. Репродуктивный потенциал красноярской деревни постоянно уменьшался и в конечном счете уменьшался естественный прирост.

Диспропорция полов также представляла собой важную особенность демографического состава сельского населения, что отражалось на его развитии в целом. В среднем к концу 1950-х годов на каждую 1000 женщин в селах края приходилось 877 мужчин (табл. 17). Разрыв в численности полов здесь был меньшим, чем в среднем по селам РСФСР, где на 1000 женщин приходилось лишь 795 мужчин¹⁸⁸. Это объяснялось высоким уровнем миграции в Восточную Сибирь в послевоенный период, в результате которого в целом в селах этого экономического района на 1000 сельских женщин приходилось 905 мужчин¹⁸⁹.

Таблица 17 – *Соотношение численности полов в сельском населении Красноярского края в 1959–1989 гг. (на 1 000 женщин приходится мужчин)**

Возрастные группы, лет	1959	1970	1979	1989
все население, в том числе:	877	925	937	1 041
0–4	1 040	1 040	1 030	1 040
5–9	1 039	1 033	1 030	1 022

¹⁸⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 90.

¹⁸⁹ Там же. С.94.

10–14	1 044	1 043	1 031	1 036
15–19	1 086	1 258	1 362	1 458
20–24	1 084	1 196	1 152	1 229
25–29	1 035	1 104	1 156	1 225
30–34	864	1 098	1 147	1 231
35–39	719	1 097	1 046	1 246
40–44	667	887	1 039	1 221
45–49	653	693	1 015	1 067
50–54	654	636	768	1 008
55–59	461	568	586	936
60 и старше	555	478	451	498
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959. РСФСР. М., 1963. С. 70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 45–46.				

Половая диспропорция – важнейшая социальная черта населения нашей страны, она наблюдалась во всех возрастах. Ее причины в разных поколениях были различными, порой они отражали самые трагические страницы в истории страны. В старших возрастах соотношение численности женщин и мужчин в сельской местности края к началу исследуемого периода в основном определялось тремя основными факторами: «демографическими катастрофами»¹⁹⁰ первой половины XX века – резкими подъемами уровня смертности в результате социальных катаклизмов: войн, голода, эпидемий и политических репрессий, которые наложили неизгладимый отпечаток на все население страны. В младших – в большей степени гендерными различиями процессов смертности и миграции в послевоенный период.

Начиная с 30 лет пятилетние женские возрастные группы превосходили мужские по численности. В возрастной группе 30 – 34-летних этот разрыв был не столь большим и приблизительно соответствовал среднему соотношению мужчин и женщин (табл. 17), но он увеличивался по мере продвижения к старшим возрастам, достигая максимума в когорте 55 – 59-летних.

¹⁹⁰ Вербицкая О. М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья): автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2002; Полян П. М. Динамика расселения в России и демографические катастрофы XX столетия // Известия РАН. Серия: География. М., 2003. №3. С. 44–52; Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 399.

Последствия военных потерь, намного более значительные у мужчин, были заметны у всего советского населения. В этом отношении красноярским сельским женщинам повезло даже больше, чем среднестатистическим российским сельчанкам. В целом по РСФСР теоретически лишь каждая вторая женщина старше 35 лет была «обеспечена» представителем противоположного пола.

В возрасте 15 – 29 лет наблюдалась противоположная диспропорция: преобладало мужское население. На эти возрастные группы определяющая влияние оказывал, в первую очередь, миграционный отток молодых женщин из сельской местности. К началу 1960-х годов половая диспропорция в этих группах была не слишком большой, сложившееся положение можно оценить как благоприятный фактор воспроизводства, поскольку теоретически расширяло выбор брачного партнера для сельских девушек. Такое соотношение полов было характерно для всей российской деревни.

Соотношение общего числа женщин и мужчин в 1979 г. впервые за послевоенное время оказалось благоприятным с демографической точки зрения – 1000:937, соответственно. В возрастных группах от 15 до 34 лет женщин было меньше, чем мужчин, а сельчанки 50 лет и старше численно намного превосходили ровесников (табл. 16). В молодом возрасте такая диспропорция была следствием миграционного оттока женщин, который не уравнивался даже значительно более высокой смертностью мужчин в этих возрастах. В старших возрастах она определялась последствиями войны.

За тридцатилетний период соотношение полов в сельском населении в целом изменялось в пользу мужчин, которые к концу 1980-х гг. стали численно преобладать в деревнях края (табл. 17). Пропорция в среднем стала идеальной: в 1989 г. на 100 женщин приходился 101 мужчина. Однако сохранилась повозрастная диспропорция полов. Военные потери определяли численное превосходство женщин в поколениях 1920-х годов рождения и старше, а отрицательное сальдо миграции – их нехватку в более молодых поколениях.

Во вступавших в 1960 – 1980-е годы в репродуктивный возраст поколениях сельчан края женщин было меньше, чем мужчин – ровесников. При этом чем

младше было поколение, тем больший наблюдался разрыв. В 1989 г. в самой младшей группе репродуктивного возраста он был поистине колоссальным: на тысячу 15 – 19-летних сельских девушек приходилось 1638 молодых людей. Примерно равное соотношение наблюдалось лишь у 45 – 49-летних, а у более старших, куда переместились поколения, понесшие прямые потери в годы войны, мужчин было значительно меньше.

Само село при этом лишилось значительной части своего демографического потенциала. За последние тридцать лет советской истории женское население сократилось в нем почти на треть (30,7%) и стало насчитывать 589,4 тысяч человек (табл. 18). Если к началу 1960-х годов женщины составляли большую часть сельского населения (53,3%), то в конце 1980-х - чуть менее половины сельчан (49,7%). Уменьшение численности и резкое постарение возрастного состава сельских женщин стало следствием интенсификации пространственного движения и уменьшения естественного воспроизводства. Вся совокупность факторов, которые определяли эти процессы в сельской местности края, являлись компонентом урбанизации сельской местности края и в свою очередь ею же стимулировались.

Интенсификация промышленного освоения края, таким образом, напрямую затрагивала развитие сельской местности. Ведущим процессом, которым «откликнулись» сельские женщины на происходившие изменения, стало резкое сокращение их численности. Решающую роль здесь сыграло механическое движение: миграционный отток жителей и, в гораздо меньшей степени, смена статуса поселений с сельского на городской в результате административных преобразований.

Главным фактором, стимулировавшим перемещение сельских жителей в города, были менее комфортные условия труда и быта в сельской местности. Вывод о ведущей роли жизненных условий в неорганизованном территориальном перераспределении населения между селом и городом был сделан

Ж. А. Зайончковской и В. И. Переведенцевым еще в начале 1960-х годов¹⁹¹. Представление о более комфортной жизни в городах, которое в мотивах перемены места жительства звучало как «неудовлетворенность условиями жизни», доминировало в мотивах миграции и в более позднее время. Согласно локальному исследованию проведенному в поселках «Красноярсклеспрома» в начале 1980-х годов, именно эта причина привела к 44,7% переездов сельских жителей¹⁹².

Подтверждение этому мы находим и в данных опроса сельчанок. Главным отличием городской жизни, по мнению сельчан было то, что в городах «работали меньше». «Жизнь женщины в сельской местности весомо отличалась от жизни горожанок, хотя бы тем, что в городе благоустроенные квартиры, не надо носить воду, топить печи, туалет и ванна в доме. В магазинах снабжение лучше и товарами и продуктами. Детских садов и развлекательных мест больше, медицинское обслуживание на более высоком уровне», обобщает мнения сельчанок Альбина Николаевна Комогорцева из пос. Таежный Богучанского района¹⁹³.

Статистика помогает оценить масштабы негативного влияния условий труда и быта на численность населения через анализ динамики численности сельских женщин (табл. 18).

Таблица 18 – *Динамика численности сельского населения Красноярского края в 1959–1989 гг.**

Годы	Красноярский край		в том числе:					
			Хакасская автономная область		Таймырский автономный округ		Эвенкийский автономный округ	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1959	616,4	702,9	87,7	101,5	6,5	6,7	4,1	4,2
1970	545,0	589,0	83,9	95,6	7,8	7,0	4,6	4,7
1979	473,9	505,7	74,8	83,8	8,2	7,8	5,4	5,2

¹⁹¹ Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964. С. 75.

¹⁹² Волынская Л. Б. Ценностные ориентации в системе факторов миграционной подвижности сельского населения. М., 1985. С.15.

¹⁹³ Полевые материалы автора: Комогорцева А.Н., п. Таежный Богучанского района Красноярского края, 2017 г.

1989	492,1	487,2	75,4	81,3	10,1	9,0	9,0	8,0
1989 к 1959	79,8 %	69,3 %	85,9 %	79,9 %	155,4 %	134,3 %	219,5 %	190,5 %
* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959. РСФСР. М., 1963. С. 70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 45–46.								

Перепись 1959 г. была проведена в момент перехода Красноярского края преимущественно «сельского» к «городскому» состоянию по такому показателю как доля жителей села в общей численности населения. Уровень урбанизации в крае был ниже общероссийского: в то же время в целом по РСФСР доля сельчан составляла 47,6%, что говорило о том, что урбанизационный переход уже был пройден. Отставание края объяснялось относительно невысоким уровнем промышленного освоения, а также социально-экономическими особенностями его развития: значительное число промышленных объектов, в частности, леспромхозов, располагалось в сельской местности. Эта особенность сдерживала сельско-городскую миграцию, а следовательно и более резкое сокращение численности и доли сельчан.

1960-е годы в Красноярском крае были отмечены резкой интенсификацией урбанизационного процесса, в том числе и значительным сокращением численности сельского населения, в большей степени женского. В конце десятилетия в селах края проживало на 115,4 тыс. (16,5%) женщин меньше, чем в его начале (табл. 18). Согласно данным текущего сельсоветского учета, за первую половину десятилетия число сельчанок сократилось лишь на 1,3% (табл. 19). Со второй половины 1960-х годов темпы сокращения численности резко возросли и продержались на высоком уровне до начала 1980-х годов (табл.20). На вторую половину десятилетия пришлось самое значительное за весь исследуемый период уменьшение численности сельчанок: за пять лет их стало приблизительно на 14,5% меньше.

Таблица 19 – *Темпы прироста (убыли) численности сельского населения Красноярского края в 1960–1970 гг. (на начало года)**

	1965 к 1960	1970 к 1965	1975 к 1970	1980 к 1975
Мужчины	102,1	85,6	96,5	91,5

Женщины	98,7	85,5	94,6	90,4
* ГАКК Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 3033. Л. 1-1 об., 6-6 об, 11-11 об., 16-16 об., 21-21 об.				

Основной вклад в сокращение численности женщин внес миграционный отток. В 1960-х годах объемы миграционных потоков в сельской местности были очень значительными как в женском населении, так и в мужском. У женщин число уехавших превышало число приехавших в села в течение десятилетия, тогда как у мужчин сальдо миграции в течение ряда лет было положительным.

Разница в сальдо миграции явилось причиной межполовых различий в динамике численности сельчан (табл. 19). В первой половине 1960-х годах наблюдалась противоположная динамика: численность женщин за это время сократилась на 1,3%, тогда как мужчин – возросла на 2,1%. Причиной тому послужило большее по размеру отрицательное сальдо миграции у женщин. Статистика показывает, что с 1960 по 1969 гг. включительно суммарные потери сельского населения в крае в результате миграции у женщин составили 66,7 тыс. чел, а у мужчин – лишь 10,9 тыс. человек¹⁹⁴. В основе феминизации миграционного оттока лежали условия, делавшие жизнь в деревне особенно непривлекательной для женщин.

Таблица 20 – Темпы прироста (убыли) сельского населения в 1959–1989 гг., %*

Годы	РСФСР		В том числе:							
			Красноярский край		в том числе:					
					Хакасская автономная область		Таймырский автономный округ		Эвенкийский автономный округ	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж	жен.	муж	жен.
1970 к 1959	89,6	86,4	88,4	83,8	95,7	94,2	120,0	104,5	112,2	114,6
1979 к 1970	87,7	85,5	87,0	85,9	98,2	87,7	105,1	111,4	117,4	110,6
1989 к 1979	94,5	89,9	103,8	96,3	100,1	97,0	123,2	115,4	166,7	153,8
* Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 70; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 45–46.										

¹⁹⁴ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп.5. Д. 2749. Л. 1-1об. Д. 2750. Л. 9-9об. Д. 2751. Л. 8-8об. Д. 2752. Л. 8-8об. Д. 2753. Л. 6-6об. Д. 2754. Л. 24-24об. Д. 2755. Л. 3-3об. Д. 2756. Л. 25-25об. Д. 2757. Л. 21-21об. Д. 2758. Л. 3-3об.

На мужчин выталкивающие факторы воздействовали в меньшей степени. В первую очередь, потому что они испытывали меньше проблем с трудоустройством, так как труд в сельском хозяйстве был в основном тяжелым ручным. Кроме того, в сельской местности края развивались промышленные отрасли, в частности, лесная, в которых были заняты преимущественно мужчины. В связи с этим численность мужчин в селах края в начале исследуемого периода даже увеличивалась, однако с середины 1960-х гг. она также начинает резко сокращаться.

Положительное сальдо мужской миграции формировалось за счет молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет: они составили 53,8% от всех учтенных статистикой мужчин, приехавших в 1960 – 1964 гг. в села края. Доля приезжих среди женщин этого возраста среди них составила лишь 47,4% от всех иммигранток¹⁹⁵. Их более массовый приезд сдерживало, помимо прочего, наличие малолетних детей, которые были у большинства из них. Поскольку воспитание детей – традиционная обязанность женщины, именно им приходилось решать все проблемы, возникавшие при совмещении материнских функций с производственными. Большинство сельских населенных пунктов не имело детских дошкольных учреждений, а близких родственников, способных оказать помощь в уходе за ребенком, у переселенцев почти всегда не было. Согласно данным органов здравоохранения обеспеченность детскими дошкольными учреждениями на 1000 жителей в 1959 г. составляла 6 вместо положенных по норме 30, при этом 12% из них располагалось в непригодных помещениях¹⁹⁶.

Различия в направлении динамики численности полов исчезли во второй половине 1960-х годов, причем число и женщин, и мужчин в эти годы уменьшалось одинаковыми темпами. Очевидно, со второй половины десятилетия усилилось действие факторов, существенных для обоих полов. К их числу относились административные преобразования сельских поселений в городские,

¹⁹⁵ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 383. Л. 92.

¹⁹⁶ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 383. Л. 92.

которые очень серьезно сократили численность сельчан. По имеющимся у нас данным, только за 1960 г. и 1965 г. в результате перемены статуса поселений горожанами стали 11,8 тысячи и 34,3 тысячи сельских жителей, соответственно¹⁹⁷.

Перепись 1970 г. показала, что за 1960-е годы численность сельских женщин в крае сократилась на 16,2% и составила 589 тысяч человек. Темпы сокращения численности красноярских сельчанок превысили аналогичный показатель как у сельских мужчин края (11,6%), так и у сельских женщин в среднем по РСФСР (13,6%) (табл. 20).

Активизация промышленного освоения края в ходе первой красноярской десятилетки привела к тому, что в 1970-х годах численность сельских женщин продолжала сокращаться. За период между переписями 1970 г. и 1979 г. число сельчанок в крае уменьшилось на 81,7 тыс. человек, или 14,0% (табл. 19). Некоторое влияние на это сокращение оказала смена статуса поселений, однако оно было незначительным: в крае сокращение сельского населения в целом за счет перевода в разряд городского составили 15,4 тыс. человек¹⁹⁸. Абсолютные размеры естественного прироста в сельском населении за 1970-е годы остались практически неизменными: у женщин они колебались на уровне 2,9 – 3,2 тыс. человек в год, у мужчин – 2,4 – 2,6 тыс. человек в год¹⁹⁹.

Ситуация в сельской местности с учетом всех демографических и социокультурных изменений складывалась настолько негативная, что позволило характеризовать состояние российской деревни рядом исследователей как «исчезающей»²⁰⁰. В течение 1970-х гг. «исчезновение» красноярской деревни продолжилось, однако темпы сокращения численности сельских жителей снизились. В среднем за 1970 – 1975 годы их стало меньше на 4,5%, а за 1976 – 1980 годы на 9,1%.

Как и в предыдущем десятилетии, основную роль в сокращении числа сельских женщин в крае в 1980-е годы сыграл миграционный отток. При

¹⁹⁷ Демографический ежегодник Красноярского края. 2000 г. Красноярск, 2001. С. 17.

¹⁹⁸ Демографический ежегодник Красноярского края, 1998 г. Красноярск, 1999. С. 17.

¹⁹⁹ Демографический ежегодник Красноярского края, 1998 г. Красноярск, 1999. С. 17.

²⁰⁰ См.: Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-80-е гг. М., 1996; Никитаева Е.Б. Исчезающая деревня (1960-сер.1980-х гг.) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 436-462.

сопоставлении объемов естественного прироста полов можно увидеть, что в течение всего десятилетия естественный прирост женского населения колебался на уровне 2,9 – 3,5 тыс. человек в год и был несколько выше мужского (2,2 – 2,9 тыс. человек в год) (табл. 20)²⁰¹. Следовательно, численность сельчанок столь резко сокращалась из-за большего, по сравнению с мужчинами, отрицательного сальдо миграции.

К сожалению, в архивах данные о механическом движении сельского населения в эти годы представлены без разделения по полу, поэтому реконструировать на их основании направления и масштабы миграционных потоков сельских женщин невозможно. Однако сопоставление результатов переписей 1970 г. и 1979 г. при помощи метода подвижки возрастов показывает, что сокращение численности женщин было столь значительным, что могло стать следствием лишь механического оттока. Возрастная группа сельчанок, которым на момент переписи 1970 г. было 10 – 19 лет к 1979 г. уменьшилась на 37,2%, что не могло являться следствием естественной убыли, поскольку показатели смертности в этих возрастах самые низкие. Число тех, кому в 1970 г. исполнилось 20 – 29 лет, сократилось на 12,4%, 30 – 39-летних – на 13,1%, 40 – 49-летних – на 18,7% (табл. 17). Такие значительные потери были вызваны и смертностью женщин, но в большей степени – их механической убылью.

Миграционный отток сельских женщин не уменьшался, поскольку факторы, способствующие этому, сохраняли свое действие. С началом первой красноярской десятилетки, которая предполагала экстенсивное расширение числа промышленных предприятий, увеличивалась потребность в рабочей силе, которую привлекали с территории всей страны и из сельской местности региона. Это усилило действие факторов, притягивающих население в города, и стимулировало миграционный отток сельских женщин, в основном трудоспособного и репродуктивного возраста.

В 1980-х годах численность красноярских сельчанок стабилизировалась. На момент переписи 1989 г. в красноярских селах проживало 487,2 тыс. женщин.

²⁰¹ Демографический ежегодник Красноярского края, 2000г. Красноярск, 2001. С.33.

Количество сельчанок в целом по краю за 1980-е гг. сократилось на 3,7%, что в абсолютных числах составило 18,6 тысяч человек (табл. 18).

Столь незначительному уменьшению численности сельчанок способствовало сокращение их механического оттока из деревни. Административные преобразования в 1980-е годы в крае не проводились, поэтому он определялся только миграцией. Начавшаяся в 1981 г. вторая красная десятилетка стимулировала дальнейшее расширение промышленного производства в крае. Женщины продолжали покидать сельскую местность, уезжая на учебу и работу. Несмотря на то, что по сравнению с предшествующими годами размеры отрицательного сальдо сократились и колебались от 0,7 тыс. человек до 3,2 тыс. человек, отток сохранялся, в отличие от мужчин, у которых наблюдался миграционный прирост.

Материалы текущего учета численности сельчан, содержащиеся в материалах Крайстатуправления, позволяют наметить две контрольные точки: 1983 г. и 1988 г. Согласно имеющимся данным, период между ними стал особым этапом в изменении численности сельских женщин в крае. За пятилетие она стабилизировалась: прирост женского населения составил лишь 0,2%. В среднем сельское население за то же время увеличилось на 1,6%, именно за счет мужского – 3,0%. Хронологически он совпадает со временем проведения активной социальной политики советского государства, оказавшем существенное воздействие на демографическую сферу. Постановление 1981 г., увеличившее число рождений, и кампания по борьбе с алкоголизмом, резко снизившая показатели смертности, привели к увеличению естественного прироста, в первую очередь мужского населения, что сказалось на росте численности мужчин.

Между тем и на данном этапе решающее значение в стабилизации численности сельчан роль все-таки сыграло уменьшение миграционного оттока, более значительное опять же у мужчин. Сельские женщины продолжали уезжать из деревень, но теперь среди мигранток преобладали очень молодые девушки, которые ехали в города учиться или искать работу. К концу 1980-х годов возможности для приживаемости переселенцев в городах были уже иными: в

условиях снижения темпов экономического роста предприятиям менее требовалась рабочая сила из сельской местности. У переехавших в города все больше возникали проблемы с жильем и материальные трудности.

Стабилизации численности сельских женщин в крае способствовало также увеличение размеров естественного прироста, за счет чего в большей степени покрывались миграционные потери (табл. 18). Стимулированные активной социальной политикой увеличение рождаемости и снижение смертности привели к тому, что в 1980-х гг. размеры естественного прироста в женском населении сел находились на уровне от 3,2 тыс. человек до 4,1 тыс. человек в год²⁰².

Перепись 1989 г. подвела итоги изучаемого периода в изменении демографических характеристик населения красноярской деревни. Село к тому моменту уже лишилось значительной части своего репродуктивного и трудового потенциала. В целом за межпереписной период сокращение численности сельских женщин в крае составило 30,7% (табл. 20). Сокращение численности мужчин на селе было меньшим – 20,2%. Так как естественный прирост у женщин на протяжении всего исследуемого периода оставался положительным и превышал мужской, это подтверждает вывод о том, что основным фактором, определявшим динамику численности сельских жительниц в 1960 – 1980-х годах оставался миграционный отток. Его размеры в течение этого времени были настолько велики, что они перекрывали естественный прирост и способствовали уменьшению численности сельских жителей.

Уменьшение размеров миграционного оттока из сельской местности края во второй половине 1970 – 1980-х годах, как и повсеместно в РСФСР, касалось лишь самых общих, количественных параметров миграции (ее масштабов и интенсивности), а их структурные характеристики (социально-демографический состав и направленность) в целом оставались неизменными. Численность эмигранток в красноярских селах снизилась главным образом из-за сокращения численности сельских женщин вообще.

²⁰² Демографический ежегодник Красноярского края, 2000. Красноярск, 2001. С. 33.

Глава 2. Социокультурные характеристики сельских женщин

Социокультурные характеристики женского населения красноярских сел представляют собой важный элемент реконструкции его исторического прошлого. Поскольку красноярские сельчанки являлись не только демографической, но и социальной группой, изучение всего многообразия особенностей их жизни становится неотъемлемой частью решения этой научной задачи.

Наиболее важные условия существования, с которыми сельчанки сталкивались в поле обыденности: условия труда и быта, в которых проходили их будни, способы проведения досуга, праздники и другие аспекты материальной культуры и вещного мира, а также те составляющие духовного бытия, которые включали в себя взгляды на жизнь, интерпретацию событий и явлений, восприятие социальной реальности и отношение к ней, являвшиеся наиболее типичными для этой социальной группы, общими для ее представительниц.

2.1 Качество жизни женщин в сельской местности

Изучение материально-бытовых форм сельской повседневности представляется одним из важнейших условий реконструкции исторической обыденности. Различные аспекты того, что ежедневно окружало сельчанок, отличало их жизнь от жизни других социальных групп и делало ее особенной, является в этом случае необходимым условием познания. Нашей рабочей гипотезой является представление о том, что материально-бытовые условия жизни *сельских женщин* отличали обусловленные общим направлением экономического развития и климатическими особенностями красноярского села условия труда и быта, качество медицинского обслуживания, в том числе и в области акушерства и гинекологии, сфера досуга и общественной деятельности, специфичные для женщин на селе.

Экономическое развитие красноярского села в исследуемый период осуществлялось в направлении, предусмотренном государственным планированием. С 1954 г. Сибирь становится одним из центров целинной эпопеи.

Освоение целины привело к значительному подъему сельского хозяйства в Красноярском крае во второй половине 1950-х годов. Целинные земли осваивались преимущественно в южных районах края, где было создано 8 новых крупных совхозов. Для освоения целины государством выделялась новая техника, в эти районы направлялись квалифицированные кадры из разных регионов страны. В Красноярском крае было освоено около 2 миллионов гектаров целинных и залежных земель, валовой сбор зерна увеличился в 1,6 раза. Именно за освоение целины Красноярский край в 1956 г. получил свой первый орден Ленина.

Вторая половина 1950-х гг. отмечена значительным подъемом сельского хозяйства. В Красноярском крае активно развивались села, поселки и деревни. Среди них поселки Бородино, Маклаково, Тура, Абаза, Назарово, Ново-Енисейск, «Борец» Ширинского района, а также села Шушенское, Талое, Успенка Рыбинского района, Большая степь Дзержинского р-на, Кавказское и Городок Минусинского р-на, Мокрушенское Казачинского р-на, Соколовка, Бартат Большемуртинского района.

По воспоминаниям современников, жизнь на селе стала налаживаться именно в этот период: завершилось послевоенное восстановление народного хозяйства и исчез голод. Девиз этих лет мы находим у красноярского поэта А.Ф. Карнаухова: «Двенадцать лет не слышно пушек, Двенадцать лет, как нет войны, Мы жить, конечно, стали лучше: Не сыты, но не голодны»²⁰³. Исследуемый период в сельской местности края стал временем масштабных процессов, проводившихся в области экономики и приводивших к значительным переменам в социальной жизни.

Логика экономического развития страны предусматривала дальнейшее промышленное развитие села, в том числе в Красноярском крае. Внеочередной XXI съезд КПСС (январь — февраль 1959 г.) утвердил контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 годы. В них планировался

²⁰³ Карнаухов А. Ф. Село твое уйдет на дно морское / Книга о кежмарях, жителях Кежемского района. Красноярск, 2009. С. 42.

значительный рост производства лесной и деревообрабатывающей промышленности: заготовки леса по стране в целом планировалось увеличить в 1965 г. на 17%, деревообработку – на 38%, в том числе во многих районах Восточной Сибири – на 80%. В Красноярском крае проектом плана на 1965 г. предусматривался рост лесозаготовок и деревообработки почти в два раза²⁰⁴. Кроме того, край продолжал сохранять за собой роль одного из ведущих производителей продукции сельского хозяйства. Увеличение объемов промышленности целью удовлетворить растущие потребности страны в продовольствии и сырье. Традиционный крестьянский экономический уклад, основанный на преимущественном производстве сельскохозяйственной продукции в красноярской деревне начинал постепенно уступать место смешанному.

В результате 1960-е годы в крае стали временем активного экономического освоения в рамках комплексного развития промышленности. В регионе вводились в действие промышленные узлы – Красноярский, Нижне-Ангарский, Норильский, Абакано-Минусинский, строились новые предприятия. Активная индустриализация сопровождалась урбанизацией всех сторон жизни, одной из составляющих которой являлось не только резкое сокращение численности сельских жителей, но и значительные перемены в их образе жизни.

Значительный вклад в этот процесс оказала ликвидация неперспективных деревень, особенно активно проходившая в эти годы. Согласно данным в исследовании Л. Л. Святышевой, за период с 1960 по 1972 гг. в Красноярском крае исчезло 1848 поселений, что составило 65,5% от общего числа прекративших свое существование либо переведенных в разряд городских сельских населенных пунктов за все тридцатилетие²⁰⁵. Этот фактор многими историками признается в качестве одной из главных причин резкого сокращения числа сельских жителей и

²⁰⁴ ГАКК. П-26. Оп. 32. Д. 10. Л. 45.

²⁰⁵ Святышева Л.Л. Некоторые особенности формирования перспективной системы расселения (на примере Красноярского края). Новосибирск, 1976. С. 64.

разрушения привычных форм крестьянской жизни²⁰⁶, чему мы находим подтверждение в ходе данного исследования.

В последующие 1971-1990 годы край продолжал оставаться в числе регионов, на территории которых проходили апробацию масштабные экономические проекты. 1 февраля 1971 года ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято постановление № 65 «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 годах производительных сил Красноярского края», представлявшее программу развития края на десятилетие. Разработанная программа комплексного освоения природных ресурсов Красноярского края стала первой целевой программой по комплексному социально-экономическому развитию крупнейшего региона Сибири и получила название «красноярская десятилетка». Индустриализация и урбанизация сельской местности усилились.

В 1970-е годы в крае сформировалось сочетание отраслевого и территориального принципа планирования и управления агропромышленным комплексом. Каждый район и каждое хозяйство получали плановые объемы продажи, а сверхплановую продажу государство поощряло путем повышения закупочных цен. В эти годы были разработаны и осуществлены меры по интенсификации сельскохозяйственного производства на основе внедрения комплексной механизации и электрификации, промышленной технологии содержания скота и птицы, новой техники и передовых приемов возделывания и уборки сельскохозяйственных культур.

К 1980 г. Красноярский край стал важнейшим сельскохозяйственным районом Восточной Сибири, специализирующемся на производстве зерна, мяса, молока. Так, за это время было построено 13 крупных животноводческих комплексов на 14 тысяч коров, комплекс по выращиванию 10 тысяч голов молодняка крупного рогатого скота и ряд других объектов²⁰⁷.

²⁰⁶ См.: Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-1980-е гг. М., 1996; Попов В. П. «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е - начале 60-х гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 1; Карпунина И. Б. Последствия ликвидации «неперспективных» деревень в Западной Сибири (1960 – 1980-е гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2005; Мазур Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х - 1980-е гг.) // Отечественная история. 2005. № 3; Никитаева Е.Б. Исчезающая деревня // Судьбы российского крестьянства. М. 1995.

²⁰⁷ Рязанова Р. Маршрутами свершений // Красноярский взлет, 1971 – 1990. Красноярск, 1994. С. 106.

Принятие программы второй «десятилетки» в 1981 г. определило дальнейшее развитие экономики края по пути форсированной индустриализации. К середине 1980-х годов в крае сформировался агропромышленный комплекс, который представлял собой совокупность отраслей, обеспечивающих производство, заготовку, хранение, переработку и доставку продуктов питания и сельскохозяйственного сырья потребителям. На начало 1990 г. агропромышленный комплекс края включал 450 колхозов и совхозов, 12 опытно-показательных хозяйств, 312 подсобных сельских хозяйств промышленных предприятий.

Экономическому развитию сельской местности края способствовало увеличение объемов государственных капитальных вложений и собственных средств колхозов, затраченных на строительство и реконструкцию объектов производственного назначения. Объемы капитальных вложений за 1986 – 1990 гг. возросли против уровня 1971 – 1975 гг. в 2,3 раза, за 1981 – 1990 гг. против уровня 1971 – 1980 гг. – в 1,6 раза²⁰⁸.

В сельском хозяйстве основные усилия в 1971 – 1990 гг. были направлены на увеличение объемов производства и заготовок продукции животноводства. Объемы выращивания скота и птицы (в живой массе) возросли за этот период на 30,1%, производство молока – на 22,5%, яиц – в 1,9 раза, шерсти – на 8,7%. Объемы производства овощей за 1971-1990 были больше уровня 1971-75 гг. в 1,3 раза, зерна – оставались на том же уровне, а картофеля – сократились на 18,2 %²⁰⁹.

За эти годы было введено в действие 45,1 тысячи га орошаемых земель, помещений для крупного рогатого скота на 930, 4 тысяч мест, для свиней – на 615,6 тысячи мест. Это позволило все поголовье перевести в типовые сооружения. К середине 1980-х годов уровень механизации возделывания картофеля достиг 86,2 %, овощей – 56,7%, трудоемких процессов в молочном скотоводстве – 85, свиноводстве – 91, птицеводстве – 83, овцеводстве – 40%²¹⁰.

²⁰⁸ Макаров Н. Сибирское поле // Красноярский взлет, 1971 – 1990. Красноярск, 1994. С. 315.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же.

Несмотря на все успехи, в условиях дефицита рабочей силы по-прежнему сохранялся большой удельный вес тяжелых и ручных работ. Не справлялся с необходимыми объемами перевозок железнодорожный транспорт, низким был удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием. Отсутствовали мостовые переходы на некоторых сибирских реках. Развитие животноводства сдерживала слабая кормовая база, не хватало минеральных удобрений, высокопроизводительной техники, особенно для кормопроизводства²¹¹. Таковы были общие ход и итоги развития экономики в селах края.

На фоне этих условий повседневность сельских женщин, проживавших в крае в эти годы, определяла государственная политика, направленная на строительство «нового социалистического села». Урбанизация, выражавшаяся в курсе на «сближение сельского и городского образа жизни», в реальности представляла собой переделывание деревни под город. Как и в целом в стране, проведение преобразований в сельской местности края включало в себя укрупнение колхозов и создание на их базе «аггородов». В первую очередь это изменило жизненное пространство сельских жителей.

Традиционная стихийная застройка, подчиненная природным особенностям ландшафта и ориентированная на потребности традиционного крестьянского хозяйства, считалась пережитком. Начатые в рамках целинной эпопеи строительство и реконструкция поселков первоначально шли по принципу преобладания мелких кварталов с периметральным расположением и неблагоприятной ориентацией жилых зданий. С 1962 г. реконструкция и строительство сел осуществлялись с использованием приемов свободной планировки. Она характеризовалась расположением зданий композициями с применением смешанной застройки. Считалось, что при таком типе застройки сохраняется органическая связь с внешней средой и создается возможность функционального зонирования пространства с целью удобного расположения зданий общественного назначения.

²¹¹ Рязанова Р. Маршрутами свершений // Красноярский взлет, 1971 – 1990. Красноярск, 1994. С. 109.

Со временем в сельском строительстве стала намечаться тенденция перехода от сооружения отдельных общественных зданий к комплексной застройке административных, торговых и больничных центров, состоящих из ряда кооперированных объектов и представляющих собой единый архитектурный ансамбль. Важно, что индустриализация строительного производства способствовала ускорению темпов возведения сельских производственных, жилых и общественных зданий²¹².

В сельской местности края появлялись новые типы населенных пунктов, отличающихся по своей планировке и инфраструктуре от традиционных деревень. Наиболее живописные места отводились под строительство жилых комплексов и зон отдыха. Происходит «внешнее» преобразование сельских поселений в соответствии с новыми стандартами жизни, приближенными к городским эталонам. Традиционная деревня с усадебной застройкой постепенно уступала место новой: с регулярной планировкой, возведением многоквартирных домов. Характерной особенностью такой новой деревни становилось четкое деление ее на жилую, производственную и общественную зоны.

В конечном счете изменился не только архитектурный облик сельских поселений, но и само представление о деревне. Если в рамках традиционного общества она функционировала как особый хозяйственный комплекс, то в новых условиях деревня стала фактически только поселением, имеющее административную границу и охватывающую земли, занятые застройкой с приусадебным фондом. Производственная зона, где сельская женщина проводила свое рабочее время, переместилась из непосредственной близости к дому порой на внушительное расстояние. Сельский уклад с его неторопливым размеренным течением времени оказался подчиненным строгому распорядку.

В рамках этих преобразований обеспечивалось возрастание объемов строительства и ввода в действие на селе жилья, школ, клубов, домов культуры и других объектов соцкультбыта. Было введено в действие жилых домов общей

²¹² Киселева О.В. Предпосылки развития градостроительства в Красноярском крае во второй половине XX века (по материалам периодической печати) Режим доступа: http://elib.sfukras.ru/bitstream/handle/2311/4506/72_11.pdf?sequence=1 (дата обращения: 15.09.2018 г.)

площадью 6925,2 тысячи квадратных метров, в том числе в 1986 – 1990 гг. – 2051,7 тыс. квадратных метров. Шло плановое переселение семей из отдаленных деревень в большие села, в которых создавалась социальная инфраструктура.

Последствия такого положения дел достаточно подробно описаны в исторической литературе²¹³. Государственное регулирование поселенческой структуры и в целом социально-экономического развития села оказалось неэффективным. Еще в 1965 г. в стенограммах партийных архивов мы находим свидетельства: «В городе построены хорошие дворцы культуры, клубы, кинотеатры, средние школы, хорошее медицинское обслуживание, телевидение, хорошие магазины. Во многих же селах нет кинотеатров и имеются только начальные школы. Чтобы укрепить совхозы кадрами, мы считаем, на каждое отделение совхоза надо иметь восьмилетнюю школу, хороший клуб, больницу и улучшить снабжение села продуктами питания... А у нас совсем не начали переносить из зоны затопления ферму Тесь, и люди, видя это, разъезжаются. По этой причине из 800 человек, которые были ранее на ферме, осталось 160 человек»²¹⁴.

К концу 1970-х годов процессы наиболее интенсивной социальной трансформации, вызванные и ускоренные индустриализацией региона, в основном завершились. К этому времени был достигнут определенный уровень развития экономики и социальной сферы региона: в основном сформировалась новая, индустриальная поселенческая структура, уменьшилась интенсивность перевода колхозов в совхозы, доля сельского населения составила 28% и уже практически не изменилась до конца советского периода.

К окончанию советского периода предпринятые меры в сельской местности края привели не к появлению «агрогородов» с развитой инфраструктурой, а к разрушению еще сохранявшихся до этого времени относительно устойчивых

²¹³ Русинов И. В. «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине // Вопросы истории КПСС. 1990. №8. С. 50–63; Григорьева А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения в 1953–1964 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.

²¹⁴ ГАКК. Ф. П-26. ОП. 36. Д. 10., ЛЛ. 96–97.

форм прежнего жизненного уклада. Сельская повседневность значительно изменилась на глазах одного поколения.

Несмотря на значительный валовый прирост показателей экономического развития, жизнь сельчанки в 1960 – 1980-е годы не становилась легче. В сельской среде сохранялись патриархальные устои, согласно которым обязанности четко разделялись на «женские» и «мужские». В ходе активной индустриализации и массового привлечения в экономику края трудовых ресурсов к «женским» крестьянским обязанностям добавилась и прочно закрепились еще одна – занятость в общественном производстве.

Исторически сложилось так, что негативные черты развития аграрной подсистемы советского общества в большей степени отражались на женщинах. В сельской местности им предоставлялся очень ограниченный выбор специальностей, в основном в сельском хозяйстве, где преобладал ручной труд. Дополнительные трудности создавал крайне неблагоустроенный быт, обустройство которого считалось традиционной обязанностью женщин. В условиях сельской местности это было очень трудоемким занятием, практически не оставлявшим свободного времени и сил. В индустриальной структуре сел края резко преобладала тяжелая промышленность и добывающие отрасли над перерабатывающими, практически неразвитой была сфера услуг, что делало условия труда и быта еще более сложными, чем в целом по стране.

В научной литературе проблеме «двойного» рабочего дня женщины (на производстве и в быту) уделялось достаточно внимания, что отмечалось в историографическом обзоре. В 1959 г. на материалах Красноярского края было проведено обследование бюджета времени женщин, результаты которого, наряду с некоторыми другими, приведены в работе И. А. Курганова «Женщины и коммунизм». На их основании автор делает вывод: «И если мужчина имеет, примерно, 8 часов работы, 8 часов свободного времени и 8 часов сна, то женщина имеет 14-16 часов работы и 6-8 часов сна»²¹⁵. В условиях села «двойной» рабочий

²¹⁵ Курганов А.И. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968 г. Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/kurganr-1.htm> (дата обращения: 26.08.2006 г.)

день женщины превращался в «тройной» (на производстве, в домашнем и в подсобном хозяйстве). Это предположение подтверждается воспоминаниями сельчанок.

Проведенный в 1989 г. ВЦИОМ опрос по теме «Женщина в семье» показал, что «в большинстве семей по-прежнему сохраняется традиционное распределение домашних обязанностей между членами семьи: основную работу по дому и воспитанию детей выполняют преимущественно женщины»²¹⁶.

Особенно ярко особенности повседневной жизни на селе заметны в описании отличий от быта горожанок. Сельские жительницы были уверены в том, что жизнь женщины в городе в исследуемый период была значительно легче, интереснее и разнообразнее. Логичным продолжением следовал ответ на вопрос, почему женщины переезжали в города: «потому что в деревне работать надо, печку топить, огород садить, а в городе все готово»²¹⁷, «больше возможностей для воспитания и развития детей»²¹⁸, «потому что хотели спокойной жизни, ведь в деревне некогда было даже отдохнуть»²¹⁹ и др. Поскольку указанные ответы являлись в большей степени предположениями, не проверенными самими респондентками на практике, для нашего исследования они интересны в первую очередь с точки зрения представлений сельских женщин о недостатках их собственного быта.

Труд в хозяйстве был рутинный и исключительно ручной. Село только к началу исследуемого периода начинало постепенный переход к электрификации жилых домов на постоянной основе. Первоначально источниками электрической энергии были бензо- и дизельгенераторы, которые работали только в определенные часы. При всем при том и начавшаяся электрификация не во всем облегчила труд женщины в хозяйстве. Пелагея Степановна Дубовицкая, проживавшая в деревне Ольховка Ачинского района вспоминала, что «в сельской местности женщины вставали рано утром и шли на ферму работать, а кроме того

²¹⁶ ГАКК. Ф. П-971, Оп. 1, Д. 16, Л. 20.

²¹⁷ Полевые материалы автора: Пряткина И. А., с. Бея Бейского района Республики Хакасия, 2017 г.

²¹⁸ Полевые материалы автора: Марженакова Л. Ф., с. Городок Минусинского района Красноярского края, 2017 г.

²¹⁹ Полевые материалы автора: Приз В. О., с. Вершино-Рыбное Партизанского района Красноярского края, 2017 г.

вели еще домашнее хозяйство в основном и за мужчину, и за женщину: успевали готовить еду, обрабатывать большие огороды»²²⁰.

Писатель-деревенщик В. Г. Распутин в рассказе «Василий и Василиса» подчеркивает дихотомию мужского и женского, рисуя отличия женского и мужского повседневного пробуждения. «Она делает тысячу дел и ставит самовар... Василий поднимается не рано: рано ему вставать незачем»²²¹. Непрестижность женского труда проявляется в прямой речи героя: «Надоело мне самого себя обстирывать, самому себе кашу варить. Живу, как арестант. Хозяйка нужна – вот какое дело»²²².

Не менее важным направлением изменения повседневности российского села, оказывавшим значительное воздействие на жизнь красноярских сельчанок, стала трансформация функций крестьянского двора. Традиционно крестьянский двор являлся основной ячейкой деревенского общества, в котором сосредоточивалась семейная и хозяйственная жизнь сельчанок. Между тем по мере вовлечения сельских женщин в общественное производство и сокращения доли доходов от подворья в общей структуре доходов семьи, функции двора менялись. Лишение крестьянского подворья ведущей экономической функции коренным образом изменяло социальный и социокультурный облик села. Крестьяне становились «рабочими с огородом», что означало уход в прошлое традиционной ментальности. Мы должны согласиться с мнением М. А. Безнина, который называет эти перемены важными условиями изменений в социально-демографическом развитии сельских жителей²²³, что было обусловлено, на наш взгляд, именно трансформацией привычного образа жизни сельчанок.

В 1960-е годы абсолютное большинство сельских женщин проживало в одноэтажных неблагоустроенных домах. Такие дома традиционно не имели водоснабжения и канализации, даже сезонными, на теплый период года, и отапливались печами. Рядом с домами находились приусадебные постройки, в

²²⁰ Полевые материалы автора: Дубовицкая П. С., д. Ольховка Ачинского района Красноярского края, 2017 г.

²²¹ Распутин В. Г. Василий и Василиса // Повести и рассказы. М., 1984. С. 652.

²²² Там же. С. 653.

²²³ Безнин М. А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье, 1950 –1965. М., 1991. С. 21.

которых содержали скот и хозяйственный инвентарь. Дома были очень простыми по планировке, чаще всего располагались на первой линии улицы, а не за забором и были отгорожены от обочины палисадниками – небольшими участками земли за невысоким забором, где росли деревья и кустарники, а также садили цветы (Приложение 1).

Наиболее типичным в течение всего исследуемого периода в красноярских селах становился дом одно- и двухквартирные жилые дома с приусадебными индивидуальными участками и вспомогательными хозяйственными постройками (Приложение 2). Внутри помещение делилось на хозяйственную и жилую зону, общей для них была русская печь, которая отапливала все помещение и обычно располагалась в центре дома. В хозяйственной зоне обычно готовили и принимали пищу, в жилой проходили обычная жизнь сельской семьи. Стирала белье обычно в бане или на реке, а сушили на улице на растянутых веревках.

По данным Западной Сибири, даже к концу 1980-х годов более четверти квартир на селе имели в качестве основных элементов благоустройства электричество и газ, реже – электричество и водопровод, 27% оснащены только электричеством²²⁴. В красноярских селах число газифицированных квартир постоянно увеличивалось. Наиболее быстрыми темпами – в годы первой десятилетки: с 30,4 тыс. в 1970 г. до 184,6 тыс. в 1980 г., к 1989 г. было газифицировано 230,0 тыс. сельских квартир²²⁵. Электрификация сельской местности, активно производившаяся в ходе индустриализации края, касалась в основном предприятий: на непроизводственные нужды в 1960 г. затрачивалось 40,3% потребляемой электроэнергии в колхозах и 32,1% – в совхозах²²⁶. Как следует из доклада секретаря партийной организации колхоза им. Крупской Назаровского района: «за период с XX по XXI съезда вошло в строй много электростанций, у нас в районе почти везде электросвет. А у нас нет. Нет кино, даже аппаратуру увезли, нет клуба. Ну как нам жить в Большом Сереже, куда

²²⁴ Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С. 124.

²²⁵ Народное хозяйство Красноярского края, 1989 г. Красноярск, 1990. С. 92.

²²⁶ Рассчитано по: Народное хозяйство Красноярского края, 1985 г. Красноярск, 1986. С. 24–25.

идти нашей молодежи?»²²⁷. Похожие ситуации были и в восточной части региона: «Очень мало заботятся об электрификации правления колхозов им. Крупской, «Ленинский путь», «Советская Сибирь», «Таежный хлебороб». Линия испытана под напряжением, а вот в этих сельхозартелях по-прежнему гудят маломощные движки. Ни доброго света, ни настоящей работы на токах, фермах и в мастерских. Некоторые населенные пункты до сих пор пользуются лишь керосиновой лампой»²²⁸. По мере дальнейшей индустриализации отставание непроизводственной сферы сельскохозяйственных предприятий в потреблении увеличивалось: в 1980 г. на нее затрачивалось 9,4% в колхозах и 10,5% в совхозах²²⁹. Этого очевидно не хватало, чтобы удовлетворить элементарные потребности сельских жителей в комфорте. Прямым следствием этого являлось отсутствие большинства возможностей проведения досуга, ставших обыденными в жизни горожан: телевидения, радио, невозможно было использовать сложную бытовую технику.

При все при том, по свидетельствам современников, именно 1960-е годы стали временем, когда был совершен значительный сдвиг в сельском быту. В первую очередь, это было связано с электрификацией села. Деревня прошла небыстрый, по современным представлениям, путь от стационарных дизельных генераторов, снабжавших дома сельчан по часам, до подключения к центральным линиям электроснабжения. В ходе него постоянно увеличивалось продолжительность времени, на которое электричество «приходило» в дома. Первоначально главной его функцией было освещение жилого пространства, позже, когда электричество перестали отключать на ночь, сельские жители получили возможность приобретать и использовать бытовые приборы.

Ориентация на благоустройство сельского жилищного фонда за счет подключения к центральным системам коммуникаций считалась экономически неоправданной, поэтому проблема отопления жилищ в суровых условиях сибирской зимы, когда температура нередко опускалась до -50°C , решалась

²²⁷ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 210. Л. 9.

²²⁸ «Красное знамя». 1966 г. 15 ноября. С. 2.

²²⁹ Рассчитано по: Народное хозяйство Красноярского края, 1985 г. Красноярск, 1986. С. 24–25.

сельчанами самостоятельно. Но, несомненно, в еще более сложном положении оказывались жители немногочисленных сельских благоустроенных домов. Исполнение сельских инженерных сетей, как правило, было низкого качества: они строились неспециалистами в условиях дефицита стройматериалов, квалифицированных ремонтников не хватало, поэтому проживали такие сельчане в домах с «рискованным» отоплением.

Другой важной проблемой организации было водоснабжение. Поскольку водопровод вплоть до конца 1980-х годов в деревне был огромной редкостью, необходимость носить воду из колодца или реки несколько раз в день, особенно в банные дни, представляла собой одно из главных занятий. Очень часто оно становилось мужской обязанностью, как мы видим в рассказе В. М. Шукшина «Алеша Бесконвойный»²³⁰, однако если женщина самостоятельно вела хозяйство, эта забота целиком ложилась на ее плечи. Если белье стирали в бане, тогда необходимость в воде возрастала. Однако чаще всего стирка и полоскание белья происходила в реке, в том числе зимой, где для этого специально прорубали полыньи.

В газете «Красное знамя» за 10 октября 1989 г. содержится отчет о ситуации в деревне Бирюса Почетского сельсовета, откуда в феврале 1988 г. в редакцию пришло письмо. Авторы письма жаловались на отсутствие колодца в одной из частей поселка: «Зимой нам приходится ходить на Бирюсу, долбить лед и носить оттуда воду. Весной же река засорена, мутная, использовать воду нельзя»²³¹. Как отмечается в статье, после публикации письма в деревне был построен колодец, однако сделано это было с нарушениями, в результате колодец заилился, а жители поселка на пороге третьего тысячелетия продолжили ходить за водой на реку.

В красноярской деревне этого периода сохранялись частные дома, построенные силами самих сельских жителей, однако в этот период деревня прирастала в основном постройками, сделанными за счет предприятий. Совхозы строили дома для своих работников максимально простыми по планировке, с

²³⁰ Шукшин В. М. Алеша Бесконвойный // Повести и рассказы. Алма-Ата, 1985. С. 376 – 389.

²³¹ «Красное знамя». 1989 г. 10 октября. С. 4.

небольшими комнатами: здесь стремление к минимализму и экономии пространства и ресурсов, характерное для советских жилищ того времени проявило себя в полной мере. Украшать такие постройки было не принято. Резные наличники и другие элементы убранства на фотографиях появляются нечасто, являются скорее исключением, как например, на фотоснимках деревенской свадьбы (Приложение 3), которая запечатлена на фоне большого здания, являвшего клубом или конторой.

Обстановка в сельских домах была обычно простая и довольно однообразная, мебель в основном самодельная, исключая кровати, которые в основном были на железном основании с панцирной сеткой. При этом нужно отметить, что 1960-е годы, принесшие с собой революцию в сфере быта в городах, оказывали влияние и на сельскую обстановку в домах. По мере повышения уровня жизни в деревнях стали появляться современная мебель, предметы бытовой роскоши: ковры, хрустальная и фарфоровая посуда, радиоприемники и телевизоры (Приложение 4). Сложная бытовая техника появлялась по мере того, как в села приходила электрификация.

Интересным с антропологической точки зрения является такой элемент обстановки как настенные коллажи из семейных фотографий в деревянных рамках под стеклом. Как правило, они были во всех сельских домах и либо заменяли, либо дополняли семейные фотоальбомы. Возможно, это наглядный пример трансформации традиции выставлять в «красный» угол иконы и изображения святых. Поскольку одним из направлений культурной политики советского государства являлось последовательное вытеснение из мировоззрения граждан религиозных взглядов, фотоколлажи являлись результатом изменения традиций.

К порядку в доме относились чаще всего строго. В основном, за него отвечали подросшие дети, поскольку матери были чрезвычайно загружены работой. Однако чистота и декоративные элементы убранства: кружевные салфетки, накидки на кровати, шторы на окнах и межкомнатных дверных проемах олицетворяли хозяйственность женщины, и за этим они следили. Изучаемый

период характеризуется как время накопления предметов потребления и закрепления психологической установки на бытовой комфорт.

Крайняя бедность и нужда постепенно покидала красноярскую деревню. Однако рост благосостояния и некоторое насыщение товарами повседневного спроса не избавил женщин от подсознательной тревоги за свое будущее. Морально жительницы села не были готовы расставаться даже с откровенно ненужными вещами, для их хранения использовались чердаки домов и бань, сараи, иногда они просто складировались под «навесами» - сооружениями из трех стен и крыши с самым широким спектром назначений. «Этот хлам, который, наверное, никогда и не пригодился бы и который хранили только по грустной военных лет привычке – на всякий случай, а вдруг – нужда»²³², как описал это современник. В деревнях практически не было видно мусора: бытовые отходы легко утилизировались, в основном все, что было возможно, использовали повторно. Большие консервные банки и дырявые кастрюли использовались вместо цветочных горшков, заношенная одежда шла на ветошь, пищевые отходы – на корм скоту. В усадьбе много места отводилось под хранение инвентаря, хозяйственных принадлежностей и личных вещей. Тяготы социальной истории, которые в полной мере пережило село, определили сверхценность вещей, и даже в определенном смысле, приоритет материального над духовным. «Частнособственнические интересы», с которыми боролось советское государство на заре своей истории, в сознании красноярских сельчанок занимали одно из важнейших мест.

Необходимо отметить, что урбанизация сельского быта к концу 1980-х годов проявлялась во многих вещах: наличии личных автомобилей, обстановки деревенских домов, практически не отличавшуюся от обустройства городских квартир. А. Астраханцев в повести «Свое» описывает эту разницу между старой и новой деревней глазами горожанина, приехавшего в гости к брату в деревню: «Дом этот – не низкая темная изба каких-то там дедовских времен с лавками по стенам и огромной – в полизбы, всегда теплой печкой, а есть большой,

²³² Корытковская А. Братья // Было такое лето. Красноярск, 1975. С. 6.

просторный, как и у Семена, дом. И «венские» скрипучие стулья вместо лавки и городской полированный сервант с зеркальными стенками внутри, с чайным золоченым сервизом и хрустальными вазочками и бокалами, из которых никто никогда не пьет, и такой же диван и телевизор на тумбочке, даже книжный шкаф с дюжиной книг и безделушками»²³³. Этот сюжет говорит нам о том, что сельчанки и горожанки могли жить в одинаковых условиях.

Трудности в бытовой сфере создавались еще и вследствие товарного голода. Источники говорят о том, что женщины не могли купить в магазинах порой необходимых в хозяйстве вещей. В 1959 г. председатель Крайпотребсоюза и заведующий отделом администрации и торгово-финансовых органов крайкома КПСС констатировал нехватку «таких товаров: трикотажного белья (особенно мужских маек), женского и детского, хлопчатобумажных тканей, ваты, тюли черной для сеток от мошки и комаров, женских плюшевых жакеток, детской одежды летней, рабочих хлопчатобумажных костюмов, ремонтно-хозяйственных товаров»²³⁴. Аскетизм советского быта на красноярских сельчанок распространялся в полной мере.

Государство стремилось создавать условия для быстрого развития сельского хозяйства, которому отводилась роль производителя продовольствия и сырья. Для стимулирования производительности труда расширялся выпуск товаров народного потребления. Крайметпром производил детские коляски, стиральные машины, нескольких видов детских игрушек, Крайпромпродтовар – вафли, вафельные торты, московские пироги и ватрушки с повидлом, мармелад, винный уксус, горчицу в расфасовке²³⁵. Однако источники показывают, что снабжение сельского населения товарами бытового назначения оставалось неудовлетворительным, и сказывалось это в первую очередь на тех, кто отвечал за домашнее хозяйство, то есть на женщинах.

²³³ Астраханцев А. Свое // Антимужчина: роман, рассказы, повесть. М., 1989. С. 420.

²³⁴ ГАКК. Ф. П-26, Оп. 32, д. 387. Л.42.

²³⁵ Погребняк А. И. Основные тенденции в развитии торговли Сибири (1946-1985 гг.) // Наука, образование в системе культуры: Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы, Красноярск, 2006. С. 126.

Типичный для всего советского населения дефицит товаров в сельской местности края вдобавок имел свою региональную специфику. В районах Крайнего Севера повседневная жизнь ужесточалась неблагоприятными, порой экстремальными климатическими условиями. Несмотря на то, что товарное обеспечение этих районов считалось приоритетным и реализовывалось в рамках северного завоза, краевой исполком рапортовал в 1963 г. об острой нехватке там товаров. «Мы не говорим уже о дефицитных товарах, в частности о стиральных машинах, холодильниках, пылесосах, о ковровых и трикотажных изделиях. Все эти товары были распроданы в период завоза, причем в магазины они не поступали... Но еще хуже сложилось положение в округе с продовольственными товарами... В Таймырском округе, где молочных продуктов производится недостаточно, отсутствие в торговле консервированного молока ощущается особенно остро... не были обеспечены овощами, картофелем, особенно луком... организации потребительской кооперации не торговали рисом и гречневой крупой, уже в первом квартале была распродана манная крупа... вполне естественны жалобы трудящихся на то, что им нечем кормить детей»²³⁶. Наряду с этим в магазины Таймырского национального округа «было завезено примерно на 4-5 лет кирзовых сапог, валенки, в которых нуждались почти все райпотребсоюзы Красноярского края»²³⁷.

Государственный инспектор по торговле по Хакасской автономной области товарищ Демин на заседании Пленума Хакасского областного комитета КПСС заявлял: «У нас очень много товаров, которыми мы торгуем с перебоями и совершенно отсутствуют многие товары, такие как мясорубки, электрические утюги, простые утюги. Нет в продаже мебели – отсутствуют столы простые, шкафы, шифоньеры, стулья, табуреты, столы круглые, диваны, оттоманки»²³⁸.

В 1968 г. «в ряде магазинов Ивановской, Кучеровской, Тянской и др. сельпо нет в продаже товаров первой необходимости: спичек, папирос, соли, масла, макарон, скобяных изделий, строительных материалов и др. не обеспечивает

²³⁶ ГАКК. Ф. 6652. Оп. 1, Д.2. Л. 89.

²³⁷ Там же.

²³⁸ ГАКК. Ф. П-26, Оп. 32, Д. 231, Л. 184.

торговля сельское население детской одеждой, костюмами, шапками, рукавицами, валяной обувью и другими товарами»²³⁹.

Товарный голод определял жизнь сельских женщин и в 1980-е годы. В 1985 г. в районной газете Абанского района писали: «Если говорить о торговом обслуживании деревенских жителей, то здесь есть свои трудности. Со слов Анны Николаевны Симашковой, с крупами, макаронными изделиями просто беда»²⁴⁰. В 1988 г. Президиум Красноярского комитета совета женщин заявлял, что «спрос женщин на многие бытовые услуги не удовлетворяется... уровень бытового обслуживания женщин, проживающих в сельской местности, значительно отстает от городского уровня»²⁴¹.

В сравнении с рациональными нормами питания сибиряки потребляли вдвое меньше мяса, молока, сахара. Значительная часть товаров народного потребления оставалась дефицитной. Ввиду низкой технической оснащенности и неуклонного сокращения населения привлекали к уборке горожан, но это приводило к потере до 25% урожая. Ситуация улучшалась с годами незначительно. «Если в 1970 г. среднестатистический житель нашего края потреблял 174 кг. картофеля (в СССР – 130 кг), то в 1980 г. – 159 кг.»²⁴².

Вовлечение женщин в сферу общественного производства в сельской местности обусловило наличие претензий и к условиям труда на производстве, где, по свидетельствам самих женщин, им приходилось проводить значительную часть времени. 10 января 1961 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято Постановление «О мерах по дальнейшему укреплению экономики и финансового состояния колхозов», согласно которому колхозам предоставлялись льготы по подоходному налогу, снижались цены на запчасти и сельхозмашины. Однако численность самих колхозов резко сокращалась. Если в предвоенном 1940 г. в крае насчитывалось 2335 колхозов, то в 1965 г. их осталось лишь 324, а в 1970 г. – 210²⁴³.

²³⁹ ГАКК Ф. П-26, Оп. 39, Д. 85. Л. 33.

²⁴⁰ «Красное знамя». 1985 г. 23 марта. С.3.

²⁴¹ ГАКК. Ф. П-971, Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

²⁴² Рязанова Р. Маршрутами свершений // Красноярский взлет, 1971 – 1990., Красноярск, 1994. С.108.

²⁴³ Народное хозяйство Красноярского края, 1985 г. Красноярск, 1986. С. 78.

Процесс огосударствления колхозов – перевод слабых и нерентабельных колхозов в совхозы – являлся, по сути, поддержкой аграрного сектора. Переходившие из статуса колхозников на положение рабочих совхозов жители села получали стабильную заработную плату, в ряде случаев это ускоряло получение паспортов. В крае число совхозов увеличилось с 75 в 1940 г. до 162 в 1965 г. и 220 в 1970 г.²⁴⁴. Однако исследователями отмечается, что такая практика стала фактически очередным этапом раскрестьянивания деревни. Происходившая трансформация сельской поселенческой структуры, а также внутрипоселенческой организации сел и деревень меняла привычную повседневность сельской женщины.

В сельскохозяйственном производстве четко выражено разделение труда на мужской и женский. Женщины заняты в основном в овощеводстве, в животноводстве они занимались выращиванием скота и птицы, дойкой коров. Однако эти виды работ оставались на селе менее всего механизированными и, при кажущейся простоте, были сопряжены с большими физическими нагрузками. Дояркам, например, приходилось работать в условиях повышенной влажности и загазованности, грязи, плохой освещенности²⁴⁵. Острой оставалась проблема улучшения санитарно-гигиенических условий труда. В 1959 г. врач санэпидемстанции, член Назаровского райкома КПСС Е. П. Колесникова на Пленуме партактива заявляла: «Все задачи решают люди, а руководители забывают создавать им необходимые условия, не проявляют должной заботы об их здоровье. И особенно это касается работников животноводства, условия труда тяжелые, спецодежды нет, ветврачи не следят за правилами гигиены, даже нет мыла»²⁴⁶. Очевидно, что отсутствие надлежащих условий труда сочеталось с невнимательным отношением к своему здоровью, что приводило к росту заболеваемости людей.

Статистические данные подтверждают, что условия труда на производстве оставляли желать лучшего. На низком уровне оставалась механизация, нередко

²⁴⁴ Там же. С. 85.

²⁴⁵ Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С.155.

²⁴⁶ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 210. Л. 15.

женщинам приходилось выполнять работу, наносящую вред здоровью, например, переносить тяжести. В Андроновском совхозе Ужурского района в 1962 г. на машинное доение было переведено 45% коров, на механическом поении находилось 10741 голова крупного рогатого скота, или 30%, 6747 головы свиней, или 40%, раздача кормов и очистка помещений производились вручную²⁴⁷. При этом и механизация сельского хозяйства, и индустриализация сельской местности в целом не сопровождались такой же быстрой адаптацией к ней населения: неизбежным следствием становился высокий травматизм. К тому же сельскохозяйственная техника была низкого качества, не защищала людей от вредного воздействия производства: средства индивидуальной защиты, например, респираторы, не были распространены.

Исследования, проведенные отделом медико-биологических проблем труда ВНИИСХТ в ряде колхозов и совхозов РСФСР, показали, что на молочно-товарных фермах промышленного типа температура воздуха в холодный период года в 70-80% измерений ниже рекомендуемых величин, в теплый период года в 10-15% измерений превышал рекомендуемые верхние границы. В производственных помещениях свиноводческих комплексов промышленного типа температура не соответствовала санитарно-гигиеническим нормам в среднем в 35-40% измерений. На фермах старого типа отклонения показателей еще более выраженное. Содержание вредных газов (аммиака) в животноводческих помещениях выше предельно допустимой концентрации в среднем в 20% измерений²⁴⁸. В материалах местных архивов нередко можно встретить свидетельства нарушений при хранении опасных веществ: «яды и удобрения нередко хранят в общих складах с зерном, инвентарем и другими материальными ценностями и даже в кучах на улице, со свободным доступом людей и скота»²⁴⁹.

Руководство страны нельзя обвинить в полном невнимании к условиям женского труда на селе. За период 1965-1985 гг. были приняты специальные меры по охране труда и здоровья женщин: льготы в режиме труда и пособия для

²⁴⁷ ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 1. Д. 6. Л. 116.

²⁴⁸ Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987. С.127-129.

²⁴⁹ ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 1. Д. 2. Л. 69.

женщин, имеющих малолетних детей, расширение круга профессий, запрещающих женский труд в условиях, вредных для здоровья и будущего материнства.

Несмотря на то, что вовлечение женщин в общественное производство являлось одним из важных направлений социальной работы, данные стенограммы заседания XII Красноярской краевой партийной конференции говорят о том, что в 1958 г. около 30% заготовленного в крае мяса производилось в индивидуальных хозяйствах²⁵⁰. Поскольку уход за скотом являлся преимущественно «женским» занятием, такое перераспределение трудовых ресурсов грозило экономике края снижением производства, однако могло решить «женский» вопрос за счет того, что сельчанки меньше времени стали бы тратить на личное подсобное хозяйство.

Работа в животноводческой отрасли была сложной и непопулярной, принудительное привлечение туда работников, точнее работниц, по комсомольским путевкам не решало проблему из-за огромной текучести кадров. «Комсомольские организации и дальше будут посылать молодежь на работу в животноводство: свинарками, доярками, телятницами, птичницами», заявлялось на заседании 12 партконференции в 1959 г., хотя здесь же и признавалось, что «уезжает молодежь не потому что не хотят работать, а потому что не создают ей нормальные культурно-бытовые условия. Многие жилые помещения в настоящее время требуют ремонта. В сельском хозяйстве нет благоустроенных общежитий. Молодые рабочие не полностью обеспечены спецодеждой и валенками»²⁵¹. Директор Копьевского совхоза А. И. Солдатов конкретизировал ситуацию на примере своего предприятия: «Недостаточно рабсилы на животноводстве. Почему? Во-первых, низкая оплата труда, во-вторых, плохие бытовые условия рабочим, отсутствие клубов, бань на фермах»²⁵². О неблагоприятных условиях труда заявлялось на Таймырской окружной партийной конференции в 1959 г.: «Неправильное отношение к оленеводам, отсутствие материальной заинтересованности у них, многочисленные несправедливые взыскания за падеж

²⁵⁰ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 10. Л. 46.

²⁵¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 10. Л. 134.

²⁵² ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 161. Л. 45.

и утерю оленей, плохое обеспечение их – все это привело к тому, что из оленеводства стали уходить лучшие, опытные кадры... Правления партийных организаций многих колхозов не создали нормальных условий для участия женщин в общественном труде, в результате чего из 1354 трудоспособных женщин установленный минимум трудодней выработали 1088, а 266 женщин не принимали участия в общественном труде»²⁵³.

Значительно менее благоприятные, по сравнению с городскими жительницами, условия труда и быта, и наличие у абсолютного большинства женщин «второго» и «третьего» рабочего дня создавали предпосылки для быстрого изнашивания организма, появления профессиональных заболеваний. В красноярских селах смертность превысила городской уровень по всем видам заболеваний уже к 1970 г., а во второй половине 1980-х гг. от одинаковых болезней сельчане умирали чаще горожан в 1,6 – 2,0 раза²⁵⁴.

Развитие системы медицинского обслуживания имело для села в прямом смысле жизненно важное значение, поскольку на рубеже 1950 – 1960-х гг. сельская медицина была исключительно отсталой. Это касалось как обеспеченности медицинскими учреждениями и персоналом, так и элементарными медикаментами. В ряде населенных пунктов края ситуация выглядела совсем удручающей. В 1958 г. в письме второму секретарю Красноярского крайкома КПСС главный врач Подтесовской больницы Енисейского района В. М. Тымонюк писала: «На протяжении последнего года больница терпит крайнюю нужду в термометрах для измерения температуры (на 50 человек больницы имеется 2 термометра, медицинские учреждения поселка: поликлиника, здравпункты и т.д. их вовсе не имеют)... Такое же положение со шприцами»²⁵⁵. В этом же 1958 г. даже по такому валовому показателю, как обеспеченность больничными койками на 10 тыс. жителей, сельская местность края отставала от городской в 2,6 раза²⁵⁶. Сохранилось в архиве обращение к

²⁵³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 171. ЛЛ. 6, 37.

²⁵⁴ Рассчитано по: О демографических процессах в Красноярском крае. Красноярск, 1993. С. 58 - 60.

²⁵⁵ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 383. Л. 30.

²⁵⁶ Рассчитано по: ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 55. Л. 8.

секретарю Красноярского крайкома КПСС Павлову В. П. из Казачинского райкома КПСС «о крайне неблагоприятном состоянии медицинского обслуживания трудящихся района. Основной причиной такого положения является неукомплектованность районной больницы и участков медицинскими кадрами, отсутствие квалифицированных ведущих врачей»²⁵⁷.

С началом активного промышленного освоения региона в годы семилетки ситуация улучшилась незначительно: несмотря на увеличение показателя обеспеченности, на 10 тыс. сельских жителей приходилось в 2 раза меньше больничных коек²⁵⁸. При этом анализ коечного фонда по его специализации показывает, что прирост обеспеченности в большей степени произошел в области лечения туберкулезных больных – в 2,2 раза, тогда как в специфическом для женщин направлении – заботе о беременных и роженицах – лишь в 0,9 раза²⁵⁹. По тем же данным Статуправления, на 1 января 1966 г. из 50 районов края в 3 из них не было врача-педиатра, в 22 – фтизиатра, в 8 – акушера-гинеколога, 34 – дерматовенеролога, 18 – окулиста, 34 – отоларинголога, 22 – невропатолога. В сельской местности только 42,7% участковых больницы имели рентгеновские кабинеты, 38,5% – клинико-диагностические лаборатории, 30,7% – физиотерапевтические кабинеты и ни одна не имела цитологической, бактериологической, биохимической, патологоанатомической и других лабораторий²⁶⁰.

Слабым участком сельского здравоохранения оставалась служба скорой медицинской помощи, которая развивалась с большим трудом. В 1959 г. главврач Орджоникидзевской больницы на партконференции заявлял: «Большим вопросом у нас является обслуживание нас транспортом. В больнице имеется машина, но она находится в Копьево, что очень неудобно при вызовах. В понедельник меня вызвали на Главстан, были тяжелые роды. Машины своей нет, часто обращаюсь к тов. Туркуну, который никогда не отказывал. Спасибо ему за внимание. И на этот

²⁵⁷ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 387. Л. 53.

²⁵⁸ Рассчитано по: ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 55. Л. 8.

²⁵⁹ Рассчитано по: ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 55. Л. 8-9.

²⁶⁰ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 55. Л. 10-11.

раз машину дал, как только она освободилась, но уже было поздно. Ребенок умер²⁶¹». О еще одном трагическом случае, которого можно было избежать сообщается в переписке о работе органов здравоохранения и Красного креста: «Ребенок Шаров, три месяца, умер из-за того, что не было транспорта»²⁶².

Первые станции скорой помощи появились в сельской местности Красноярского края только к 1970 г., а к 1981 г. их число увеличилось до 25. Это также шло в разрез с насущными требованиями времени: рост травматизма и сердечно-сосудистых заболеваний требовал оказания неотложной помощи. Кроме того, это вызывало специфичные для женщин трудности. Уже к 1960 г. в сельской местности оставалось только 2 родильных дома, повсеместно эти функции выполняли те лечебные учреждения, которые имелись в населенном пункте. В случае преждевременных родов или осложнений жизнь матери и ребенка оказывалась под угрозой.

Обслуживание рожениц из сельской местности в ряде случаев производилось в городских роддомах, которые тоже находились в плачевном состоянии. В 1959 г. объединенный роддом в г. Минусинске, который обслуживал женщин из близлежащих районов, располагался в старых, ветхих помещениях, требовавших капитального ремонта. «В родильном отделении не функционируют санпропускники, роженицы принимаются без санобработки, теплого туалета нет. В женской консультации провалился пол, все здание поражено грибком, создается угроза провала пола и здания»²⁶³.

Как показало время, ситуация не изменилась к концу 1980-х годов. Даже в целом по стране дефицит акушерских коек составлял свыше 20%, если учесть, что этот показатель отражал усредненное соотношение числа коек к численности всех женщин, то можно предположить, насколько катастрофичной была ситуация в деревне. Это приводило к тому, что в крае был высок уровень материнской

²⁶¹ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 161. Л. 36.

²⁶² ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 383. Л. 22.

²⁶³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 383. Л. 116.

смертности: в 1989 г. умерло 18 женщин²⁶⁴, в дальнейшем этот показатель стал превышать 20 человек в год²⁶⁵.

Городские жители могли рассчитывать на получение медицинской помощи в ведомственных учреждениях, роль которых постоянно возрастала: в финансировании здравоохранения роль предприятий увеличилась с 11% в 1965 г. до 21% в 1986 г., ведомственными учреждениями пользовались регулярно каждый пятый житель страны, а уровень медицинской помощи оценивается как качественно лучший²⁶⁶. Сельские жители в массе своей были лишены такой возможности, и им приходилось пользоваться услугами государственных медицинских учреждений, которые часто отставали и по уровню обслуживания, и по качеству оснащения медицинской техникой.

В сельской местности существовала трехступенчатая система: медицинское учреждение поселкового уровня – районного – краевого. Фактически уровень обеспеченности оборудованием, медикаментами и кадрами самой низшей ступени приводил к нулевой эффективности, полной неспособности помочь при сколько бы то ни было серьезном заболевании. Либо наблюдался обратный перекося: призванные оказывать доврачебную помощь местные медицинские пункты ставили неправильные диагнозы, проводили неэффективное лечение, нанося порой еще больший вред. Однако отказаться от таких учреждений и перейти к двухступенчатой системе село не могло, поскольку большие расстояния и отсутствие налаженных коммуникаций, зависимость от метеоусловий становились зачастую непреодолимой преградой перед лучше оснащенными районными больницами. Председатель колхоза им. Ленина Байкитского района констатировал: «бывают случаи болезни колхозников, но ввиду отсутствия транспорта больные несвоевременно доставляются в больницу. Вследствие этого был один смертный случай»²⁶⁷. Секретарь Илимийского райкома КПСС

²⁶⁴ Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 179–214.

²⁶⁵ Захарова Т. Г. Общественно-политическая значимость репродуктивного здоровья женщин // Женщины на пороге XXI века. Красноярск, 2002. С. 42.

²⁶⁶ Куринова И. А. Исторический опыт советской партийно-государственной социальной политики (1964 – 1985) : дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2004. С.98.

²⁶⁷ ГАКК. Ф. 26. Оп.32. Д. 171. Л.38.

указывала на недобросовестность медиков: «Медработники не всегда оказывают помощь больным. В чумах лежат больные, но врачи к ним не идут. Сами они не в состоянии приходить»²⁶⁸.

В 1965 г. Казачинский райком КПСС писал секретарю крайкома КПСС: «Из-за отсутствия помещения под туберкулезную больницу в райцентре, эти больные находятся на излечении в Казачинской участковой больнице. Она расположена на правой стороне Енисея в 60 км от райцентра. Дороги проселочные, в период осени и весны находятся в непроезжем состоянии. В этой больнице нет врача, а прикрепленный врач бывает там редко по причине бездорожья и отдаленности»²⁶⁹.

Кроме низкой квалификации медработников, имело значение и неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние больниц и отсутствие современного оборудования, дисперсность расселения. Организация здравоохранения, и не только сельского, носила безличный характер. С изменениями в структуре смертности в сторону преобладания среди причин хронических, сердечно-сосудистых заболеваний объективно требовалась перестройка здравоохранения в направлении большей индивидуализации работы, длительного наблюдения, что на селе было особенно затруднено в силу объективных причин.

Неудивительно, что некоторые из опрошенных сельских жительниц в исследуемый период продолжали пользоваться услугами деревенских знахарей и обращаться к помощи традиционной медицины, куда входило лечение травами, молитвами и заговорами.

В Постановлении крайкома КПСС от 17 февраля 1959 г. говорилось: «Во многих случаях непосредственными организаторами являются церковнослужители, которые всемерно поощряют и поддерживают людей, подвижающихся у «святых источников», занимающихся «исцелением больных», пророчеством и знахарством». В результате было принято решение «путем

²⁶⁸ ГАКК. Ф. 26. Оп.32. Д. 171. Л. 43.

²⁶⁹ ГАКК. Ф. 26. Оп.36, Д. 11, Д. 151.

проведения широкой массово-политической работы, научно-атеистического воспитания трудящихся на основе методов убеждения вести борьбу с суевериями, знахарством, религиозными пережитками...предложить редакциям краевых, городских, районных газет, радио и телевидения, краевому издательству регулярно выступать с материалами, разоблачающими антинаучный и антиобщественный характер деятельности²⁷⁰».

И все же необходимо отметить, что опрошенные женщины по-разному оценивали качество здравоохранения на селе. Субъективный опыт от получения медицинской помощи отличался. Любовь Федоровна Марженакова, жительница села Городок Минусинского района вспоминает: «В селе был фельдшерский пункт, работал очень квалифицированный фельдшер, а на расстоянии 7 км была поселковая больница, где работали узкие специалисты с большим стажем»²⁷¹.

Промышленный подъем, который край переживал с началом красноярских «десятилеток» несколько улучшили ситуацию. «С конца 1970-х годов началось бурное развитие медицинской отрасли в крае. Такого размаха не было ни до, ни после. Действительно, мы вводили в год более тысячи больничных коек в новых больницах и площадей на десять тысяч посещений в поликлиниках. Практически во всех районах края были построены и сданы в эксплуатацию либо типовые больницы взамен старых, либо лечебные корпуса для расширения существующих. Для новых лечебных учреждений закупалось и современное оборудование...очень много делалось в сельском здравоохранении. Руководством края – первым секретарем крайкома КПСС Федирко и председателем крайисполкома Татарчуком перед нами была поставлена задача – если в колхозе или совхозе работают 500 человек, там должно быть открыто медицинское учреждение, где бы работал врач. Во всех сельских населенных пунктах мы создавали профилактории, особенно старались развивать при молочнотоварных фермах, чтобы доярки, работающие в тяжелых условиях, часто без горячей воды, могли здесь принять какие-то процедуры: ультразвук, кварц или УВЧ. Это был

²⁷⁰ ГАКК Ф.26. Оп. 32, д. 20, ЛЛ. 127-129.

²⁷¹ Полевые материалы автора: Марженакова Л. Ф., с. Городок Минусинского района Красноярского края, 2017 г.

большой прорыв для первичного звена, именно оказание доврачебной помощи. На всех фельдшерско-акушерских пунктах у нас работали и фельдшер, и акушер».²⁷²

Еще одной важной сферой повседневности сельчанок было проведение досуга. Традиционный образ жизни, который постепенно уходил из деревни, строился на основании религиозного календаря, а также сельскохозяйственного цикла работ. Массовая советская культура с ревностью относилась к этому укладу, и в начале 1960-х гг. была начата кампания по внедрению новых советских обрядов и праздников, которые рассматривались как средство антирелигиозного воспитания. Торжественное вечера бракосочетания и вручения паспортов, праздники по случаю рождения ребенка, выборов, проводы в советскую армию, специфичный для сельской местности «праздник урожая» стали новыми обычаями. Им придавался общественный размах, прежде свойственный лишь религиозным.

Иные новые «советские» формы досуга: радиовещание и телевидение также развивались с трудом. В 1962 г. в сельской местности края действовали 819 радиоузлов, которые обслуживали 2326 населенных пунктов, в которых было установлено 194,2 тыс. радиоточек. «Вместе с тем в крае насчитывается 177 колхозных и совхозных населенных пунктов, где целесообразно открыть радиоузлы и установить не менее 14 тыс. радиоточек. Начинается развитие телевизионного вещания. Действуют ретрансляторы. Однако они обслуживают незначительную часть территории лишь восьми районов края»²⁷³. В то же время и менее передовые формы досуга в некоторых деревнях были недоступны. В 1963 г. отмечалось, что «в ряде отдаленных населенных пунктов нет никаких очагов культуры, и жители их не имеют возможности посмотреть кино, послушать лекцию или беседу, прочесть свежие газеты и журналы»²⁷⁴.

Традиционные формы культурного развития заменялись на деятельность, регламентированную государством под контролем органов культуры. Исчезали

²⁷² Маштаков Б. Исцеления ради // Красноярский взлет, 1971 -1990. Красноярск, 1994. С. 353.

²⁷³ ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 1. Д. 6 Л. 179.

²⁷⁴ ГАКК. Ф. П-6692. Оп. 1. Д. 5. Л.113.

традиционные формы: посиделки, массовые гуляния, хороводы, танцы, вечерки. Пришли лекции на различные темы, в том числе научно-популярные, посвященные актуальным вопросам политики и международных отношений, тематические вечера, однако принято считать, что в основном эти мероприятия были формализованными, и интереса у населения не вызывали.

Организация кружков и клубов самодеятельности приобрела широкий размах. Причиной для наиболее массового распространения в сельской местности различных объединений художественной самодеятельности, в первую очередь, являлось то, что они не требовали серьезных ресурсов. В условиях малонаселенных деревень, где не было клубов или других учреждений культуры, порой это была единственная возможность приобщиться к ней хотя бы в качестве зрителя.

Однако и в относительно больших населенных пунктах клубов не хватало, либо в них редко проводились действительно масштабные культурные мероприятия, в основном все сводилось к показу кинофильмов. Порой сельчане были лишены и этого: «В Уярском районе прошедшей зимой было закрыто 20 клубов из-за различных неисправностей электропроводки, печного отопления и других недостатков. Так. Например, в Сушиновском сельском Доме культуры, что расположена на центральной усадьбе Уярского совхоза, прогнили полы, выгнулся потолок, плохо работает отопление... Безрадостное впечатление производит клуб в деревне Воронино Толстихинского сельского Совета. Клуб вот уже более 10 лет капитально не ремонтировался, пристройка к нему разломана, в полу зияют большие щели, печи прогорели. Естественно, что зимой люди не ходят сюда²⁷⁵».

Сами сельчанки в своих воспоминаниях подтверждают недостатки развития культурной сферы. «В деревне не было много выбора, чтобы реализовать себя», констатировала факт жительница села²⁷⁶. «Женщины собирались на лавочках и пели песни, никакие не пьяные, просто садились вместе и пели», вспоминает

²⁷⁵ «Красноярский рабочий». 1974 г. 17 июля. С. 2.

²⁷⁶ Полевые материалы автора: Юрченко Л.И., с. Сотниково Канского района Красноярского края, 2017 г.

Галина Ивановна Бычкова²⁷⁷. «На праздниках в клубах выступали: пели, танцевали, женщины своими руками украшали клубы, шили свои собственные костюмы»²⁷⁸. «Участвовали в митингах в честь Дня Победы, 7 ноября, собирались на праздники, не пили, а пели, танцевали»²⁷⁹. «Участвовали в художественной самодеятельности, проводили праздничные вечера, проводили торжественные мероприятия, посвященные праздникам. Ко дню рождения Ленина 22 апреля каждый год проводили субботники»²⁸⁰. «Женщины участвовали в хоре, в концертах, кто-то избирался в депутаты, участвовали в жизни поселка. Ходили в неблагополучные семьи и помогали другим женщинам советами, продуктами»²⁸¹.

Нужно отметить, что досуговая деятельность красноярских сельчанок эволюционировала в сторону закрытых домашних, семейных форм. Это отмечает в своей работе, посвященной культурному развитию села, Е. А. Григорьева²⁸², это видно и из опросов современников. К концу советского периода, несмотря на подъем, вызванный перестройкой и активизацией общественно-политической жизни в стране в целом, формы коллективного проведения досуга и массовых мероприятий в сельской местности края практически сошли на нет. С нашей точки зрения, в культурной жизни красноярских сельчанок проявлялась общероссийская тенденция к атомизации общества, когда единственной жизнеспособной единицей становились микрогруппа, в первую очередь, семья²⁸³.

Этот процесс прошел стремительно, поскольку мы находим свидетельства того, что в ходе всего исследуемого периода общественные формы досуга еще имели большое значение. «Я в профсоюзной организации состояла, принимали участие в голосовании, в профсоюзных собраниях, участвовала в демонстрациях, участвовала в переписях населения»²⁸⁴. «Участие в отрядах дружинников,

²⁷⁷ Полевые материалы автора: Бычкова Г.И., д. Богдановка Иланского района Красноярского края, 2007 г.

²⁷⁸ Полевые материалы автора: Дубовицкая П.С., д. Ольховка Ачинского района Красноярского края, 2017 г.

²⁷⁹ Полевые материалы автора: Пряткина И.А., с. Бея Бейского района Республики Хакасия, 2017 г.

²⁸⁰ Полевые материалы автора: Кандалинцева Е. Е., д. Николаевка Боготольского района Красноярского края, 2017 г.

²⁸¹ Полевые материалы автора: Комогорцева А. Н., п. Таежный Боготольского района Красноярского края, 2017 г.

²⁸² Григорьева Е. А. Культурно-досуговая деятельность сельского населения красноярского края в 1960-1980-х гг. // Духовно-исторические чтения. Красноярск: КрасГАСА, 2003. С. 282

²⁸³ Трапкова А. В. От советского к постсоветскому человеку // Современные трансформации российской культуры. М., 2005. С. 310

²⁸⁴ Полевые материалы автора: Приз В. О., с. Вершино-Рыбное Партизанского района Красноярского края, 2017 г.

самодеятельных кружках»²⁸⁵. «Профсоюзная работа, работа в школе, в сельском доме культуры»²⁸⁶.

Профсоюзы в СССР, как известно представляли собой аналоги общественных организаций. Поскольку в СССР отсутствовала классовая борьба и эксплуатация трудящихся, профсоюзы были заняты не защитой прав рабочих. По свидетельству руководителя профсоюзов Владимира Толюпы: «Нам было доверено заниматься такими серьезными вещами как техническая инспекция, надзор за пожарной охраной на предприятии, оздоровления трудящихся, физкультура, все загранпоездки, культура, производственно-массовая работа».²⁸⁷ Однако в сельской местности края их деятельность сводилась к сбору взносов с трудящихся и распределением имеющихся материальных ресурсов. Это могли быть материальная помощь в связи с рождением ребенка, болезнью или смертью родственника, путевки в оздоровительные детские лагеря и санатории, иногда за границу. В годы товарного дефицита через профсоюзные организации распределялись одежда и обувь, иногда их разыгрывали в своеобразной лотерее среди всех работников. По свидетельству современников, работников профсоюзных организаций часто подозревали в коррупции и распределении фонда среди «своих».

Типично советской чертой повседневности было участие в общественно-политической жизни. Сельские женщины «участвовали в спорте, митингах, состояли в партии, занимала руководящие должности»²⁸⁸, «принимали участие в собраниях, митингах»²⁸⁹, «принимали участие в субботниках, сельхозработах»²⁹⁰, «были женсоветы, депутаты»²⁹¹. Женсоветы приобрели наибольшее значение и популярность в период перестройки, когда оживление общественной жизни коснулось и решения «женского вопроса».

²⁸⁵ Полевые материалы автора: Тюрина В. П., с. Агинское Саянского района Красноярского края, 2017 г.

²⁸⁶ Полевые материалы автора: Виниченко И. И., с. Частоостровское Емельяновского района Красноярского края, 2017 г.

²⁸⁷ Толюпа В. Пойдешь работать в профсоюз // Красноярский взлет, 1971 – 1990 гг. Красноярск, 1994. С. 415

²⁸⁸ Полевые материалы автора: Таянчина В. Я., д. Турецк Большеулуйского района Красноярского края, 2017 г.

²⁸⁹ Полевые материалы автора: Баловсяк У. И., с. Тины Нижнеингашского района Красноярского края, 2017 г.

²⁹⁰ Полевые материалы автора: Лейман М. А., с. Чухломино Ирбейского района Красноярского края, 2017 г.

²⁹¹ Полевые материалы автора: Сержантова Г. И., с. Росийка Большемурутинского района Красноярского края, 2017 г.

Круг их занятий был довольно широк. «Неблагополучные семьи, трудные дети, борьба с пьянством на селе, вопросы благоустройства – вот то, что ложится в основу работы женсовета»²⁹² - следует из опыта работы женсовета Туровского сельсовета. Согласно Постановлению секретариата ЦК КПСС «О недостатках в выдвижении женщин на руководящую работу 27 мая 1960 г.», «принимаются меры по усилению воспитательной работы среди женщин, вовлечение их в общественную работу на предприятиях, в колхозах, совхозах и учреждениях, не работающих – в общественно-полезный труд и выдвижение передовых женщин на руководящую работу... Было создано около 1000 женсоветов, в которые избрано 6476 женщины»²⁹³.

Роль женских советов на национальных окраинах была еще выше, в некотором смысле им приходилось вести также просветительскую работу на бытовом уровне: «Женсовет Учумского совхоза Ужурского района (председатель тов. Зайцева)... перед началом стрижки овец провел собрание с женщинами по этому вопросу и добился участия в стрижке многих домохозяек... Женсоветы Эвенкийского национального округа организовали обучение неграмотных и малограмотных женщин коренной национальности, соревнования за чистоту в квартирах»²⁹⁴. В Таймырском национальном округе «большая обязанность возлагается на женсоветы по привитию женщинам-домохозяйкам навыков в поддержании культуры жилища и здорового быта... должны добиваться того, чтобы каждая новая квартира сдавалась в эксплуатацию со всеми удобствами, а хозяйку, перешедшую в эту квартиру из чума, нужно сразу же приучить к тому, чтобы квартира содержалась в чистоте и порядке»²⁹⁵.

В результате заявлялось, что под влиянием женсоветов «горкомы, райкомы партии, исполкомы горрайсоветов, хозяйственные руководители, советские органы, комсомольские и профсоюзные организации стали уделять больше внимания вопросам бытового обслуживания населения, расширению и

²⁹² ГАКК. Ф. П-971. Оп. 1, Д. 8, Л.12

²⁹³ ГАКК. Ф. 26. Оп.32. Д.387. Л. 185.

²⁹⁴ ГАКК. Ф. 26. Оп.32. Д. 387. Л. 187.

²⁹⁵ ГАКК. Ф. 26. Оп.32. Д. 171. Л. 29.

улучшению работы детских учреждений, столовых, магазинов, продаже полуфабрикатов с целью освобождения женщин от домашних хлопот»²⁹⁶.

Между тем и в 1989 г. краевой женсовет констатировал: «В последнее время наши газеты и журналы стали больше писать о многочисленных проблемах работающей матери. И это хорошо. Общество наконец обратило свой взор на страшно перегруженную, но в то же время слабо защищенную часть населения»²⁹⁷.

Завершая исследование материально-бытовых условий, окружавших сельских женщин в деревнях Красноярского края в 1960 – 1980-е годы, мы можем сказать, что они заметно изменились. Урбанизация, ставшая главным трендом развития повседневной жизни села, привела не только к сокращению численности его жителей, изменение системы расселения, но и образа жизни в целом. Однако сближение сельского и городского образа жизни привнесло городские стандарты и в оценку качества жизни. Попытки оживить умирающее село, которое государство предпринимало в конце 1980-х годов, стараясь решить продовольственную проблему, обеспечив селом продуктами питания, оживить культурную жизнь, принимая программу «Превратим Сибирь в край высокой культуры», привлекая помощь «шефов» - горожан для работы в сельском хозяйстве, успеха не имели.

Стабилизация численности сельчан произошла с опозданием: село к тому моменту уже лишилось значительной части своего репродуктивного и трудового потенциала. В целом в 1988 г. в селах края проживало жителей на 24,2% меньше по сравнению с 1960 г., при этом сельских женщин стало меньше на 27,8% от числа 1960 г., а сельских мужчин - на 21,0%²⁹⁸.

За 1960 – 1980-е годы сокращение численности сельских женщин в среднем по РСФСР составило 33,6%. Более низкие темпы сокращения численности сельского населения в крае, в том числе женского, являлись особенностью его урбанизационного тренда. Урбанизация повседневности, выразилась в

²⁹⁶ ГАКК. Ф. 26. Оп.32. Д. 210. Л. 187.

²⁹⁷ ГАКК. Ф. П-971. Оп. 1, Д. 7. Л. 6.

²⁹⁸ Рассчитано по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 3033. Л. 23об.; Д. 4477. Л. 1об.

подстраивании сельского образа жизни под образ жизни города, с его стандартами индивидуализма, обособленности, стремления к бытовому комфорту. В условиях крайнего аскетизма жизнь на селе потеряла привлекательность, что привело к тому, что сельские женщины в течение исследуемого периода «голосовали ногами», активно мигрируя из деревень края.

2.2 Культура демографического поведения сельских женщин

Демографическое поведение является одним из важнейших составляющих ценностных ориентаций человека. Наряду с другими социально-психологическими характеристиками оно отражает сущность человеческого сознания, проявляясь в системе взглядов, отношений и обусловленных ими поступков. Культура всех видов демографического поведения женщин: репродуктивного, самосохранительного, брачного определяло развитие социальной сферы красноярской деревни и региона в целом. В данной работе изучение демографического поведения дополняется ретроспективным изучением отношения сельских женщин к основным особенностям жизни в сельской местности, их места и роли в ней, типичных для сельских женщин поступков. Все это, согласно нашим представлениям, обобщенно можно считать гендерными характеристиками сельских женщин Красноярского края.

Изменения в сфере сознания и поведенческих установок у сельских жительниц края в исследуемый период, как и во всей их повседневной жизни, происходили на фоне индустриализации и урбанизации среды, в которой они проживали. Ключевыми общественными процессами стали возросшая мобильность населения: пространственная и социальная, раскрестьянивание и вызванный им распад традиционного для села образа жизни, вызванное политикой сближения города и деревни, а также вовлечение женщин в общественное производство и рост их образовательного уровня. Эти причины приводили к изменению ментальных характеристик, взгляды и оценки на действительность менялись, типичными становилось иное, уже не традиционное

поведение сельских женщин. Здесь и далее мы будем называть это новое поведение модернизированным.

На наш взгляд, наиболее ценными источниками в данном случае являются материалы ретроспективного опроса и те данные, которые можно почерпнуть в публицистике и художественной литературе. Они позволяют оценить, как именно менялись ментальные характеристики, насколько современные черты социального портрета отличались от традиционных черт, и как в связи с этим трансформировались социокультурные характеристики сельской жительницы. Согласно нашей гипотезе, наибольшего внимания заслуживают три линии исследования: во-первых, репродуктивное поведение и отношение к материнству как основной социальной роли женщины, во-вторых, самосохранительное поведение и забота о своем здоровье как проявление самоотношения индивида, а в-третьих, матримониальное поведение и отношение к семье, поскольку она являлась основой общественной структуры.

В первую очередь, при исследовании женского населения следует обратиться к изучению репродуктивного поведения. Исследуемый период являлся очередным этапом, завершающим отказ от вековых традиций пассивного невмешательства в естественный ход репродуктивных процессов, от установки иметь детей столько, «сколько Бог пошлет». В результате регулирование числа детей и сроков их появления на свет становились обычными явлениями и в красноярской деревне. К этой переориентации привела эволюция структуры ценностей, норм и потребностей, произошедшая в сознании сельских жительниц. Другими словами ментальные установки в репродуктивной сфере претерпели серьезные изменения. 1960 – 1980-е годы в развитии рождаемости в РСФСР и Красноярском крае стали временем закрепления нового типа ментальности, и формировали ее молодые поколения женщин с современным типом демографического поведения по мере того как вступали в генеративный возраст, а выходили из него представительницы традиционных взглядов.

Повсеместно в РСФСР и в сельской местности края, в том числе, становилась массовой малодетная семья. Именно такой состав позволял

удовлетворить в приблизительно равной степени все потребности родителей: потребность в родительстве, в отдыхе, в социальном продвижении, в саморазвитии, наконец, материальные. Таким способом в течение нескольких десятилетий был найден баланс, ставший идеальным для подавляющего большинства семей и закрепившийся к концу XX века в качестве стереотипа репродуктивного поведения.

Теория демографического перехода говорит, что к сокращению рождаемости привело снижение младенческой и детской смертности: теперь матерям не нужно было страховать себя как можно большим числом детей, поскольку большинство из них выживали. Если в дореволюционное время условия жизни были таковы, что для обеспечения воспроизводства на каждую 1000 женщин должно было приходиться 4120 детей, рожденных живыми²⁹⁹, то за первую половину XX века в рождаемости произошла подлинная революция: для воспроизводства стало достаточно 2300 детей на 1000 женщин. Теперь определяющее влияние на прокреативное поведение оказывали не внешние факторы, а желание родителей, которые могли планировать число детей и сроки рождения с высокой вероятностью их дожития до зрелого возраста. Это несомненное завоевание в демографической сфере также начало активно способствовать изменению роли женщины в воспроизводстве: она становилась более независимой в стратегии деторождения не только от слепой судьбы, но и от веками устоявшихся гендерных функций. По мнению А. Г. Вишневого, такие перемены в структуре демографического поведения, когда контроль за рождаемостью переходит с макроуровня (общеобязательные правила и нормы) на микроуровень (семья) представляли собой переход к новому типу демографического поведения³⁰⁰.

С началом 1960-х годов в РСФСР и, в частности, в Красноярском крае многодетная семья постепенно сменялась среднететной, а затем и малодетной. В

²⁹⁹ Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 134.

³⁰⁰ Волков А. Г., Дарский Л. Е. Демографическое развитие семьи // Демографическое развитие в СССР. М., 1985. С. 72.

среднем по стране этот процесс был пройден за 20 лет³⁰¹, и край не стал исключением. Снижение рождаемости происходило, в первую очередь, из-за увеличения степени ее внутрисемейного регулирования.

Городские женщины, рождаемость старших возрастных групп у которых в 1980-е годы также прирастала, родили гораздо меньше детей высокой очередности. Основной прирост произошел за счет третьих рождений, что интерпретируется как календарные сдвиги планируемых рождений. На сельских жительниц края влияние демографических мер оказалось, таким образом, более ощутимым, но в основном за счет сохранения там относительно большого контингента женщин с традиционным демографическим поведением, однако и здесь проявилось смещение рождений в 1980-е годы. Следствием станет резкое снижение показателей рождаемости в 1990-х годов, поскольку практически все запланированные рождения уже были реализованы.

Особый интерес в историческом исследовании рождаемости представляют собой итоговые числа рождений у реальных поколений женщин, которые являются объективным отражением репродуктивного поведения. Для исследования эволюции рождаемости эти показатели намного ценнее, поскольку они не зависят от структурных факторов и описывают действительно существовавшую интенсивность рождаемости в поколении, а также, что особенно важно, позволяют определять различия в уровнях рождаемости разных поколений женщин.

Итоговые показатели рождаемости для поколений сельских женщин показывают, что рождаемость плавно снижалась по каждому пятилетним группам (табл. 21). Несмотря на то, что описанные в таблице показатели итоговой рождаемости истинно таковыми только для когорт 1944 и ранее годов рождения, которые на момент проведения Микропереписи уже вышли из фертильного возраста, она вполне пригодна для характеристики изменения рождаемости в поколениях.

³⁰¹ Антонов А. И. Эволюция рождаемости и репродуктивного поведения населения в СССР // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. М., 1984. С. 52.

Поскольку при современном типе воспроизводства большинство женщин заканчивает воспроизводственный цикл намного раньше – приблизительно к 35 годам, поэтому показатели рождаемости в поколениях сельчанок, родившихся до 1960 г., также с некоторой долей условности можно считать итоговыми. По мере снижения итоговой рождаемости одновременно происходило перераспределение числа рождений в сторону меньших порядков рождений. Происходило не только последовательное уменьшение среднего числа детей, рожденных каждой последующей когортой сельчанок, но и переход к малодетности. Рождаемость в сельской местности края оставалась выше уровня простого воспроизводства, однако очевидно, что и сельские жительницы стремились в основном к двухдетной модели рождаемости, которая постепенно становилась нормой.

Таблица 21 – *Итоговая рождаемость в реальных поколениях сельских женщин Красноярского края (по данным Микрореписи населения 1994 г.)**

Годы рождения	На 1 000 женщин данного поколения					Среднее число рожденных детей
	женщин, родивших детей	в том числе:			женщин, не родивших детей	
		1	2	3 и более		
1975–1976	307	272	35	–	693	343
1970–1974	660	433	200	27	340	922
1965–1969	914	300	462	152	86	1 720
1960–1964	957	172	486	299	43	2 195
1955–1959	958	122	445	391	42	2 417
1950–1954	955	138	430	387	45	2 465
1945–1949	967	160	415	392	33	2 467
1940–1944	956	122	372	462	44	2 644
1935–1939	949	110	315	524	51	2 752
1930–1934	945	115	263	567	55	2 945
1929 и ранее	918	136	177	605	82	3 263
* Основные итоги Микрореписи населения 1994 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1995. С. 20.						

Статистика гораздо ярче отражает появление новых ментальных черт в сфере воспроизводства через анализ показателей отдельных поколений. Под ними здесь будут пониматься возрастные группы, характеризующиеся общностью социальных условий, оказавших на них специфическое воздействие. Наиболее яркий пример – «дети войны» - поколение 1940-х годов. Они получили в литературе (как научной, так и публицистической) такое определение в силу

признания того большого влияния, которое оказало на их судьбу военное время. Тяготы войны и послевоенного восстановительного периода стали главным фактором, определявшим условия, в которых они появлялись на свет и росли. Этот же фактор сказался на субъективных их качествах: характере, поведении, взглядах на жизнь и т.д.

Для каждого из поколений демографический фон был своеобразным и менялся в зависимости от того, в каком возрасте и на каком этапе жизненного пути они заставляли те или иные перипетии социальной истории страны и края. Живущие в каждый конкретный момент времени поколения представляют собой совокупность родившихся и формировавшихся в качественно различающихся исторических условиях, что определяет разнородность облика всего населения и влияет на их демографическое развитие.

К началу исследуемого периода в сельской местности края проживали несколько поколений сельских женщин, каждое из которых отличалось некоторыми специфическими чертами, и, в первую очередь, характером демографического поведения. Село к 1960-м годам уже не было патриархальным, и едва ли пожилые женщины могли иметь серьезное влияние на молодежь, но все же они оставались своеобразным оплотом прошлого. В массе своей сельчанки старше 40 лет, треть которых родились еще в XIX веке, относились к поколению, сформировавшемуся в традиционном обществе. Можно также предположить, что наиболее ярые сторонники «новой жизни» и модернизации были одновременно и наиболее непоседливыми, успели уже уехать в города, и деревнях остались представительницы патриархальной культуры и традиционного типа демографического поведения. Наиболее характерными чертами его являлись: практически неконтролируемая рождаемость, отношение к своему здоровью по принципу «как Бог пошлет», высокая ценность брака и семьи, отрицательное отношение к незамужней жизни, а также невысокая миграционная активность, скорее по принуждению, чем от охоты к перемене мест.

Поколения 1920-х годов были рождены в тяжелое для страны время, что уменьшило их относительную численность по сравнению с предшествующими

поколениями. Однако они уже родились под влиянием начавшейся демографической модернизации – процесса рационализации рождаемости. Молодость и зрелость этих женщин пришлась на вторую половину 1930-х - 1960-е годы, когда советская деревня переживала сложные катаклизмы: «великий перелом», голод, войну, период восстановления и послевоенного нажима на деревню. Это им в большей степени довелось испытать на себе все тяготы в самый продуктивный во всех смыслах период своей жизни. Главным образом не по своей воле, но они оказались подвержены демографической модернизации: с них начался бесповоротный процесс изменения демографического облика сельских женщин. Кризисы меняли не только структурные характеристики поколения: его численность, соотношение полов в нем, но и субъективную – поведенческую составляющую, вызывая к жизни новые стереотипы реагирования на изменения внешних факторов. Между тем поколение сельских женщин 1920-х годов в крае была самой стабильной возрастной группой: его численность за тридцать лет уменьшилась не столь сильно, как прочих, следовательно в течение исследуемого периода деревня «держалась» во многом именно на них.

Сельские женщины 1930-х годов рождения также испытали воздействие неблагоприятных факторов. От предшественниц их выгодно отличало только то, что они менее испытывали нехватку мужчин в молодых возрастах. В остальном же их становление и возраст наибольшей активности пришелся на период ускоренной модернизации, требовавшей вовлечения трудовых ресурсов. Деревня, особенно послевоенная, могла рассчитывать только на женщин. Сельчанки 1930-х годов рождения внесли свой немалый вклад как в общественное производство, так и естественное воспроизводство села.

Военное поколение сельских женщин заметно отличалось от предшествующих по своим социально-демографическим характеристикам. Численно оно было значительно меньше, чем смежные поколения³⁰². Война свела число рождений на небывало низкий уровень. Одновременно повысилась младенческая и детская смертность. Родив ребенка, мать не могла оказать ему

³⁰²Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 94.

должного ухода, поскольку она взяла на себя производственные функции ушедшего на фронт мужа. На «детей войны» пришелся, таким образом, двойной демографический «удар». Прямым следствием этого стала глубокая «яма», образовавшаяся в половозрастной структуре населения Красноярского края, как и всей страны в целом. Показатели рождаемости у женщины из этой когорты уже оказались ниже условного уровня в «два с половиной ребенка», который характерен для простого замещения поколений (табл. 21). Низкая численность и ограничение рождаемости этим поколением сыграло значительную роль в снижении рождаемости в красноярской деревне.

Большая часть когорты, рожденной в 1950-х годах, появилась на свет во время подъема жизненного уровня в деревне. Этим, а также тем, что их матери в основном еще не столь широко применяли регулирование рождаемости объясняется их относительно высокая численность. Сами дети 1950-х годов уже довершали модернизацию демографического поведения. У женщин этого поколения итоговые показатели рождаемости не обеспечивали простого воспроизводства даже в сельской местности, и с них начинается окончательный переход к современному типу.

Для поколения 1960-х годов уже был характерен современный тип демографического поведения, очевидно отражавший закрепление новых ментальных установок. Модернизация социально-демографической сферы завершилась ко времени вступлением данного поколения женщин в репродуктивный период. Даже оказавшись под воздействием стимулирующей политики начала 1980-х гг., они не продемонстрировали расширенного воспроизводства. Это говорит, в первую очередь, о том, что у них окончательно произошла перестройка представлений и взглядов на материнство. Представление о том, какой должна быть семья и женщина, к этому времени уже окончательно сложилась и приобрела форму стереотипа.

Поколения 1970 – 1980-х годов рождения в исследуемый период еще только готовились вступить в репродуктивный возраст, и не успели оказать влияния на воспроизводство, поэтому еще нельзя было говорить об итоговой рождаемости

для этих женщин. Тем не менее, по всем прочим характеристикам они уже соответствовали современному типу и можно утверждать, что с точки зрения ментальности они практически не отличались от своих ровесниц-горожанок. Таким образом, трансформация ментальности в отношении материнства окончательно завершилась в поколениях сельчанок, рожденных во второй половине XX века.

Основным государством все же считало профессиональную деятельность женщины. В печатных органах райкомов КПСС и районных советов депутатов трудящихся статьи, посвященные женщинам, ставили целью освятить прежде всего эту сторону ее жизни. Статьи о «изолировщице А. Скромной», «дойрке М. А. Баскаковой», «операторе Лидии Воробьевой» рассказывают о трудовых буднях сельчанок³⁰³. Семейный статус либо не упоминается, либо подчеркивается его вторичность. В статье «Мать-героиня» о матери 12 детей автор с восхищением пишет, что «все же она продолжает работать»³⁰⁴.

Вторым аспектом, на который необходимо, с нашей точки зрения, обратить внимание, является забота о здоровье. Поскольку в советском обществе однозначный приоритет отдавался общественному, а человек воспринимался, в первую очередь, как член коллектива, а не самостоятельный индивид, вопрос о самооценности личности не ставился. Напротив, понятие любви к себе в исследуемый период рассматривалось скорее с позиции эгоизма и носило негативную окраску. Массовый героизм, в том числе ценой здоровья, личного счастья и даже жизни, являлся источником производственных успехов и всячески поощрялся. С нашей точки зрения, в отношении к своему физическому состоянию и заботе о нем как в единственно социально одобряемой форме любви к себе, фокусировалось самоотношение советского человека.

Согласно опросу, забота о своем здоровье не являлась жизненным приоритетом. Болезни было принято лечить, а не предупреждать. В молодом возрасте болеть вообще считалось едва ли не постыдным, поэтому на признаки

³⁰³ «Сельская жизнь». 1976 г. 26 февраля. С.3.

³⁰⁴ Там же.

недомогания не обращали внимания. Лечили симптомы, а не причины заболевания, зачастую загоняя ее вглубь. Зинаида Аксенова вспоминала, как обратилась к гинекологу с жалобами на непрекращающиеся длительное время боли, а в ответ услышала от врача обвинение, что молодая девушка не хочет работать. В результате она приняла решение отказаться от медицинской помощи, и у нее развилось заболевание, которое чуть не привело к бесплодию³⁰⁵.

Женщины были более внимательны к своему здоровью, это являлось их характерной психологической чертой. Наиболее заметно это было при анализе гендерных различий в режимах смертности. Влияние биологической составляющей на процесс модернизации смертности, очевидно, не являлось определяющим фактором развития, основную роль в этом сыграли установки на заботу о здоровье, внимание к самочувствию, ну и в немалой степени, сложившуюся социальную установку «Берегите женщин!». В отличие от гендерно-нейтральных факторов, которые влияли на все население одинаково и обусловили повышение уровня смертности в целом, женскую смертность в течение исследуемого периода определяло витальное поведение, обусловленное взглядами на его женские особенности, которые диктовали им менее связанные с риском и перегрузками рабочие места, и поступки в целом. Мужчинам общество предписывало быть сильными, активными, оправдывалась их склонность к различным формам асоциального поведения, практически нормой для мужчин являлись вредные привычки: повальное курение, потребление алкоголя. Мужская работа в большей степени была сопряжена с опасностью, кроме того, они брали на себя ее основную тяжесть.

Уже в исследованиях 1970 – 1980-х годов, производимых по горячим следам, когда уровень смертности уже практически стал насущной проблемой, отмечалось, что в борьбе с новыми неблагоприятными факторами главной должна стать активность самого общества³⁰⁶. Изучение самосохранительного поведения сельских женщин края непосредственно не проводилось, однако исследования,

³⁰⁵ Полевые материалы автора: Аксенова З. А., г. Красноярск, 2007 г.

³⁰⁶ Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 125.

проведенные в 1980 – начале 1990-х годах на общероссийских материалах позволяют сделать некоторые выводы о характере витального поведения женщин. Исследования показали пассивное отношение к своему здоровью, отсутствие привычки предотвращать болезнь, низкую культуру самосохранительного поведения. Вместе с тем, существует ряд особенностей, отличающих отношение женщин и мужчин к здоровью. Женщины демонстрировали больший спектр мотивов, стимулирующих заниматься им. У них был выше интерес к информации о здоровье и здоровом образе жизни, они уделяли больше внимание, например, пользе потребляемых продуктов. Среди женщин было менее распространено курение и употребление крепких спиртных напитков. Вместе с тем, для них более характерен такой риск в отношении здоровья, как подверженность стрессу, острое реагирование на неприятности в виде негативных эмоций.

Однако и мужчины и женщины, как показали опросы, были склонны недооценивать самосохранительные усилия самого человека³⁰⁷. Индивид предпочитал перекладывать заботу о себе на систему здравоохранения, а любые серьезные заболевания воспринимать как неизбежное следствие перегрузок на работе, плохой экологии, возраста. С момента перехода к новому типу смертности, когда на первое место вышли хронические заболевания, развитие которых в основном определяется образом жизни и действиями человека в отношении своего здоровья, эти стереотипы начинают негативно сказываться на уровне заболеваемости и приводят к росту смертности населения.

В ходе советского периода истории традиционные представления о правильном, здоровом образе жизни претерпели серьезные изменения. Забота о здоровье являлась общественным достоянием, что выражалось в массовой вакцинации, пропаганде профилактики заболеваний, бесплатном медицинском обслуживании. Специфическая защита женщин выражалась в ограничении занятости на особо вредном производстве, хотя нередко встречались женщины-механизаторы, комбайнеры. Не мог не сказываться на стереотипах

³⁰⁷ Иванова Л. Ю. Самосохранительное поведение и его гендерные особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/applied_research/document644.shtml (дата обращения: 18.07.2013 г.)

самосохранительного поведения и культивируемый массовый героизм: игнорирование плохого самочувствия, отказ от посещения медицинских учреждений в профилактических целях, приоритет интересов общественных над личными.

Учитывая ограниченные возможности использования официальной медицины и территориальную близость к природе, понятным становится применение медицины традиционной, обращение к целительству и знахарям. Равным образом как и сама медицина, так и отношение к своему здоровью у сельчанок осталось на уровне эпохи ранней индустриализации, не перейдя модернизационного рубежа к постиндустриальному обществу. Лишь осуждение женских вредных привычек и в целом более щадящие условия труда способствовали большей продолжительности жизни у женщин по сравнению с мужчинами.

Женский алкоголизм безусловно осуждался, пьющая женщина подвергалась общественному порицанию в гораздо большей степени, чем мужчина-алкоголик. В статье, опубликованной в районной газете «Хакасский труженик» в 1981 г. с характерным названием «Потерявшие честь» рассказывается следующее: «В с. Кизласе много пьющих женщин, и только В. Костюкова встала на правильный путь. А такие женщины как З. Кизласова, В. Томоякова, В. Кучугешева продолжают морально и физически калечить своих детей, утонув в беспробудном пьянстве. Мечта о свободной и легкой жизни заставила З. Кизласову шесть лет назад без сожаления бросить семерых детей, где старшей Любе исполнилось только 16 лет, а маленькому Вадику минул второй годик». Репортеры с сочувствием и болью описывают результаты посещения новой семьи героини статьи В. Кизласовой: «А в помещении невольно содрогнешься при виде двух замурзанных детей от «любимого человека». Рубашки этих крошек блестят и лоснятся от месячной грязи... Убогость этой хибары дополнялась мебелью пещерного человека: чурочки-стулья, скамейка, со времен изготовления не

видевшая чистой воды, кровать, на которой лежит пропитанный потом и грязью войлок»³⁰⁸.

Борьбой с женским пьянством на селе активно занимались женсоветы, что можно увидеть на примере женского совета пос. Беяки Беякинского совета народных депутатов: «На заседаниях рассматривается поведение женщин – бытовых пьяниц»³⁰⁹. «По рекомендации Малиновского женского совета лишена судом прав Лапина Е. П., имеющая двоих детей, и направлена на принудительное лечение в ЛТП на полтора года»³¹⁰. Имеются в архивах и материалы об успехах в работе с женским пьянством: «Не прекращалась борьба за нормальную жизнь с дояркой Семеновой Н. И., пока добились, заставили лечиться, сейчас это совершенно другой человек: в доме порядок, дети рады, сама Семенова видеть не может пьяниц»³¹¹.

Таким образом, можно констатировать, что у красноярских сельчан сохранялись в целом нерациональные стереотипы витального поведения, выражающиеся в пренебрежении к своему здоровью, привычке к самолечению, которые зачастую являлись пережитками характерного для традиционного типа пассивного отношения к своему здоровью. Важнейшим элементом завершения эпидемиологического перехода должно было выступать изменение самосохранительного поведения индивида, за счет которого было возможно увеличение продолжительности жизни. Новая структура причин смертности требовала более внимательного отношения человека к собственному здоровью и более осторожного поведения в условиях техногенной среды. Однако стереотипы витального поведения, характерные для женского населения, выступали своеобразным способом самозащиты, в котором женщины преуспели больше, чем мужчины, что выразилось в более низких по возрасту показателях женской смертности и большей продолжительности жизни.

³⁰⁸ Хакасский труженик. 1981 г. 12 февраля. С. 2.

³⁰⁹ ГАКК. Ф. П.-971. Оп. 1. Д.8., Л.1.

³¹⁰ ГАКК. Ф. П.-971. Оп. 1., Д.8, Л.18.

³¹¹ ГАКК. Ф. П.-971. Оп. 1., Д.8, Л.6.

Анализ статистических данных показывает, что эволюция психологических характеристик сельских женщин Красноярского края в сфере естественного воспроизводства и факторов его эволюции шла через распространение «городских» стереотипов и норм среди жителей деревни. Социокультурный разрыв между сельской и городской подсистемами стремительно сокращался. Сельчанки не только сближались с горожанками по основным демографическим показателям, но и в своем поведении все более ориентировались на городские модели. Репродуктивные установки, а также модели самосохранительного поведения приближались к городским стандартам. Однако модернизация взглядов на сохранение своего здоровья у сельчанок проходила в условиях крайне низкой материально-технической базы деревни. Природно-климатические и экономические особенности развития региона обусловили более остро стоящую перед женщинами проблему двойной занятости, крайне неблагоприятные условия складывались в области охраны здоровья. Значительно по сравнению с предыдущим периодом в женском населении распространились курение и алкоголизм. Отсутствовала профессиональная служба психологической помощи в стрессовых ситуациях. В результате многие черты современного типа самосохранительного поведения, характерные для постиндустриального общества, не могли утвердиться по объективным причинам.

Третье направление исследования демографического поведения сельчанок – изучение их матримониального поведения и семейного состояния. Принято считать, что именно женщины в большей степени стремятся вступить в брак и более заинтересованы в его сохранении. Поэтому сфера семейных, и в первую очередь, матримониальных отношений традиционно считается «женской». Она, как ни какая другая, развивается под воздействием множества социальных регуляторов и связана с развитием важнейшей стороны человеческой жизни: формирования семьи. При изучении социокультурных характеристик сельских женщин анализ характеристик брачности и разводимости описывает одну из важнейших ее составляющих.

Статистическими источниками изучения брачности и разводимости служат данные текущей статистики органов ЗАГС. Государство фиксировало количество официально заключенных и расторгнутых браков, и к сожалению, не учитывало создание и распад консенсуальных (гражданских) союзов, которые не были редкостью в деревне. Валовые показатели, рассчитанные на основании этих неполных данных, могут служить лишь ориентирами относительно общих тенденций брачных процессов в сельской местности. Основными источниками при анализе матримониальных установок сельских женщин являются материалы переписей населения. Переписные данные фиксировали самоопределение людей относительно своего брачного состояния, следовательно, наиболее близки к реальному положению вещей. Хотя эти данные также грешат условностью (как известно, в переписных данных численность замужних женщин и женатых мужчин не совпадает), имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют изучить ментальные матримониальные установки сельских женщин.

В общем и целом брачная ситуация в сельской местности края в исследуемый период характеризуется следующими тенденциями: сокращением абсолютного числа заключенных браков и общего коэффициента брачности и неуклонным увеличением абсолютного и относительного числа разводов (табл. 22). При этом динамика показателей брачности была нестабильной за счет повышения в 1970-х годах, в то время как разводимость постоянно росла на протяжении всего исследуемого периода, увеличившись за тридцатилетие в 6 – 7 раз.

Таблица 22 – *Абсолютные и относительные показатели брачности в Красноярском крае в 1960–1980-х гг.**

	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
Число браков в селах, тыс.	12,8	7,5	8,5	9,3	9,0	7,8	6,3
Число браков на 1 000 чел. в селах, ‰	11,5	6,9	9,1	10,8	11,1	9,6	7,7
Число браков на 1 000 чел. в городах, ‰	16,5	11,4	12,3	12,0	11,8	10,9	9,6
Число разводов в селах, тыс.	0,3	0,5	0,9	1,3	1,8	1,9	1,7
Число разводов на 1 000 чел. в селах, ‰	0,3	0,4	1,0	1,5	2,2	2,3	2,1
Число разводов на 1 000 чел. в городах, ‰	1,6	2,5	4,0	4,4	5,3	5,2	4,8
* Демографический ежегодник Красноярского края. 1996 г. Красноярск, 1997. С. 52.; Демографический ежегодник Красноярского края. 2000 г. Красноярск, 2001. С. 54.							

Согласно статистическим данным, в 1960 г. в красноярских селах было заключено 12,8 тыс. браков, то есть 11,5 на каждые 1000 человек. За 1960-е годы произошло резкое сокращение абсолютных и относительных показателей брачности. Уже в 1970 г. в сельской местности было зарегистрировано в полтора раза меньше брачных союзов (8,3 тыс.), чем десятилетие назад, а относительное число сократилось до 9,1‰. Вместе с тем в середине 1960-х годов статистика зафиксировала минимальную величину общего коэффициента брачности за весь исследуемый период.

Основной причиной снижения показателей брачности, а также колебательного характера процесса являлось действие структурного фактора. Как известно, для числа ежегодно заключаемых супружеских союзов первостепенное значение имеет, во-первых, число людей в наиболее бракоспособном возрасте (для женщин это преимущественно 20-29 лет), а во-вторых, благоприятное соотношение полов в этих возрастах, т.е. наличие необходимого числа потенциальных партнеров соответствующих возрастов (для мужчин это 25-35 лет). Поскольку численность населения в возрасте наибольшей брачности в сельской местности края была очень нестабильной, это не могло не отразиться на динамике процессов.

В 1960-е годы в возраст наибольшей брачности вступило немногочисленное поколение «детей войны». Это закономерно вызвало уменьшение числа заключенных супружеских союзов. Кроме того, вмешалось действие миграционного оттока, в первую очередь молодых сельчанок, что привело к нехватке невест. В результате суммарного действия двух этих факторов падение общего коэффициента брачности, как иллюстрирует статистика, в сельском населении было более заметным, чем в городском.

В первой половине 1970-х годов коэффициенты брачности довольно заметно выросли: к 1979 г. общий коэффициент брачности составил 11,3‰, практически сравнявшись с городским показателем. Ежегодное число заключенных браков в сельской местности края колебалось от 8,8 тыс. в 1971 г.

(минимальное значение) до 9,6 тыс. в 1974 г. (максимальное значение)³¹². В отличие от городов, где число браков на тысячу жителей незначительно сократилось, в селах возросло и примерно достигло уровня начала 1960-х годов.

В 1970-х годах число заключенных браков росло за счет вступления в возраст наибольшей брачности поколения 1950-х годов – самого многочисленного из послевоенных поколений. Они же демонстрировали большую интенсивность заключения браков, даже несмотря на продолжающийся миграционный отток женщин, что отразилось в увеличении общего коэффициента брачности до уровня начала 1960-х годов. В городской местности этот своеобразный «брачный ренессанс» был не столь велик. Произошедшее там за десятилетие сокращение практически не было компенсировано.

В 1980-х годах в сельской местности края снова произошло уменьшение как числа зарегистрированных браков, так и общего коэффициента брачности. Численность бракоспособного контингента в эти годы сократилась. На авансцену вышло относительно немногочисленное поколение 1960-х годов рождения, что определило общее сокращение числа браков. Снизилась и интенсивность вступления в брак. Однако это не свидетельствовало о падении престижа брака в данной когорте, а отражало еще одну особенность развития брачности: увеличение доли уже состоявших в браке, что объективно снижало брачность. Компенсаторная брачность, сглаживавшая последствия войн и социальных катаклизмов XX века, в это десятилетие уже не играла в деревнях большой роли.

В 1990 году в красноярских селах было сыграно в два раза меньше свадеб, чем в 1960 г. – лишь 6,3 тысячи, а показатель на 1000 человек населения сократился за весь исследуемый период в полтора раза: с 11,5‰ до 7,7‰. Большинство бракоспособного сельского населения к началу 1990-х годов либо состояло в браке либо, учитывая «старость» возрастного состава села, уже не стремилось к этому. Между тем в городах интенсивность заключения браков снизилась еще более заметно – практически вдвое с 16,5‰ до 9,6‰, что особенно показательно с учетом сохранения там более молодой возрастной структуры в

³¹² Рассчитано по: Демографический ежегодник Красноярского края. 1996 г. Красноярск, 1997. С. 52.

этот период. На основании этого мы косвенно можем сделать вывод о том, что брак на селе в большей степени сохранил свои позиции.

Статистика при этом фиксировала рост числа разводов. Известно, что для традиционного общества развод был явлением чрезвычайным, практически всегда вынужденным. Такие «незначительные» поводы как несовместимость характеров или отсутствие любви и взаимной склонности между супругами не представлялись достаточными для расторжения брака. В результате разводы крайне редко оформлялись юридически, и муж и жена могли являться супругами, фактически не имея супружеских отношений и даже не проживая совместно. Равным образом в красноярских селах одной из причин, сдерживающей рост разводов до начала 1970-х годов, была сложная процедура бракоразводных процессов.

В 1960-х годах развод в красноярской деревне был еще редким событием, объявление о котором публиковалось в местной печати. Далеко не в каждом номере районной газеты начала десятилетия на последней странице можно встретить объявление, подобное этому: «Момотов Леонид Максимович, проживающий в с. Партизанском, возбудил дело о расторжении брака с Солдаткиной Анной Михайловной, проживающей в г. Усолье-Сибирское»³¹³. Уровень разводимости в селах края был ниже, чем в среднем по сельской местности РСФСР и значительно отставал от городского населения края. Однако несмотря на имевшиеся препоны, число разводов в селах края постоянно увеличивалось, и за десятилетие сравнивалось со среднероссийскими показателями разводимости по сельской местности³¹⁴. Динамика абсолютного числа разводов показывает нарастание интенсивности процесса в 1970-х годах. Законодательное упрощение регистрации разводов послужило лишь дополнительным стимулом для увеличения их числа, что привело к юридическому оформлению уже давно распавшихся браков, «накопившихся» за предшествующие годы.

³¹³ «Сельская жизнь». 1963. №15. С. 4.

³¹⁴ Семья в России: статистический сборник. С. 35.

Уровень разводимости продолжал расти вплоть до конца исследуемого периода. В результате с 1960 г. по 1989 г. коэффициент разводов на 1000 человек населения в сельской местности края увеличился в восемь раз: с 0,3‰ до 2,4‰, абсолютно сравнившись со среднероссийским по сельской местности³¹⁵. И все же уровень разводимости в селах края оставался более чем вдвое ниже, чем в городах края, где в 1989 г. он составил 5,3‰³¹⁶.

Первоначально нами было выдвинуто предположение, что столь низкий уровень разводимости на селе был обусловлен большей распространенностью фактических союзов на селе, распад которых не оформлялся и не отражался в статистике. Однако результаты ретроспективного опроса показали, что отношение к разводу на селе было негативным, а к разведенным женщинам в значительной мере отрицательным. «Раньше в деревнях были крепкие семейные пары. Большое значение играл для женщины брак. Разведенных пар было мало, так как к ним было плохое людское отношение, к ним люди относились с презрением», сравнивает с современным состоянием брачную сферу на селе жительница д. Ольховка Ачинского района Пелагея Степановна Дубовицкая³¹⁷. Вторят ей и другие опрошенные.

На партийной конференции Новоселовского района в 1960 г. пенсионерка А. А. Курапова заявляла: «У нас еще не все в порядке с поведением среди молодежи. В райцентре есть такой коммунист Ярлыков, который бросил жену и двух детей и уже успел жениться на другой. Работающий на пекарне коммунист Ковалевский бросил жену с двумя детьми, другой женщине «прижил» ребенка, сбивает эту женщину с толка»³¹⁸.

Косвенно представление о престиже замужнего состояния подтверждает высказываемое опрошенными отношение к матерям-одиночкам. Их жалели, старались помочь, если муж погиб или отказывался воспитывать детей. «В шестидесятые годы в деревне не принято было рожать без мужа, а в семидесятые-

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Социальный паспорт Красноярского края. Красноярск, 1977. С. 110; О демографических процессах в Красноярском крае. Красноярск, 1993. С. 6.

³¹⁷ Полевые материалы автора: Дубовицкая П. С., д. Ольховка Ачинского района Красноярского края, 2017 г.

³¹⁸ ГАКК. П-26. Оп. 33, Д. 140, Л. 36.

восьмидесятые на это смотрели уже проще. К матерям-одиночкам относились так же, как и к другим матерям, только все понимали, что на них лежит большая ответственность, им намного труднее растить детей в одиночестве», вспоминала Екатерина Егоровна Кандалинцева из д. Николаевка Боготольского района³¹⁹.

Матерей с «нагулянными» детьми, то есть рожденными вне брака, осуждали, а детей дразнили другие, «законные» дети. «Это был позор, как факт, но со временем все как-то претерпевалось», говорила о внебрачных рождениях Антонина Алексеевна Борисова, жительница с. Большой Улуй Большеулуйского района³²⁰. Устинья Ивановна Баловсяк из с. Тины Нижнеингашского района на вопрос как относились к матерям-одиночкам, прямо указывает на различия: «Смотря каким образом она стала матерью-одиночкой: если муж умер или погиб, то с сочувствием, если «нагуляла» - с осуждением». Она же упоминает о том, что «к разведенным относились с осуждением: «Не смогла мужика удержать у своей юбки»»³²¹.

В то же время по темпам увеличения разводимости в 1960 – 1980-х годах село заметно опережало город, что стало следствием «догоняющего» характера модернизации брачности села. Еще в 1971 г. в своем исследовании А. Г. Харчев и С. И. Голод, оценивая современную им обстановку, называли стабильную семью в деревне «прежней»³²², таким образом указывая на то, что старая система контроля за внутрисемейными взаимоотношениями через внешние институты, уже ушла в прошлое. По их мнению, этому способствовали индустриализация и урбанизация, так что не удивительно, что в исследуемый период в крае стабильность семейного института заметно покачнулась.

Исследованные даже в самом общем виде характеристики развития брачной сферы позволяют отметить, что перемены, происходившие на брачном фронте красноярских сел, были обусловлены, в первую очередь, объективными

³¹⁹ Полевые материалы автора: Кандалинцева Е. Е., д. Николаевка Боготольского района Красноярского края, 2017 г.

³²⁰ Полевые материалы автора: Борисова А.А., с. Большой Улуй Большеулуйского района Красноярского края, 2017 г.

³²¹ Полевые материалы автора: Баловсяк У.И., с. Тины Нижнеингашского района Красноярского края, 2017 г.

³²² Харчев А.Г., Голод С.И. Профессиональная работа женщин и семья. Ленинград, 1971. С. 136.

процессами в народонаселении (сокращением численности и постарением половозрастного состава сельчан). Статистически это фиксировали материалы переписей населения, которые каждый раз показывали увеличение доли состоящих в браке среди женщин при сохранении численно относительно стабильной доли женатых мужчин (табл. 23).

Перепись 1959 г. показала, что в селах края состояли в браке лишь 57,3% женщин. Процент женатых мужчин брачного возраста был намного выше – 72,2%. Такая разница в уровне брачности была вызвана военными потерями мужского населения и усиливалась послевоенной миграцией мужчин на восстановление городов. Как отметила в своей статье И. П. Ильина, Великая Отечественная война, с одной стороны, нарушила половую пропорцию у ровесников, у которых перед войной она приблизительно соответствовала норме, с другой стороны, усугубила диспропорцию полов в возрастных группах мужчин и женщин, которая существовала еще в 1939 г. как следствие Первой мировой и Гражданской войн³²³. Красноярский край относительно благополучно выглядел на общероссийском фоне, где прямые последствия войны ощущались более остро: в среднем в РСФСР замужем было меньше половины (48,8%) сельских женщин³²⁴. Даже беглое знакомство со статистическими данными показывает, что действие обусловленного войной структурного фактора сохранится в течение всего исследуемого периода, однако его значение будет постепенно ослабевать по мере того, как затронутые войной поколения будут замещаться более молодыми когортами.

Таблица 23 – *Состояние в браке сельского населения Красноярского края в возрасте 16 лет и старше (на 1 000 человек) в 1959–1989 гг.**

Территория	1959		1970		1979		1989	
	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
Красноярский край	573	722	634	720	654	720	695	710
Хакасская автономная область	573	739	621	759	640	739	681	765

³²³ Ильина И. П. Влияние войн на брачность женщин. М., 1977. С. 55.

³²⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 98-99.

Таймырский автономный округ	623	693	646	602	663	666	693	641
Эвенкийский автономный округ	588	670	637	676	659	647	749	676
* Итоги Всесоюзной переписи населения по Красноярскому краю 1959 г. М., 1963. С. 101; Итоги Всесоюзной переписи населения по Красноярскому краю 1989 г. Красноярск, 1990. С. 84–93.								

Брачная судьба тех, кто вступал во взрослую жизнь в начале исследуемого периода и в конце его, складывалась в совершенно разных условиях, и это отражает статистика. Между тем взгляды и установки на брак оказались удивительно живучими: молодые сельские женщины, как их матери и бабушки видели в замужестве главное предназначение.

Сравнение повозрастных показателей брачности по материалам переписей населения, а также данные текущей статистики о возрастном составе женившихся и разведившихся позволяют изучить особенности матримониального поведения различных поколений. Неоценимое значение для этого имеют материалы переписей 1979 г., 1989 г. и микропереписи 1994 г. о брачном состоянии населения, распределенные по возрастам: повозрастные коэффициенты брачности, отраженные в их материалах, по сути представляют собой результат матримониального поведения поколений.

В 1959 г. самый высокий процент замужних был у женщин в возрасте 25 – 34 лет (табл. 24). Это было обусловлено, во-первых, тем, что их наиболее вероятных брачных партнеров (женщины чаще всего выходят за мужчин несколько старше себя) война не затронула или затронула в малой степени, а во-вторых, тем, что смертность у мужчин в этом возрасте относительно невысока, следовательно, среди молодых женщин невысоким был процент овдовевших. Действие мужской сверхсмертности усиливалось для более старших сельчанок. Доля состоящих в браке сельских женщин в возрастных группах после 35 лет плавно уменьшалась по мере продвижения к старшим возрастам, достигая минимума – 21,8% - у женщин старше 70 лет.

Таблица 24 – *Число лиц, состоящих в браке в сельской местности Красноярского края (на 1 000 человек данного пола и возраста)**

Возрастная группа,	Женщины	Мужчины
--------------------	---------	---------

лет	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
16 лет и старше, в том числе:	567	634	654	695	713	720	720	710
16–19	352	326	317	395	63	57	48	45
20–24	620	658	751	759	348	319	441	382
25–29	803	883	862	884	848	768	795	721
30–34	808	898	885	903	938	860	843	787
35–39	763	888	876	892	959	913	863	808
40–44	651	844	868	873	960	933	888	811
45–49	560	779	833	837	962	948	921	816
50–54	489	659	758	794	958	950	929	845

Продолжение таблицы 24

Возрастная группа, лет	Женщины				Мужчины			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
55–59	419	538	648	724	942	947	936	882
60–69	403	396	433	565	906	931	926	882
70 и более	218	225	180	205	722	781	809	788

** Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Красноярск, 1971. С. 84–85; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 84–85.*

Брачная судьба многих женщин когорты 1915–1925 годов рождения описана словами тетки Улиты из одноименного рассказа В. Г. Распутина, которая на вопрос, почему в течение жизни она не вышла замуж, отвечала: «За кого? После войны не за кого было, потом женихи подросли, да я уж сама изросла»³²⁵. Согласно статистическим данным, шансов устроить свою судьбу у этих сельчанок в 1960 – 1980-е годы также было крайне мало: уровень брачности мужского населения характеризовался как сверхвысокий. Начиная с возраста 35 лет, в каждой возрастной группе состояли в браке более 90% мужчин. Исключение составляли лишь старики, перешагнувшие рубеж 70 лет.

Гораздо более благоприятным было брачное положение сельских женщин помоложе. По данным переписи, в 1959 г. среди молодежи процент женатых был небольшим: в возрасте 16 – 19 лет семьей успели обзавестись лишь 6,3% сельских юношей, а среди 20 – 24-летних таковых было 34,8% (табл. 24). Таким образом, теперь противоположная диспропорция полов: превышение численности мужчин над численностью женщин в молодых возрастах стало одним из основных факторов развития брачности в красноярских селах. Теоретически расширялась возможность выбора среди потенциальных женихов, следовательно,

³²⁵ Распутин В. Г. Тетка Улита // На Родине. Рассказы и очерки. М., 2005. С. 148.

складывались предпосылки для сверхвысокого уровня брачности сельских женщин, по крайней мере, в молодых поколениях.

Статистические данные показывают, что брачное поведение молодых сельчанок было очень активным. Вступление в брак женщин начиналось сразу после достижения минимального допускаемого законом брачного возраста – 18 лет. Некоторые девушки выходили замуж раньше, что разрешалось в порядке исключения, часто по достижению невестой брачного возраста регистрировался фактически существующий союз. В отличие от мужчин, от которых общественное мнение требовало, чтобы они «встали на ноги», девушки воспринимались готовыми к замужеству буквально по достижению совершеннолетия и даже раньше. Некоторые девушки выходили замуж еще в школьном возрасте. Районная пресса пестрит репортажами и заметками о сельских женщинах – передовиках производства, которые совмещали роль матери семейства с обучением в вечерней школе.

Яркой социокультурной чертой красноярских сельчанок, как и в целом женщин в сельской местности РСФСР, являлась ранняя брачность. Она стимулировалась высокой субъективной ценностью брака и «замужнего» положения для молодых девушек, усиливаемой примерами жесткой конкурентной борьбы за мужчин, характерной для старших поколений. Подтверждение этой мысли мы находим в данных опроса сельских женщин. В первую очередь в них говорится о том, что жизнь на селе без мужской помощи крайне тяжела, и эта объективная особенность сельского образа жизни. По воспоминаниям Альбины Филипповны Коркуновой, жительницы с. Копьево Орджоникидзевского района Хакасской автономной области, «разведенных почти не было, женщины держались за мужчин, за брак, даже если знали, что он «ходит налево», и даже если любил выпить, потому что мужчин было мало»³²⁶. Изольда Алексеевна Пряткина, жительница села Бея Бейского района Хакасской

³²⁶ Полевые материалы автора: Коркунова А. Ф., с. Копьево Орджоникидзевского района Красноярского края, 2017 г.

автономной области: «Мужа не бросила ни трезвого, ни пьяного, ни больного, ни здорового, ни живого, ни умершего. За умершего молюсь»³²⁷.

Максимальная частота заключения браков приходилась на возрастную группу 20 – 24 года, в 1960 г. 41,5% всех невест находились в этом возрасте (табл. 25). На женщин смежных возрастных групп приходилось примерно равное число заключенных в этом году браков: 14,8% – среди не достигших 20 лет и 14,0% в группе 25 – 29-летних. 8,7% вышедших в 1960 г. замуж сельчанок находились в возрасте 30 – 34 года. На более старшие возрастные группы приходился небольшой процент вступления в брак, что было вызвано как нехваткой мужчин, так и тем, что в таком возрасте женщины уже не всегда регистрировали браки, предпочитая проживать в фактическом союзе.

Таблица 25 – *Возрастная структура вступающих в брак сельских жителей Красноярского края в 1960 г., %**

	До 20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60 и более
Женщины	14,8	41,5	14,0	8,7	4,9	5,7	3,0	4,7
Мужчины	3,4	41,4	23,6	9,5	3,8	5,2	2,6	7,9
* Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7865. Л. 82.								

Особенностью мужской брачности был ее низкий уровень у юношей в возрасте до 20 лет, еще не служивших в армии, и более высокий у 25 – 29-летних. Доли вступивших в брак в прочих возрастных группах были приблизительно равны долям в соответствующих возрастах у женщин.

За первую половину 1960-х годов не только произошло обвальное сокращение числа регистрируемых браков, но и заметно изменился возрастной состав невест (табл. 26). Сокращение во многом произошло за счет уменьшения числа браков, заключенных сельчанками в возрасте 20 – 24 лет. Их доля в общей численности вышедших замуж женщин сократилась с 41,5% в 1960 г. до 23,0% в 1965 г., а абсолютная численность – с 6,3 тысяч до 2,0 тысяч. Причиной послужило в первую очередь уменьшение численности данной возрастной группы.

³²⁷ Полевые материалы автора: Пряткина И. А., с. Бея Бейского района Республики Хакасия, 2017 г.

Таблица 26 – *Возрастная структура вступающих в брак сельских жителей Красноярского края в 1965 г., %**

	До 20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60 и более
Женщины	20,4	23,0	16,7	7,9	6,7	8,0	11,2	6,1
Мужчины	3,4	23,9	31,8	8,4	6,4	5,7	9,2	11,2
* Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 7728. Л. 8 об.								

Большинство женившихся в 1965 г. мужчин находились в возрасте 25 – 29 лет, доля их ровесниц, вышедших замуж, составила лишь 16,7%. В старших возрастных группах доли вступивших в брак у женщин и мужчин были практически равными, как и в 1960 г. Сохранился и разрыв в уровне брачности сельчан старше 70 лет: у женщин доля вступивших в брак составила лишь 6,1%, в то время как у мужчин – 11,2%. Это объяснялось тем, что женщинам в этом возрасте элементарно не хватало потенциальных женихов, поскольку на 1000 женщин в этом возрасте приходилось 448 мужчин³²⁸.

Диспропорция полов влияла и на выбор брачного партнера по возрасту (табл. 27). В 1960 г. девушки моложе 20 лет выходили замуж в основном за мужчин 20 – 29 лет, что вполне естественно, так как ровесники считались не вполне готовыми к семейной жизни. Большая часть 20 – 24-летних сельчанок, которые и составляли основной контингент невест 1960 г., – 61,4% вышли замуж за своих сверстников, за мужчин 25 – 29 лет – почти треть (28,0%), 5,2% отдали предпочтение мужчинам старше 30 лет, а 4,4%, напротив, младше себя.

Таблица 27 – *Возраст брачных партнеров сельских женщин Красноярского края в 1960 г.**

Возраст брачных партнеров	На 1 000 вступивших в брак женщин соответствующего возраста			
	до 20	20–24	25–29	30 и более
до 20	92	44	15	—
20–24	681	624	309	37
25–29	211	280	432	95
30 и более	16	52	244	868
* Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7865. Л. 82.				

³²⁸ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1531. Л. 70-72.

Большая часть 25 – 29-летних сельчанок – 43,2% также вышли замуж за сверстников, однако значительной была и доля ставших женами мужчин младше себя – у 30,9% женщин этой возрастной группы мужьям было 24 – 25 лет, а у 32 сельчанок (1,5%) – менее 20 лет.

В возрастной группе 30 лет и старше ситуация была аналогичной: большинство предпочитало в качестве женихов своих сверстников, однако некоторая часть выходила замуж за мужчин младше себя. Это стимулировалось как нехваткой мужчин старших возрастов, так и с другой стороны – женщин в молодых, что побуждало мужчин в свою очередь связывать судьбу с женщинами намного старше себя. Разница в возрасте между мужем и женой при этом могла быть очень существенной. В 1960 г. одна сельчанка из возрастной группы 35 – 39 лет вышла замуж за мужчину моложе 20 лет, двое 50 – 54-летних стали женами 30 – 34-летних сельчан, а одна – мужчины из возрастной группы 25 – 29-летних³²⁹. Возраст жениха на двадцать и более лет младше невесты не всегда являлся препятствием для заключения брака. Таким образом сельчанки из когорт с деформированной войной половозрастной структурой восполняли недостаток женихов.

За пятилетний период ситуация практически не изменилась: сельчанки до 25-летнего возраста в основном выходили замуж за мужчин старше себя, а начиная с 25 лет – за ровесников³³⁰. Однако статистика показывает, что неравные в возрастном отношении браки также имели место, что говорит об их относительной распространенности. Сохранялась компенсаторная брачность. Также в условиях ограниченности выбора в собственном населенном пункте, сельчане связывали свою судьбу с тем, кто был свободен и казался подходящей парой. Вероятно, если такие браки регистрировались, то существовала и значительная часть незарегистрированных союзов, которые не были оформлены по разным причинам

³²⁹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7865. Л. 82.

³³⁰ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 35. Д. 7728. Л. 80б.

В отличие от уровня мужской брачности, который за остался неизменным, в 1970 г. уровень женской повысился (табл. 23). Последствия войны сохранялись в относительно низком уровне брачности сельчанок 45 лет и старше. Впервые за послевоенное время появилось превышение, хотя и незначительное, повозрастных показателей женской брачности над мужской: среди 25 – 29-летних в браке состояло 88,4% женщин и 86,0% мужчин. Таким образом, несмотря на то, что сельчане очень активно стремились заключить брак, теперь этому мешала нехватка женщин в молодых возрастах, которая сохранилась и в последующие десятилетия.

В 1979 г. уровень брачности сельчанок еще немного повысился и составил 65,4% (табл. 23). За десятилетие он возрос в возрастных группах 16 – 25 и старше 45 лет. У сельчанок наиболее репродуктивных возрастов доля состоящих в браке незначительно уменьшилась. Важно отметить, что при этом она осталась на более высоком уровне, чем повозрастные показатели у городских женщин, несмотря на то, что выбор брачных партнеров у горожанок был значительно шире. Исходя из этого, можно сделать вывод, что для матримониального поведения сельчанок в 1970-х годах была характерна большая интенсивность вступления в брак, чем для других демографических групп населения края.

По данным переписи 1979 г. процент состоящих в браке женщин в возрасте от 25 до 39 лет был выше, чем у мужчин. Но все же несмотря на то, что доля женатых сельских мужчин по сравнению с предыдущей переписью уменьшилась в каждой возрастной группе, уровень брачности у них в основном групп был выше женского. Самые высокие показатели мужской брачности обнаруживаются теперь в возрастной группе 45 – 59 лет, то есть в той, где уровень женской, напротив, был очень низким. Последствия военной диспропорции полов оказались последствиями долговременного действия, и сгладить ее не смогло даже заключение браков с более молодыми мужчинами. Кроме того, действие усугублялось мужской сверхсмертностью, за счет которой многие женщины этого возраста оставались вдовами.

Объяснение этому заключается не только в постарении женского населения, но и в улучшении брачной структуры, расширении возможностей выбора партнера, а также в изменении представления о браке. Развод очевидно стал восприниматься женщинами не как чрезвычайное событие в процессе формирования семьи, а скорее инструмент в борьбе за улучшение качества своего семейного состояния. Иначе как можно оценить историю, описанную в письме совсем еще молодой 24-летней сельчанки в редакцию журнала «Сельская новь»: «Мой муж, Василий, доводил меня, чтобы я подала на развод... Думала, не выживу. Но хватило сил пережить все унижения, сам развод. И теперь живу одна с детьми, работаю в школе учительницей, продолжаю учебу в институте. Знали бы вы, как я счастлива теперь! Как спокойна!»³³¹.

На рост разводов, как ни парадоксально, влиял и сохранявшийся престиж брака в глазах сельчанок. Боязнь «засидеться в девках», что считалось социально непрестижным, являлось достаточным мотивом для заключения брака, а возможность разорвать не сложившиеся семейные отношения делало отношению к нему более легким. Увеличивалось число «стимулированных» беременностью браков, которые так же считаются менее устойчивыми. Заключение брака перестало восприниматься как необратимый акт, а совершаемый в первую очередь по взаимной склонности, которая могла и исчезнуть.

Не менее интересным с точки зрения характеристики менталитета является доля разведенных и разошедшихся. В 1979 г. доли таковых в сельском населении края были незначительными как у женщин, так и у мужчин, что было вызвано высокой ценностью брачного союза, приводивших к распространению повторных браков.

Среди женщин доли разведенных были примерно одинаковыми во всех возрастных группах. Исключение составляли только самые молодые 16 – 19-летние сельчанки, у которых доля разведенных составила 1,5%. Это явилось следствием относительно небольшого числа заключаемых в этом возрасте браков, и не могло пока характеризовать матримониальное поведение этого поколения.

³³¹ «Сельская жизнь». 1988. №1. С. 5.

Так же немного разведенных – лишь 1,6% оказалось среди сельских женщин, родившихся до 1910 г., однако учитывая, что доля никогда не стоявших в браке среди них была еще меньшей – 1,3%, имеются основания утверждать, что развод для этих женщин был крайне редким явлением. В то же время, данные статистики позволяют сделать вывод о том, что сельчанки 1920-х гг. рождения и позднее прибегали к разводу или расставанию с супругом примерно в одинаковой степени.

Стабильность нарушала возрастная группа 35 – 39-летних, их них лишь 2,9% были разведены. Мужские показатели, напротив, были самыми высокими именно в этой возрастной группе 8,1%, в целом же они возрастали от самых младших, достигая пика в средних возрастах, а затем вновь уменьшаясь. Очевидно, более низкая доля разведенных в старших возрастах у мужчин объяснялась тем, что им было легче в случае распада брака вступить в новый, тогда как у женщин эти возможности объективно были более ограниченными.

Данные текущей статистики позволяют проследить эволюцию расторжения браков по их продолжительности, и содержат сведения о возрастном составе разводящихся. Согласно этим данным, в 1960 г. большинство разводов приходилось на браки продолжительностью от 5 до 9 лет – 32,5%, второе место занимали браки продолжительностью от 10 до 19 лет – 24,8% из всех расторгнутых брачных союзов (табл. 28). Практически все они (98,2%) были первыми. Это подтверждает сделанный выше вывод о том, что разводы в сельской местности прежде не были распространены. Разводы становились обычным явлением в деревне и в основном за счет сельчанок в молодых возрастах: чаще всего браки расторгали женщины 25 – 39 лет (табл. 29).

Таблица 28 – *Распределение разводов по продолжительности расторгнутых браков в сельской местности Красноярского края в 1960–1989 гг., %**

Годы	До года	1–2 года	3–4 года	5–9 лет	10–19 лет	20 лет и более
1960	10,5	12,7	16,5	32,5	24,8	3,0
1989	2,6	13,1	15,1	29,4	28,3	11,6

* Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7866. Л. 9 об.; Естественное и механическое движение

На долю сельчанок в возрасте старше 40 лет в 1960 г. пришлось 8,9% разводов. Это объяснялось тем, что именно у этих женщин была самая низкая брачность – следствие войны, следовательно, и удельный вес в общем числе разводов у них был меньше. Они оказались носительницами традиционной ментальности, и развод у них был редким явлением. В 1960 г. возрастной состав разводящихся сельчанок не имел принципиальных различий с возрастным составом горожанок, у которых на старшие возраста приходилась самая низкая доля – 8,4%, а большинство разводящихся составляли женщины 25-39 лет³³².

Таблица 29 – Возрастной состав разводящихся сельских жителей в 1960 г., %*

	Моложе 20	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и более
Женщины	1,1	19,3	28,1	42,6	5,3	2,1	1,5
Мужчины	–	8,4	27,2	50,4	11,2	2,0	0,8

* Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7866. Л. 9–9 об.

Отличия мужской возрастной структуры разводимости определялись особенностями возрастной («нехватка» мужчин в старших возрастах) и брачной (высокий уровень брачности во всех возрастных группах) структур мужского населения. Наиболее заметным отличием от женщин являлось отсутствие разведенных в возрастной группе 15 – 19-летних, а также вдвое меньшая доля разведенных старше 60 лет.

За тридцатилетие в структуре разводов по продолжительности браков произошли существенные изменения (табл. 28). Намного сократилась доля разводов непродолжительных браков – до 1 года, их абсолютное число за истекший период возросло незначительно, несмотря на то, что число разводов вообще выросло в несколько раз. Зато намного – практически в четыре раза - увеличилась доля расторжений браков, стаж которых составлял 20 и более лет. По-прежнему, большинство разводов приходилось на браки продолжительностью

³³² Рассчитано по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 7866. Л. 8об.

5 – 9 лет, однако, в целом, разводы оказались более равномерно распределены по шкале продолжительности расторгнутых союзов. При этом, по сравнению с началом периода в 1989 г., в общем числе разводов увеличилась доля расторжений повторных браков, которая стала составлять 20,5%, тогда как в 1960 г. – лишь 1,8%. По имеющимся у нас данным нельзя сказать, что чаще являлось причиной такого роста расторжения браков.

Возрастная структура разводящихся женщин в целом оставалась неизменной: большинство разводов все так же приходилось на 25 – 39-летних женщин (табл. 30). Однако разводы оказались более равномерно распределены по возрастам, отражая то обстоятельство, что поколения женщин с модернизированным матримониальным поведением отодвигались к старшим возрастным группам. В 1989 г. на сельчанок старше 60 лет пришлось 2,3% разводов, тогда как в 1960 г. – 1,5%, в абсолютных числах разница более заметна: в 1960 г. развелись 4 сельчанки этого возраста, в 1989 г. – 51. Если в начале десятилетия эти женщины разводились, прожив в браке от 10 лет, то в 1989 г. сельчанки этого возраста расторгали брачные союзы всех групп продолжительности.

Таблица 30 – *Возрастной состав разводящихся сельских жителей в 1989 г., %**

	Моложе 20	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и более
Женщины	1,3	19,1	27,0	34,1	10,5	5,7	2,3
Мужчины	0,1	9,5	25,0	41,2	12,9	7,7	2,6
* Рассчитано по: <i>Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 232–235.</i>							

Немаловажным было изменение социального регулирования процесса брачности. В первую очередь, законодательного, когда в 1968 г. были уравнены в правах дети от зарегистрированных и незарегистрированных браков, что сыграло на некоторое ослабление для женщин необходимости узаконивать фактически сложившийся союз, чтобы обеспечить будущее появившихся в нем детей. С другой стороны, возросшая социальная мобильность женщин: рост

образовательного уровня, изменение социального статуса, вовлечение женщин в общественное производство приводили к определенной эмансипации женщины, которая теперь не чувствовала жесткой необходимости в присутствии рядом с собой «кормильца». Это ускоряло процесс модернизации брачно-семейных отношений, служило дополнительным стимулом для ее развития. Расширение внесемейной ориентации, безусловно, ослабляло прочность брачных уз, однако расширяло свободу выбора субъекта и возможности его саморазвития. Женщин это касалось особенно, поскольку здесь большую роль сыграла также обособление сексуального поведения от брачного, и относительная либерализация общественного мнения в этом вопросе. В этом отношении большую роль сыграла эмансипация женщин и ослабление давления «двойной» морали. Добрачные и внебрачные половые связи осуждались сельским обществом, о чем однозначно говорят опросы. Однако они приобретали довольно широкое распространение, что означало, что отношение к ним все же смягчалось.

Под влиянием перестройки общественных отношений и изменения ментальности происходило изменение и других семейных ролей у женщин. Отделение молодой семьи, превращение ее в самостоятельное домохозяйство или, реже, в ядро новой семейной ячейки, к которому присоединялись другие родственники, на протяжении всего тридцатилетнего периода было социальной нормой. Если молодожены после заключения брака и жили какое-то время с родителями, то скорее вынужденно, и при появлении возможности старались отделиться. Естественная для большой крестьянской семьи иерархичная структура: подчинение детей родителям, в которой выросло старшее поколение, уже не могла воспроизводиться в новых условиях. Молодые женщины, как правило, более образованные, чаще занимающие более высокое социальное положение, с большим трудом мирились с господствующим положением старшей по возрасту женщины в доме. Если конфликт перерастал в острую форму, или чтобы избежать этого, молодые предпочитали жить отдельным домом.

Однако не только женская эмансипация, но и полное разрушение традиционных механизмов социализации, стали причиной распада расширенных

семей. Опыт, полученный от старших поколений, теперь потерял былую ценность, и эту функцию семьи взяли на себя иные общественные институты. Однако преувеличивать масштабы разрыва поколений все же не стоит. «Недаром старшие и младшие стремятся жить отдельно. Но вместе ли, за квартал или за две деревни живут отцы и дети, они все равно остаются семьей», писал корреспондент «Крестьянки» в конце 1980-х годов³³³. Если молодожены не переезжали в другой населенный пункт, то в условиях села контакт между ними, родителями и детьми сохранялся достаточно плотный. Кроме того, сохранялась традиция материальной помощи родителей детям, даже если те проживали в городах. Связь поколений нарушалась лишь формально, выразившись скорее в ликвидации непререкаемой иерархии, однако взаимосвязь поколений в эмоциональной сфере оставалась значительной.

Переход к малодетности – другая универсальная тенденция развития семейной сферы, в котором женщине принадлежит особая роль. Изменение репродуктивных установок и взглядов сельских женщин становилось составной частью репродуктивного поведения семей. Перестройка ценностных ориентаций, структуры потребностей, и способов их реализации у женщин отражались в изменении функций семьи.

Происходила поляризация семейных и внесемейных интересов и способов жизнеобеспечения. Внесемейная ориентация постепенно брала верх. Тенденция к уходу интересов из сферы семьи – общемировое явление, характерное, во всяком случае, для западной цивилизации. Экономическая «полезность» детей для родителей к началу исследуемого периода уже не ощущалась, напротив, возросли затраты на их воспитание и требования к его качеству. Массовой становилась одно- и двухдетная семья, поскольку именно такой состав позволял удовлетворить в приблизительно равной степени все потребности женщины: потребность в материнстве, в отдыхе, в социальном продвижении, в саморазвитии и, наконец, материальные. Малодетность стала своеобразным ответом сельских

³³³ «Крестьянка». 1988. №12. С. 12.

женщин на «женский вопрос», связанный с необходимостью реализоваться в нескольких сферах жизни одновременно.

Урбанизация, ставшая генеральной тенденцией развития во всех сферах жизни села еще с момента начала индустриализации и коллективизации, за 1960 – 1970-е годы набрала обороты и обусловила принятие селом многих городских поведенческих установок. Политика партии и правительства, направленная на «сглаживание различий между городом и деревней», плавное перетекание по многочисленным каналам городских норм и ценностей способствовали перениманию селом от города стереотипов и моделей поведения при высоком уровне престижа всего городского. Средства массовых коммуникаций, художественная литература, телевидение пропагандировали малодетность, что привело в конечном итоге к деформации общественного сознания. Лозунг «папа, мама, я – дружная семья!» стал лозунгом эпохи в области внутрисемейного планирования. В конечном итоге это выразилось в формировании негативного, даже настороженного отношения к большому числу детей в семье. Многодетность стала попросту непрестижной.

Уже к концу 1950-х годов в красноярских селах шел процесс перехода семей от многодетности к среднедетности, а затем и к малодетности. Сельское население края в этот период перешло к завершающему этапу демографического перехода, когда снизившаяся смертность сделала оправданной снижение рождаемости, что очень активно и происходило в 1960 – 1980-е годы.

К концу 1980-х годов в сельской местности края 56,9% семей имели несовершеннолетних детей, примерно столько же было в селах Хакасии – 58,8%. Больше была доля семей с детьми до 18 лет в таймырских селах – 75,1%, а в эвенкийских – 72,8%. Состав семей по числу детей показывал, что сельское население в крае к малодетной семье. Среди всех семей с детьми самыми распространенными были двухдетные семьи – 41,4%, ненамного меньшей была доля однодетных семей – 37,7%, на долю семей из 3 и более детей приходилось 20,9%. Самой значительной доля многодетных семей была в Хакасии (24,3%),

самой маленькой – в Эвенкии (16,4%). Однако в целом по краю лишь в 11,9% от всего числа сельских семей растили более троих детей³³⁴.

В городских семьях в 1989 г. семей с детьми было чуть больше – 64,5%. При этом процент двухдетных семей был аналогичный сельскому показателю – 41,1%. В то же время однодетные семьи составляли 50,7% и были самыми распространенными среди городских семей с несовершеннолетними детьми. Трех и более детей воспитывали лишь 8,2%. Исходя из этого можно сделать вывод, что сельчанки к концу 1980-х годов еще не вполне завершили массовый переход к малодетности, однако двигались в этом направлении³³⁵.

Семья в сельской местности Красноярского края как демографическая единица к концу 1980-х годов вплотную приблизилась к городской модели по основным параметрам. Уменьшились и стали практически одинаковыми средний размер семьи, во многом за счет процесса нуклеаризации и распространения малодетности. Повсеместно в крае, как и в РСФСР, наиболее распространенной стала двухдетная супружеская семья, проживавшая отдельно от родственников.

В исследуемый период данный массовый тип семьи оставался стабильным. Сформировался ее некий новый устойчивый тип, который как и многопоколенная крестьянская семья в дореволюционной России, соответствовала требованиям времени. Семья за 1960 – 1980-е годы окончательно адаптировалась к изменившимся условиям.

Как уже отмечалось выше, производственная деятельность женщин в это время окончательно переместилась из семьи, то есть из личного подсобного хозяйства, в общественное производство. В результате то, что раньше производилось в домашнем хозяйстве, теперь приобреталось на ту зарплату, которая женщина получала за работу. Несмотря на то, что развитие торговли в сельской местности в исследуемый период вызывало нарекания, основные товары потребления, включая хлеб, сельчанки, особенно молодые, предпочитали

³³⁴ Число и состав семей в Красноярском крае (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Красноярск, 1991. С. 44-48.

³³⁵ Число и состав семей в Красноярском крае (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Красноярск, 1991. С. 44.

покупать в магазине. Причиной этому служили новые урбанистические стандарты, не позволявшие использовать кустарным способом изготовленные одежду, обувь, предметы утвари, которые качеством и внешним видом уступали фабричным вещам, да и на изготовление просто не оставалось времени. Многие традиционно изготавливаемые в домашних условиях предметы утвари: плетение ковров, изготовление кружев, украшение занавесок и скатертей вышивкой все больше превращалось в способ проведения досуга, и то в основном для старших поколения сельских женщин. К концу 1980-х годов быт сельских семей, по крайней мере, внешние его формы: тип жилища, его убранство, наличие бытовой техники, совершенно не отличались от городских. Семья утратила свою производственную функцию уже к началу 1960-х годов, а перевод колхозов в совхозы и наступление на личные подсобные хозяйства довершили этот процесс.

Не менее важным социальным изменением, происходившим в женском населении и отразившемся на институте семьи, стал рост образовательного уровня населения, в чем сельские женщины даже опережали мужчин. Начиная с поколений, родившихся во второй половине 1930-х годов, быстро росла доля женщин, получивших высшее и среднее специальное образование. Образование становилось обязательным условием социализации, а в сельской местности пользовалось даже большим авторитетом, чем в городах.

Взросшие требования к воспитанию и образованию подрастающего поколения отражались в первую очередь на женщинах и естественно не могли не сказаться на развитии сельской семьи. Росли материальные затраты на ребенка, что особенно болезненно воспринималось в условиях невысокого уровня жизни в сельской местности. Изменялись и требования к воспитанию ребенка, санитарно-гигиеническому обслуживанию, уровню развития его навыков и способностей.

Как показали источники, несмотря на активную модернизацию брачно-семейных отношений, традиционная роль женщины в семье осталась практически неизменной. Несмотря на рост занятости в общественном производстве, женщина сохранила всю традиционно «предназначенную» ей нагрузку работы по дому и в личном подсобном хозяйстве. Даже в конце 1989 г., по данным ряда

обследований, проведенных ВЦИОМ, в большинстве семей по-прежнему сохранялось традиционное распределение домашних обязанностей между членами семьи (основную работу по дому и воспитанию детей выполняли преимущественно женщины)³³⁶.

Повсеместно в РСФСР происходило закрепление гендерного конструкта «работающая мать». Несмотря на то, что теперь и стратегические семейные процессы стратегические, и ежедневное ее «расписание» так или иначе подстраивались под производственный цикл работающей матери и жены, в большинстве случаев трансформация функций семьи ложилась дополнительной нагрузкой на плечи женщины. Модернизация семейной сферы определила исключительно внешние формы, перестраивая демографический облик этого демографического института, в то время как положение женщины в нем осталось традиционным.

Сравнительный анализ мужского и женского населения показывает также сохранение традиционных стереотипов, связанных с семейными ролями. Сельские женщины в течение всего исследуемого периода сохранили традиционную привязанность семье. Это выражалось в стремлении проживать скорее в составе семьи, что принято считать «предназначением» женщины. Если предположить, что основная масса одиночек из них являлась таковыми вынужденно, то весьма низкая, по сравнению с мужчинами, доля сельчанок, принадлежащих ко второй группе, говорит о том, что они значительно менее охотно проживали отдельно от семьи, если таковая имелась. Сельские мужчины оказались намного более мобильны в этом отношении, и это особенно заметно при сопоставлении абсолютных чисел. Отдельно проживающих мужчин в крае в 1979 г. насчитывалось 25,7 тысяч, тогда как женщин – лишь 5,8 тысяч³³⁷. Несмотря на то, что по данным переписи 1989 г. абсолютные и относительные показатели группы отдельно проживающих женщин за последний межпереписной период увеличились, однако соотношение их сохранилось в пользу мужчин, как и

³³⁶ ГАКК. П-971. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.

³³⁷ Число и состав семей в Красноярском крае (По данным Всесоюзной переписи 1979 г.). Красноярск, 1981. С. 120.

в течение всех исследуемых лет. Мужчины воспроизводили социальный стереотип добытчика. Вдобавок Восточная Сибирь традиционно была местом проживания спецконтингента, которые и учитывались в качестве отдельно проживающих от своих семей. Таковых среди мужчин было больше.

Несмотря на распространение явления одиночества, его следует трактовать, скорее, как следствие неблагоприятных тенденций естественного воспроизводства, создававших диспропорцию полов в старших возрастах, и механического движения, лишавшего деревню молодежи, особенно молодых девушек. В остальном семья как демографический институт сохранила свои позиции: абсолютное большинство людей проживало совместно со своими родными.

Исследование матримониального поведения красноярских сельчанок и факторов его развития показало, что брачно-семейная сфера в красноярской деревне в исследуемый период развивалась в условиях постоянного ослабления внешнего давления. Законодательное упрощение процедуры развода, уменьшение авторитета общественного, «мирского» контроля за взаимоотношениями членов семей, повышение престижа внесемейных форм деятельности приводили к тому, что женщине предоставлялся более широкий выбор жизненных сценариев. Вступавшие во взрослую жизнь молодые поколения все в большей степени демонстрировали современные формы демографического поведения, а их семейные ячейки все больше соответствовали новому типу – малодетной нуклеарной семьи. Однако значительная свобода, полученная женщинами в сфере планирования семьи, имела и обратную сторону. За 1960 – 1980-е годы в обществе окончательно закрепился стереотип работающей матери и жены. Женщина оказалась вынуждена нести двойную ношу: дома и на производстве, а в деревне еще и в личном подсобном хозяйстве.

Позиция женщин в семейной сфере тоже во многом сохранила традиционные черты. Сельские девушки стремились как можно раньше выйти замуж и сохранить семью, считали мужа ее главой семьи и высказывали высокую ценность замужнего состояния. Поменялась скорее сама семья – ее форма, состав,

высока была численность одиночек – это следствие во многом миграции и ранней смертности сельских мужчин. Рост числа разводов стал следствием ослабления их законодательного ограничения. Сельские женщины относились к ним отрицательно, а переживать развод вынуждены были самостоятельно: никакой службы психологической помощи не существовало, а сельский мир в лучшем случае относился с пониманием, а замужние товарки – с сочувствием и иногда – превосходством. Распространение повторных браков в красноярской деревне в исследуемый период явилось следствием увеличения числа «женихов», а никак не модернизацией брачного поведения и стремление выбрать партнера «лучше». Изменение всей совокупности социально-экономических условий жизни: роста образовательного уровня сельчанок, вовлечения их в общественное производство, уменьшение числа детей у женщины нашли отражение в эволюции социокультурных характеристик женского населения сел, однако не смогли окончательно модернизировать их.

2.3 Жизненный мир поколения женщин эпохи «зрелого социализма»

Логичным итогом изучения комплекса характеристик женского населения сел Красноярского края, в котором пересекаются основные направления: исследование демографического развития, истории повседневности и быта, представлений и поведенческих установок, под которыми мы понимаем ментальность, с нашей точки зрения, должен стать ретроспективный анализ жизни конкретного поколения.

Теория поколений, появившаяся в западной исторической науке позволила по-новому взглянуть на социальную историю. Концепция, согласно которой каждое поколение отличается от других особым типом восприятия жизни, оценок действительности и поведения, дала научное основание очевидному пониманию того, что общество состоит из «отцов» и «детей». Социальная сторона взаимодействия этих социальных групп рассматривалась с точки зрения конфликтов и различий во взглядах. Историческая наука только лишь в XX веке заинтересовалась причинами таких отличий. В этой связи стали проводиться

исследования условий, в которых появлялись на свет и формировались совокупности людей с общим историческим прошлым. Социальная история каждого поколения как одна из фотографий в альбоме социальной истории страны – особенно своими деталями и фоном, внешним видом и позами запечатленных. Конечно, нам приходится признать, что подобные сравнения грешат упрощениями, в реальной жизни совокупность индивидуальностей гораздо сложнее, тем более если рассматривать происходившие с ними процессы в динамике. Между тем мы понимаем, что историческая общность людей, родившихся и выросших в особых условиях отличается от других существенными признаками и при том замечает это, относит себя к нему.

Историческая наука заимствовала понятия «поколение» и «когорты» в социологии, однако наполнила его собственным содержанием. В истории первичны условия, в которых развивался коллектив и то, какой отпечаток он наложил на живущих людей. В нашем исследовании мы поставили задачу провести историческую реконструкцию жизненного мира когорты сельских женщин, рожденных во второй половине 1950-х – первой половины 1960-х годов. Это поколение социальных оптимистов, на долю которых выпал самый стабильный этап советской истории, сопровождавшийся периодом наибольших достижений: освоения космоса, на небывалую высоту поднявший авторитет страны и всех, кто относил себя к понятию «советский народ», благодаря начавшейся пропаганде достижений вооруженных сил в победе во Второй мировой войне, не знавшие ее реальных тягот. Несмотря ни на что, это также период заметного улучшения условий жизни, в том числе и в сельской местности. Об этом нам говорят не только статистические таблицы роста валовых показателей народного хозяйства СССР, но и анализ воспоминаний, печатных и устных, в которых тридцатилетний заключительный период советской истории представлен как время неуклонного прогресса. На наш взгляд, представители этого поколения прожили наиболее «советскую» жизнь, и дальнейшее исследование поможет сделать вывод, так ли это.

Статистика показывает, что это было самое многочисленное поколение, рожденное в красноярских селах в послевоенные годы. По воспоминаниям Александры Артемьевны Сериной, жительницы деревни Алексеевка Ужурского (в те годы Назаровского) района, «при Маленкове жилось хорошо: еды стало вдоволь»³³⁸. Неожиданное послабление, пришедшее со сменой принципов государственной политики в отношении деревни, обернулось резким приростом числа рождений. Несмотря на то, что зарегистрированное число аборт в деревне в начале 1960-х годов, было очень большим, утолившие голод сельчане создавали большие по нынешним меркам семьи. Сельские девочки, рожденные в эти относительно сытые годы, появлялись на свет как в специализированных медицинских учреждениях, так и в деревенских избах. Никто из опрошенных не знал своего веса и роста при рождении, ни у кого не сохранилось бирок из роддома, так же как нет сведений о первом прорезавшемся зубе и другой важной информации, имеющей огромную ценность в современном родительстве. Появление в семьях детей поколения 1950-1960-х годах оставалось процессом в большей степени естественным, чем социокультурным. Однако Е. А. Григорьева в своем исследовании культурного развития села упоминает о празднованиях в честь рожденного младенца в клубах и Домах культуры, которые начинали проводить в деревнях в 1960-е годы³³⁹. Главной целью этих мероприятий была замена религиозных обрядов на идеологически верные государственные.

При этом многие сельчанки поколения эпохи «зрелого социализма» были крещеными. Крестили их обычно в соседних населенных пунктах, не предавая огласке, часто это делали близкие родственники матери якобы без ее ведома. Это позволяло сохранить образ приверженца советской материалистической идеологии и одновременно отдать дань религиозным убеждениям. Двойственность, скорее даже дуализм стали характерными для мировоззрения сельчанок изучаемого поколения. Они одновременно верили и в силу научного прогресса и обращались за божественной помощью в молитвах, в домах были

³³⁸ Полевые материалы автора: Серина А. А., д. Алексеевка Ужурского района Красноярского края, 2007 г.

³³⁹ Григорьева Е. А. Культурно-досуговая деятельность сельского населения красноярского края в 1960-1980-х гг. // Духовно-исторические чтения. Красноярск: КрасГАСА, 2003. С. 275.

портреты вождей мирового пролетариата и иконы, сельчанки посещали врача и заговаривали грыжи и «рожи» у знахарей. Про мирное сосуществование государственных и религиозных праздников уже упоминалось ранее.

Первой проблемой, с которой сталкивались матери новорожденных девочек из поколения 1950-1960-х годов – это нехватка средств по уходу за детьми. Деревня не знала, что такое детское мыло, получить пеленки по обменной карте родильнице на селе было практически невозможно и их делали из старых простыней. Детское питание представляло собой немыслимые для современной педиатрии разбавленное коровье или козье молоко, хлебный мякиш, завернутый в марлю или бинт и заменявший в таком виде пустышку. Такое же назначение имели и ломтики соленого огурца и свиного сала. С появлением зубов в детское меню добавлялись крепкие кости без мяса, игравшие роль прорезывателей. В деревнях не использовали подгузники, старались оставлять младенцев в распашонках.

Вторая и самая большая проблема сельских матерей исследуемого поколения – отсутствие времени на уход за детьми. Абсолютное большинство девочек оказывались под опекой старших сестер и бабушек, иногда просто были предоставлены сами себе. Привязанные за ногу или посаженные в отгороженное пространство дети – представляющиеся дикими случаи, которые были вызваны острой, в первую очередь, производственной необходимостью. Сами выросшие без профессионального присмотра, подрастая, девочки из поколения 1950-1960-х годов становились няньками для младших братьев и сестер и помощницами матерям в домашнем хозяйстве.

Порой это заканчивалось трагически. На заседании партийного актива Назаровского района в 1959 г. с тревогой заявлялось о том, что «имеются случаи, когда гибнут безнадзорные дети, без родителей выходят на улицу и попадают под машины и тракторы: сын Кононова, ребенок Разжаговский и трехлетняя девочка Хрущева»³⁴⁰.

³⁴⁰ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 210. Л. 133.

Государство старалось предотвратить эти несчастья. Необходимо отметить, что решению этого вопроса уделялось внимание: изучаемое поколение стало первым, на которое в большей степени распространилось дошкольное образование. В 1959 г. детскими дошкольными учреждениями были обеспечены 6 детей из 1000 человек, что резко меньше нормы (30 мест на 1000 человек), 88% размещались в приспособленных помещениях ³⁴¹. В 1959 г. врач санэпидемстанции

Е. П. Колесникова отмечала: «Дети наша радость, наша смена, а председатели колхозов не придают должного значения оборудованию ясель и организации питания детей, а отсюда болезни детей, а матери не выходят на работу»³⁴². Если в 1960 г. дошкольные учреждения имелись только в 13,7% красноярских деревень, то к началу 1970-х гг. – в 28%³⁴³. Задача решалась не только за счет ввода в эксплуатацию детских дошкольных учреждений, но и благодаря сокращению контингента дошкольников. И становясь матерями сами, сельчанки из поколения 1950 – 1960-х гг. теоретически не имели проблем с устройством детей в детские сады. Из справки Статуправления Красноярского края от 25 августа 1987 г. становится известно о нехватке воспитанников: «Так в Большеулуйском, Назаровском, Ачинском районах на 100 мест приходится, соответственно, 80, 81 и 87 детей»³⁴⁴.

Дети поколения 1950-1960-х годов родились в эпоху массового распространения советской медицины и ее достижений. Они были поголовно вакцинированными, обычным явлением для них было лечение антибиотиками, что помогало в угрожающих жизни случаях, например, при перитоните. Однако при «обычных» заболеваниях уповали на силы организма и старались лечить народными средствами. При простуде – горячее молоко с барсучьим жиром или растопленным сливочным маслом, отвары из трав в степных районах, морсы из брусники и клюквы – в таежных, баня и теплая печка. При пищевых отравлениях – питье из слабого раствора марганцовки.

³⁴¹ ГАКК. Ф. П-26, Оп. 32. Д. 383. Л. 92-93.

³⁴² ГАКК. Ф. П-26. Оп. 32. Д. 210, Л. 15.

³⁴³ Ворошилова Н.В. Образовательный потенциал сибирской деревни: основные тенденции и факторы воспроизводства в 1960 – 1980-х гг. (на материалах Красноярского края). Красноярск, 2003. С. 60.

³⁴⁴ ГАКК Ф. Р-1383. Оп 1. Д. 1070. ЛЛ. 205.

С педикулезом боролись при помощи керосина и дуста, налысо девочек брили крайне редко, только в раннем возрасте, в отличие от мальчиков, которых могли обрить и в школе. Несмотря на пропаганду гигиены и то, что неряшливость осуждалась, вши у детей в деревнях встречались часто, особенно летом, когда они много времени проводили с непокрытыми головами на улице рядом с животными или купаясь в открытых водоемах. Из опасений распространения заболевания в школе, была придумана особая форма школьных причесок для девочек – плотно заплетенные косички без челки.

Школа, в отличии от яслей и детских садов являлась обязательный этапом социализации для исследуемого поколения. Они были далеко не в каждой деревне, и часто дети вынуждены были посещать те, которые были расположены в соседних населенных пунктах. В 1980-е годы сельскохозяйственные предприятия организовывали подвоз сельских детей, однако для изучаемого поколения это было редким явлением, в основном, дети либо добирались пешком, хотя представляется невероятным, но дети ежедневно проходили несколько километров туда и обратно. «Шли через лес, когда темно, то страшно, а днем нормально».

Многие дети из поколения 1950-1960-х годах вынуждены были жить в интернатах, которые некоторое время считались решением проблемы отдаленности от мест обучения, у родственников, или родители снимали для них койки в домах у знакомых. Согласно мерам политики по ликвидации неперспективных деревень школы в маленьких деревнях не строили, наоборот, закрывали уже существующие, стимулируя переезды в соседние более крупные деревни. В конечном счете для многих сельских девочек, которым не повезло родиться в крупных селах, обучение было сопряжено с большими трудностями.

Но и обучение в школах представляло сложное занятие. Очень часто не хватало учителей, а родители не могли помочь своим дочерям с домашним заданием, поскольку в массе были с начальным образованием, а то и неграмотными. Это в меньшей степени относилось к детям сельской интеллигенции, но и они считали неправильным обращаться за помощью к

родителям. Здесь очевидно прослеживается социокультурный разрыв между поколениями. Дети эпохи «зрелого социализма» демонстрировали самостоятельность действий и суждений, истоки которого видны были еще в детстве.

Сама эпоха «зрелого социализма» в истории нашей страны представлял собой период социального оптимизма, и это накладывало отпечаток на детей, вступавших в сознательную жизнь. В отличие от своих родителей, выросшим в период давления на деревню, и главное, переживших тяготы войны, носивших одну пару детских валенок на нескольких братьев и сестер, знавших, что такое голод, девочки 1950-х гг. рождения могли мечтать о чем-то менее прозаическом, чем поесть. Мать красноярской сельчанки из поколения эпохи «зрелого социализма», Топчий Любови Александровны, Ольга Алексеевна Иванченко, проживавшая в с. Малые Кныши Идринского района, вспоминала о своем детстве и военной юности с содроганием и прямо говорила: «Если бы меня спросили, хочешь опять быть молодой, но пережить войну и голод, я бы ответила – ни за что!»³⁴⁵. Ее дочь говорит о своем детстве, уже не упоминая о хлебе насущном, а вспоминает праздники и взаимоотношения с родственниками, школьные будни, занятия в хоре после уроков и другой досуг.

Дети 1950-1960-х годов рождения усвоили, что наука – двигатель прогресса, они делали уроки при электрическом свете, носили форму, которая стала социальным атрибутом принадлежности к миру знаний, который для их мам и бабушек был чем-то недоступным. По данным переписи населения 1959 г.³⁴⁶, в красноярских селах оставалось большое количество неграмотных мужчин и женщин, а попытки государства решить эту проблему путем ликвидации неграмотности населения в красноярских селах имели мало успеха. Между тем потребности в грамотности росли: приобщиться к культурно-просветительским мероприятиям властей в печатной форме, прочитать письмо от уехавшего в город сына или телеграмму от дочери, в конце концов, расписаться в документах, что

³⁴⁵ Полевые материалы автора: Иванченко О.А., г. Красноярск, 2007 г.

³⁴⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1591. ЛЛ. 70-72.

для старших поколений красноярских сельчанок было недоступным. Таким образом, социальный престиж образования проявился в некотором превосходстве над «темнотой некультурной», о которой пел В. С. Высоцкий. Несмотря на то, что опрошенные нами сельчанки единодушно уверяли в чрезвычайно уважительном отношении к старшим поколениям, и на практике поддерживали или даже поддерживают в настоящий момент своих старых матерей, это уже не был пиетет перед мудростью предков, а скорее проявление гуманизма и порой сострадание.

Поколение 1950-1960-х годов было последним, кто использовал в школах перьевые ручки с чернилами. Появление шариковых ручек произвело существенный переворот в жизни учениц. Сельчанки вспоминают, какой трагедией для аккуратисток и отличниц было пролить чернильницу, особенно в портфеле. При этом нещадно стыдили за кляксы, помарки и исправления. Дети изучаемой когорты сталкивались с жесткой дисциплиной в школе и чрезвычайно большим уважением к учителям, которые были практически небожителями. Одно из воспоминаний сельчанки связано с ее младшим братом, который однажды увидел учительницу, выходящую из деревенского туалета. Мальчик испытал шок от того, что учительница – обычный человек, и некоторое время отказывался посещать уроки.

Но в основном школьные будни сельских девочек были максимально приближены к школьной жизни городских. Ее унификация, строго выдерживаемая государством, практически не учитывала особенностей повседневной жизни на селе – отдаленности населенных пунктов, нехватку педагогических кадров и рассогласованность с календарем сельских работ, загруженность школьниц домашним хозяйством, но в то же время делала сельских девочек приспособленными к продолжению образования в городах. Социализация в школе успешно работала на внедрение «с пеленок» желаемого гендерного конструкта «работающая мать», а также к пополнению трудовых ресурсов на городских предприятиях. Сельские дети поколения эпохи «зрелого социализма» выросли полностью подготовленные к городскому образу жизни.

Образование всегда является каналом трансляции социокультурных норм, так было и в красноярской деревне. Для поколения 1950-1960-х годов рождения не стояло вопроса о том, учить или нет девочек. И хотя в год первого полета человека в космос в красноярских селах за парты не сели 2314 детей, подлежащих обучению³⁴⁷, однако это были дети из неблагополучных семей, родители которых не могли обеспечить их материально. Не обучались также дети с умственными и физическими недостатками, поскольку системы образования для детей, называемых в настоящее время особыми, в селах края не существовало³⁴⁸.

Можно утверждать, что дети учились в спартанских условиях и со школьной скамьи учились быть непритязательными. Практически все сельские школы, в которых они учились, были деревянными, некоторые – построенные в дореволюционное время или вообще переделанные из больших крестьянских домов, не имели спортзалов, деления на учебные классы, ученики не имели представления о том, что такое специализированные лаборатории и школьные библиотеки. Туалеты, конечно же, тоже были уличные. Вместе с тем эти поколения детей стали первыми, кто переезжал в новые школы, строившиеся в эти годы в селе. За счет государственных и колхозных средств строилось большое количество школ: в 1961-1970 годах было введено в эксплуатацию школ на 258, 2 тыс. мест³⁴⁹ и реорганизованы старые малокомплектные.

Доля учащихся, проживавших от школы более, чем в трех километрах в 1961-1962 гг. составила 19,6% учащихся, к 1965-1966 гг. она уменьшилась только до 17,6%³⁵⁰. Многие эти дети посещали продленку, которая считалась особым социокультурным миром и способом общественного воспитания. Н. В. Ворошилова указывает на то, что это было временем внедрения кабинетной системы образования, все больше похожей на привычную нам систему, модернизация технической базы (появление магнитофонов, телевизоров,

³⁴⁷ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 3723. Л. 5.

³⁴⁸ Ворошилова Н. В. Образовательный потенциал сибирской деревни: основные тенденции и факторы воспроизводства в 1960 – 1980-х гг. (на материалах Красноярского края). С.61.

³⁴⁹ Подсчитано по: Народное хозяйство Красноярского края в 1989 году. Красноярск, 1990. С.94.

³⁵⁰ ГАКК. Ф. Р-1383. Оп. 1. Д. 737. Л. 52.

радиоприемников)³⁵¹, хотя и отставало от городского уровня, но было высоким. Сложно переоценить значение такого прогресса, учитывая, что во многих сельских домах телевизоры не появились до 1980-х годов.

Между тем далеко не все сельские женщины были ориентированы на продолжение образования. Те из них, кто не планировал переезжать в города, не видели большого смысла в учебе. Господство ручного труда в деревне делало специальные знания ненужными. Очевидно различие между образовательными стратегиями поколения диктовалось их представлениями о предпочтительном будущем. Те, кто планировал уехать – стремились получить восьмилетнее образование, чтобы уехать в города и осесть там либо получить профессию для работы в сфере культуры. Остающиеся – «бросали» школы и выходили замуж.

Переезжавшие в города сельчанки поколения 1950 – 1960-х годов не были первопроходцами – для них дорожку проторили более старшие сельчанки, однако для детей эпохи «зрелого социализма» миграция в города уже представлялось обычным явлением. Улучшение материального положения села приводило к тому, что многие малограмотные, замученные тяжелой работой на селе матери изучаемого поколения изначально готовили своих детей к миграции в города, а когда приходило время, имели возможность поддерживать там материально. Способствовали переездам система проживания в интернатах, которая отрывала детей от семейного коллектива, облегчая разлуку с семьей. С нашей точки зрения, это было первое раскрестьяненное поколение в красноярских селах.

В деревнях молодые сельчанки поколения получали возможность устроиться на работу в отрасли, где для женщин был предусмотрен преимущественно ручной труд. Некоторые могли стать занятыми в сфере бытового обслуживания, однако для изучаемого поколения возможности его были резко сужены. Немногие сельчанки из этого поколения получили высшее образование. Все же главной задачей девушки на селе оставалось замужество.

³⁵¹ Ворошилова Н. В. Образовательный потенциал сибирской деревни: основные тенденции и факторы воспроизводства в 1960 – 1980-х гг. (на материалах Красноярского края): дисс. ... канд. ист. наук. С.68.

«Для девчонок главный ВУЗ – выйти удачно замуж!», такой девиз приходилось слышать в 1970-е гг. молодым краснояркам.

Справедливости ради нужно сказать, что городские девушки тоже стремились замуж. Ментальные установки советской эпохи не допускали самодостаточного одиночества, особенно женского. Женщина, даже преуспевшая на производстве, но не имевшая мужа, в глазах общественного мнения была менее успешной, чем любая замужняя.

Микроперепись населения, проведенная в 1994 году показала, что доля никогда не состоявших в браке из поколения 1950-1960-х годов на селе – 2,7%³⁵². У их ровесниц в городах – 4,0%, а закоренелых холостяков-мужчин в селах – 4,8%. Всего в браке в сельской местности состояли 67,8% женщин старше 16 лет. Это были как зарегистрированные, так и фактические браки, которые в основном заключались в зрелом возрасте или в повторных союзах.

Женское счастье видели в том, чтоб «бы милый рядом», об этом прямо говорили в своих воспоминаниях сельчанки. Семья оставалась и местом приложения своих трудов. Ученые говорят о том, что для этого поколения в большей степени была характерна обособленность, в первую очередь бытовой жизни и досуга³⁵³. Ценность женской дружбы и человеческих контактов отходила на второй план, Коллективизм в красноярской деревне в основном был изжит уже в этом поколении. Существовавшие прежде формы коллективного труда, для исследуемого поколения не играли большой роли: коллективное полоскание белья, совместное рукоделие и работа в поле воспринимались скорее как пережитки. В ходе опросов не встречалось нам упоминания о существовавшей в традиционной культуре обычаев помощи родильнице в домашнем хозяйстве в первые дни после родов. Сельские семьи, создаваемые женщинами из поколения эпохи «зрелого социализма» становилась все более закрытой и обособленной структурой.

³⁵² Основные итоги микропереписи населения 1994 г. по Красноярскому краю. Красноярск. 1995. С. 19.

³⁵³ Григорьева Е. А. Культурно-досуговая деятельность сельского населения красноярского края в 1960-1980-х гг. // Духовно-исторические чтения. Красноярск: КрасГАСА, 2003. С. 275- 283.

К концу исследуемого периода сельчанки из исследуемого поколения все больше были похожи на горожанок и внешним видом (Приложение 5). Фотографии из личных архивов наших респонденток показывают нам вполне современно одетых женщин. Это типичные для советского периода вещи простого покроя. Крайне редко встречаются женщины в брюках. Вполне возможно, что причина тому в большой степени – постановочность сделанных кадров. Поскольку фотография для советского человека представляла большую ценность, и фотографировались даже те, кто жил очень бедно, как вспоминала Галина Бычкова, горько сетовавшая на голодные детские годы, для фотографий переодевались. Повседневной верхней одеждой в холодное время года была «куфайка», так в красноярских деревнях называли стеганные ватные фуфайки, предмет спецодежды, массово производившийся в СССР. Обувью – валенки и калоши, в зависимости от сезона носились по отдельности и вместе. На голове зимой и летом – платок, завязанный сзади под волосами (Приложение 6). Наряды «на выход», которые надевали по праздникам и для поездок в город были более модные и красивые. Обычно фотографии, где женщины запечатлены в эти моменты, не отличаются от изображений горожанок.

Женщинам, рожденным в период «зрелого социализма», были в большей степени, чем их матерям и, тем более бабушкам, доступны украшения, в том числе из драгоценных металлов. Заработная плата многих из них позволяла покупать золотые кольца и серьги, вставлять «золотые» зубы – позолоченные зубные коронки, которые считались предметом роскоши. Недоступными для большинства сельчанок оставались шубы из натурального меха, исключая кроличий, которые до конца советского периода являлись предметом статусного потребления. Не случайно среди ровесниц освоения космоса ходили осуждающие и в то же время завистливые разговоры о том, что жена первого секретаря ЦК КПСС Раиса Максимовна Горбачева «каждый день меняет шубы».

Носки, длинные гетры, варежки и шапки сельчанки изучаемого поколения вязали, вязать умела практически каждая женщина. Не хватало ниток, поэтому старые вещи распускали и перевязывали. Не хватало приспособлений для вязания.

Вера Николаевна Воробьева вспоминала, что как муж сделал ей вязальные спицы и даже крючки из спиц велосипедного колеса³⁵⁴. Нехитрые мотивы для вывязывания перерисовывали друг у друга на листочках в клеточку, там были в основном схематичные изображения оленей в прыжке, медведей, бабочек и др.

Никто из опрошенных нами женщин поколения 1950 – 1960-х годов не умел плести кружево из хлопчатобумажных ниток, хотя их матери еще массово украшали ими предметы интерьера: простыни, салфетки, которыми укрывали подушки, а с появлением проигрывателей грампластинок и телевизоров – также и их. Можно предположить, что с этим поколением это традиционное прикладное искусство было утеряно, в первую очередь, за ненадобностью, когда такие украшения дома стали несовременными и «немодными», а также из-за значительной трудоемкости и большой траты времени.

Главой в сельских семьях, как выяснилось в ходе опроса, считался, в основном, мужчина. Непременным условием женского счастья было выйти замуж и прожить жизнь «как за каменной стеной». Тяжелые условия труда и быта вынуждали сельских женщин искать «сильное плечо» и часто терпеть девиантное поведение мужа. Среди них в основном были вредные привычки: поголовное курение, в том числе в помещении, пьянство, а также побои.

Измены встречались не так часто, ведь в сельской местности скрыть их было практически невозможно. В рассказе «Деньги для Марии» об этом говорится от лица мужчины: «В деревне! – взрывается парень. – Там все на виду. Там если мужик на чужую бабу взглянул, в тот же миг вся деревня знает. Там боятся.»³⁵⁵ Несмотря на все изменения в общественной жизни, сельский мир все же безоговорочно осуждал прелюбодеяния, вставая на сторону обманутой жены. Кроме того, с изменами женщины практически не мирились, это считалось поруганием чести и достоинства, и обманутая женщина не знала, «как смотреть людям в глаза». Чаще всего женщина должна была «выгнать» мужа и ждать,

³⁵⁴ Полевые материалы автора: Воробьева В. Н., д. Алексеевка Ужурского района Красноярского края, 2007 г.

³⁵⁵ Распутин В. Г. Деньги для Марии // Повести. М, 1976. С. 492.

когда он «приползет на коленях», после этого простить и вновь продолжить семейную жизнь.

С алкоголизмом мириться было проще, но и иметь дело приходилось чаще. В условиях ограниченности досуга в сельской местности и сформировавшейся в советскую эпоху культуру проведения праздников и особых случаев с застольем, мужчины очень часто употребляли алкоголь, не зная меры, многие становились алкоголиками. Алкоголь, а также алкогольные суррогаты: одеколон, духи, стеклоочиститель, даже дихлофос превратили семейную жизнь многих сельских женщин в настоящую драму.

Анализ художественной литературы показывает, что употреблению спиртного мужчинами придавался некоторый общественный смысл, принимавший характер мужского самовыражения. В рассказе «Деревенские приключения» В. П. Астафьева описывается образ Прасковьи. «Баба эта, заслони́вшая в мужике все, вплоть до фамилии, была хитрая и злая. Она поколачивала мужа в день Восьмого марта и по другим новым праздникам. Но в дни запоя мужа она сопротивления мужу не оказывала, а пряталась: зимою в подпол, а летом падала на огороде в жалицу и пересиживала смутное время»³⁵⁶. В рассказе «Сашка Лебедев» эта картина повторяется: «Отец был смиренный, добрый человек, но, как и многие русские мужики, пьяный круто менялся нравом, кочевряжился, иной раз даже шумел»³⁵⁷.

Начавшаяся в 1985 г. антиалкогольная кампания пришлась как раз кстати, и должна была стать для поколения эпохи «зрелого социализма» спасением, однако для многих семей предложенные меры были запоздалыми, а возможности воспользоваться ими – ограниченными. Как показывает, например, решение исполкома краевого Совета народных депутатов «организовать действенную систему антиалкогольной пропаганды на промышленных предприятиях, стройках, в совхозах, колхозах, по месту жительства; создать хозрасчетные кабинеты для оказания профилактической помощи (анонимно) лицам, злоупотребляющим

³⁵⁶ Астафьев В. П. Затеси. М., 1972; С. 29.

³⁵⁷ Астафьев В. Повести и рассказы. М., 1984. С. 613.

алкоголем и страдающим хроническим алкоголизмом в гг. и крупных поселках края»³⁵⁸, все это было малодоступно для жителей отдаленных населенных пунктов, да еще проживавших в крайней бедности семей алкоголиков. Кризис начала 1990-х вообще свел на нет весь положительный эффект от предпринятых государством усилий.

Поскольку поколение 1950-1960-х годов рождения оказалось уже среднететным, а многие женщины из него и вовсе родили по одному ребенку, их отношение к материнству очевидно. Они уже в полной мере отвечали сложившемуся гендерному конструкту «работающая мать», которая не предполагала большую семью. От них можно было услышать: «хочу пожить для себя», что выдавало представление о материнстве как о социальной функции женщины, и только. Чадолубие и детоцентристская семья в сельской местности края не были распространены в исследуемый период. Особенностью советской педагогики, имевшей в приоритете послушание и формирование общественно полезных, скорее даже общественно удобных качеств.

Сохранялась психологическая дистанция и с престарелыми родителями. Уважение к старикам, являвшееся основой традиционного общества, еще сохранялось по инерции у поколения «зрелого социализма», однако стремительно менявшаяся общественная жизнь делала взгляды и опыт стариков неактуальными. О них считали необходимым заботиться, однако новая жизнь заставляла их и мыслить, и поступать по-новому. Спросить совета или обратиться за помощью можно было только в чем-то личном, семейном, в остальном же им приходилось самостоятельно искать пути решения возникавших задач.

Исследуемый период сельские женщины 1950 – 1960-х годов рождения закончили еще молодыми, даже не вышедшими из репродуктивного возраста. Они поголовно были грамотными, часть из них получили высшее образование. Они привыкли трудиться не только в домашнем хозяйстве, но и на производстве, многие не мыслили себя без общественной работы. Они стремились замуж и даже

³⁵⁸ ГАКК Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 7027. Л. 405.

в сложных условиях старались сохранить семью. Предпочитали жить отдельно от престарелых родителей, но считали своим долгом во всем помогать им.

Сельские женщины поколения 1950-1960-х годов рождения мало следили за модой, внешний вид не являлся предметом особой заботы, а условия жизни не позволяли им делать маникюр или ежедневную укладку, пользоваться косметикой не «по праздникам». Их мировоззрение причудливо впитало в себя традиционные суеверия и религиозные взгляды, в то же время, материалистические представления об устройстве мира. Они родились в период веры в построение коммунизма и наблюдали устойчивый социальный прогресс, «жить становилось лучше»! Они включились в строительство зрелого социализма и гордились своей страной. Они же встретили ее распад и развенчание привычных ценностей в возрасте зрелости и вынуждены были заново начать жизнь в новых условиях, когда село изменилось до неузнаваемости. Для исследуемого периода в сельской местности края поколение 1950-1960-х годов рождения было знаковым и ключевым.

Заключение

Исследуемый период представлял собой особый этап в развитии красноярского села. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что за весьма непродолжительный по историческим меркам, укладывающемся в жизнь одного поколения, срок регион превратился в высокоурбанизированную территорию. Признаки урбанизационного перехода, наблюдаемые в социально-экономической, культурной, демографической сферах развития края, свидетельствовали об активном включении красноярского села в процесс модернизации. Урбанизация выступала ключевым фактором развития всех групп населения.

Сельские женщины Красноярского края в населении представляли собой наиболее массовую социальную группу, качественно многообразную, различавшуюся по многим срезам: возрастному, образовательному, культурному, экономическому и прочим, однако имевшую ряд важных объединявших их черт, представлявших интерес для истории развития общества. Наиболее важным критерием, выделявшим и объединявшим их, являлся критерий демографический – в первую очередь, это была отдельная социально-демографическая группа. В процесс урбанизации они оказались вовлечены стихийно, независимо от их желаний, когда сельская повседневность, и без того испытывавшая за советский период множество преобразований, вдруг в очередной раз всколыхнулась и вынудила сельчанок искать способы реагировать на вновь изменившиеся условия. Главным образом менялись условия повседневности, тот вещный, материальный мир, который окружал сельских женщин. Поскольку они были неоднородной группой, отличавшейся по составу и характеристикам, то и реагировали они по-разному. Изменялись взгляды и установки, типичные способы реагирования на действительность принимали иные формы, в довершение это приводило к трансформации среды и самого населения, и вся эта эволюция в конечном итоге делала красноярскую деревню новой: урбанизированной, с заметно сократившейся численностью сельчанок, серьезно демографически постаревшей, с по объективным и субъективным причинам снизившейся рождаемостью,

нетипичной для современного типа смертностью и сохранившейся высокой брачностью.

Последнее тридцатилетие советского периода истории стало заключительным этапом перехода к современному типу рождаемости, в ходе которого в сельской местности края окончательно закрепился стереотип малодетности. На протяжении 1960 – 1980-х годов происходило снижение итоговых показателей рождаемости как в условных, так и реальных поколениях сельчанок. Модернизация рождаемости в селах Красноярского края стала одной из важнейших составных частей демографического перехода к современному типу воспроизводства, характерному для постиндустриального общества.

Снижение итоговой рождаемости реальных поколений у сельских женщин края проходило так же, как и повсеместно по республике от старших поколений к младшим, это являлось объективно обусловленной тенденцией, соответствовавшей духу демографической модернизации. Колебания показателей в условных поколениях также не нарушали направленности на снижение, они были специфическими особенностями календарных лет, а именно: вмешательством государства в сферу демографического развития. Ускоренное падение показателей в 1960-е гг. сменилось относительной стабилизацией, а затем новым ростом и возвращением к уровню, достигнутому к началу 1970-х годов, что объяснялось сдвигами в календаре рождений.

Форсированная урбанизация региона ускорила переход к низкой рождаемости. Достигнув приблизительно приемлемого для женщины числа рождений, который устраивал бы и общество, и индивида, рождаемость постепенно закреплялась в форме стереотипа, выражавшемся в наиболее распространенном «среднем» числе детей. Демографическая политика начала 1980-х гг. не изменила его, а лишь ускорила появление детей, рождение которых планировалось на более поздний срок. В результате вместо роста истинной рождаемости и увеличения прироста населения в красноярской деревне, как и повсеместно в республике были изменены календари рождений, появилась волна рождаемости, которая серьезно деформировала возрастную структуру населения.

В исследуемый период брачно-семейная сфера в сельской местности края проходила очередной этап модернизации. Она коснулась как ее внешних форм – в первую очередь, демографических показателей, характеризующих ее развитие, так и системы внутрисемейных взаимоотношений. Ключевым направлением модернизации семьи в XX в. являлся переход от традиционной модели семьи с устойчивой внутренней иерархией к многообразию форм семейных союзов. Это выразилось в изменении некоторых демографических параметров семьи и брака: уменьшилась вероятность прекращения брака в результате овдовения, возросли разводимость и повторная брачность, многопоколенную патриархальную семью сменила супружеская нуклеарная. Внешние трансформации имели под собой и более глубинные процессы – обособление жизни семьи от общества, его атомизация, переход от доминирования внешнего социального контроля к преимущественно внутрисемейному.

Динамика числа семей в деревне, изменение их размера, массового типа и состава, а также эволюция семейной структуры сельского населения в исследуемый период являлась составной частью качественных изменений, которые происходили в это время с семьей. Особенности гендерных стереотипов, связанных со специфичной социальной функцией женщины в семье, массовый тип демографического поведения, в первую очередь репродуктивного и матримониального, оказывали на них, таким образом, первостепенное влияние.

Мы можем утверждать, что за исследуемый период крестьянская усадьба, которая являлась средоточием хозяйственной жизни превратилась в аналог городской квартиры, основным назначением которой являлся отдых во внерабочее время. Сельские женщины все время стремились приблизиться к городским эталонам, старались сделать свое жилище максимально комфортным и красивым. Этому способствовало развитие экономики деревни и рост доходов ее жителей по сравнению с предыдущим периодом. В результате социокультурный разрыв в качестве жизни сельских и городских женщин к концу 1980-х годов стал минимальным за всю советскую историю.

Так как материнство все же является основной социальной функцией женщины, взгляды на него можно считать основной ментальной характеристикой их как социальной группы. Отношение к своему здоровью характеризует, на наш взгляд, самоотношение индивида. Отношение к семье и семейной жизни важно, поскольку, даже с утратой производственной функции, семья не потеряла своего значения, а семейные роли даже под влиянием агрессивной государственной политики обобществления человеческих отношений, оставались для индивида приоритетными.

В селах Красноярского края, в исследуемый период совершавших урбанизационный переход, создавались условия для модернизации общественных процессов и отношений. Происходила трансформация ментально-психологических установок. Резко возросшие темпы социальных процессов: миграционной активности людей, а также сокращение естественного прироста, приводившие к значительному изменению численности и социально-демографического состава сельского населения, сопровождались ломкой традиционных установок и стереотипов, влиявших на поведение.

Таким образом, трансформация поведенческих установок сельских женщин очевидно наблюдается во всех важнейших сторонах их жизни. Во многом диктуемые стремительными трансформациями в экономике и общественной жизни края, изменения все больше захватывали наиболее активные поколения сельских жителей. Деревня постепенно перенимала урбанистические стандарты в первую очередь за счет молодежи, и глубина и скорость этих изменений были бы еще выше, если бы они не тормозились высоким миграционным оттоком молодежи в города. Однако сопоставляя материалы статистики с данными опросов и другими источниками о взглядах и установках сельских жительниц 1960 – 1980-х годов, мы можем утверждать, что к концу исследуемого периода социокультурные черты сельских женщин изменились не принципиально. Иным, более осознанным, стало отношение к материнству. Вышли из репродуктивного возраста те, кто говорил «в мое время всех рожали», теперь женщина принимала решение, становиться ли ей матерью и скольких детей. В двух других

выделенных нами областях – самосохранительной и семейной – сельские женщины сохранили свои традиционные черты.

Демографические и социокультурные характеристики женского населения сел Красноярского края в исследуемый период являлся проекцией всей совокупности экономических, общественных, культурный процессов, происходивших в регионе, на женское население сел.

В качестве практической задачи автор считает необходимым и уже начала работу по созданию под эгидой Сибирского федерального университета виртуального доступного фонда документальных материалов личного происхождения «Женские истории советской эпохи». Проект по народным мемуарам предполагает массовое формирование источников, а также формулирование вопросов, которые «направят» народных авторов на заполнение лакун общественной памяти.

Считаем перспективным создание просопографических портретов сибирских сельчанок 1960 – 1980-х годов. Подобные коллективные биографии групп, отличающихся профессией, родом занятий и социальным статусом будет вестись путем сбора индивидуальных сведений с использованием достижений гуманитарной информатики.

Представляется целесообразным приведение в систему понятийно-категориального аппарата. Например, такие категории как «социальный портрет» и «культура повседневности» нуждаются в осмыслении. Автор считает необходимым провести специальный Сибирский исторический форум в Красноярске, посвященный демографическим и социокультурным процессам, проходившим в обществе в эпоху «зрелого социализма», что позволит не только заполнить «белые пятна» в социальной истории региона, но и, в силу инерционности указанных процессов, сделать практические выводы о современном состоянии общества.

Список источников и литературы

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва)

Ф. А374 Государственный комитет РСФСР по статистике (Госкомстат РСФСР).

Опись 31. Дела постоянного хранения за 1958 – 1960 гг.

Дело 7844. Статсведения автономно-республиканских, краевых, областных статуправлений о родившихся по возрасту и национальности матери за 1960 г.

Дело 7864. Статсведения автономно-республиканских, краевых, областных статуправлений о браках по возрастам брачующихся за 1960 г.

Дело 7865. Статсведения автономно-республиканских, краевых, областных статуправлений о браках по возрастам вступивших в брак в 1960 г.

Дело 7866. Статсведения автономно-республиканских, краевых, областных статуправлений о разводах по возрасту разводящихся и продолжительности расторгнутых браков за 1960 г.

Опись 35. Дела постоянного хранения за 1964 – 1965 гг.

Дело 7674. Статсведения автономно-республиканских, краевых, областных статуправлений о родившихся по порядку их рождения и возрасту матери и о родившихся по порядку их рождения и общественной группе матери за 1965 г.

Дело 7728. Статсведения автономно-республиканских, краевых, областных статуправлений о браках по возрастам вступивших в брак в 1965 г.

Опись 36. Дела постоянного хранения за 1966 – 1968 гг.

Дело 3847. Статданные ЦСУ РСФСР об абортах за 1964 – 1966 годы.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ, г. Москва)

Ф. 1562. Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР.

Опись 336. Бюро Всесоюзной переписи населения. 1926 – 1939 гг.

Дело 1531. Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по Алтайскому краю, Краснодарскому краю, Красноярскому краю, Приморскому краю, Ставропольскому краю, Хабаровскому краю.

Дело 1591. Распределение населения по возрасту и уровню образования по Алтайскому краю, Краснодарскому краю, Красноярскому краю, Приморскому краю, Ставропольскому краю, Хабаровскому краю.

Дело 1631. Распределение населения по общественным группам и возрасту по Алтайскому краю, Краснодарскому краю, Красноярскому краю, Приморскому краю, Ставропольскому краю, Хабаровскому краю.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК, г. Красноярск)

Ф. Р-1300. Краевое статистическое управление

Опись 2. Архивная опись № 2 дел постоянного срока хранения

Дело 3723. Сводные отчеты по общеобразовательным школам, высшим и средним учебным заведениям на начало 1961-62 учебного года. Списки высших учебных заведений. Сводный отчет о численности и составе научных работников на 1 октября 1961 года. Годовая отчетность театров, киноустановок, клубных учреждений, принадлежащих колхозам; о работе музеев. Разовый отчет о трудоустройстве и дальнейшем обучении молодежи, окончившей средние образовательные школы.

Опись 5. Архивная опись № 5 дел постоянного срока хранения

Дело 2749. Сводные годовые статистические отчеты механического движения населения.

Дело 2750. Сводные годовые статистические отчеты механического движения населения.

Дело 2752. Сводные годовые статистические отчеты механического движения населения.

Дело 2986. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по Красноярскому краю.

Дело 3033. Сводные годовые статистические отчеты о половом и возрастном составе сельского населения

Ф. Р-1383. Краевой отдел народного образования

Опись 1. Архивная опись № 1 дел постоянного срока хранения

Дело 737. Сводные статистические отчеты Красноярского КрайОНО о количестве школ, учащихся в них о результатах учебной работы школ края за 1951/1953 годы.

Дело 1070. Документы о контингенте, числе групп, штате дошкольных учреждений (сведения, отчеты, информация, анализы, показатели).

Ф. П-26. Красноярский КК КП РСФСР

Опись 32. Опись 32 постоянного срока хранения

Дело 10. Стенограмма заседаний XII крайпартконференции

Дело 161. Протокол XXVI Орджоникидзевской райпартконференции

Дело 171. Протокол XV Таймырской райпартконференции

Дело 210. Протоколы пленумов и партактивов Назаровского РК КПСС

Дело 231. Протоколы пленумов Хакасского ОК КПСС

Дело 387. Переписка с РК, ОК, ГК КПСС, докладные записки райкомов КПСС, выписки из постановления бюро РК КПСС, информации о выполнении решений РК и крайкома КПСС

Опись 33. Опись 33 постоянного срока хранения

Дело 1. Переписка с ЦК КПСС, и Совмином СССР и РСФСР

Дело 140. Протокол XV Новоселовской райпартконференции

Опись 36. Опись 36 постоянного срока хранения

Дело 10. Протоколы партийной конференции и бюро Бейского районного комитета КПСС

Опись 38. Опись 38 постоянного срока хранения

Дело 55. Справки, отчеты, докладные записки и другие материалы партийных органов и организаций и переписка с ними по перспективным вопросам науки, народного образования и здравоохранения

Опись 39. Опись 39 постоянного срока хранения

Дело 85. Справки, отчеты, докладные записки и другие материалы партийных органов и организаций и переписка с ними по перспективным вопросам работы легкой, пищевой промышленности, предприятий бытового обслуживания населения, общественного питания и торговли

Ф. Р-1386. Исполком Красноярского крайсовета

Оп. 1. Архивная опись №1 документов постоянного срока хранения

Д. 7027. Протокол № 15 заседания исполкома и документы к нему (решения № 223-254)

Ф. П-971. Красноярский краевой совет женщин

Опись 1. Опись дел постоянного хранения

Дело 1. Постановление, директивные письма методические рекомендации, адреса передового опыта о работе комитетов Советских женщин страны

Дело 7. Газетно-журнальные материалы с деятельности краевого женского совета

Дело 8. Информации, справки, отчеты о работе городских и районных женских советов

Дело 11. Материалы первой краевой конференции

Дело 16. Информационный, политический, социально-бытовой материал о положении женщин

Дело 23. Справки, информации Канского Хлопчатобумажного комбината и Красноярского шелкового комбината, краевого управления бытового обслуживания населения об удовлетворении потребностей женщин в быту

Ф. П-6692. Красноярский сельский КК КПСС

Опись 1. Опись 1 постоянного срока хранения

Дело 2. Протокол № 1 заседания организационного бюро Красноярского сельского краевого комитета КПСС

Дело 5. Протоколы заседаний бюро Красноярского сельского краевого комитета КПСС (подлинный) №№ 6, 7.

Дело 6. Протоколы заседаний бюро Красноярского сельского краевого комитета КПСС №№ 17,18,19,20.

II. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ, НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Законодательство о правах женщин в СССР. М.: Юридическая литература, 1975. – 224 с.
2. Кодекс о браке и семье РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1969. – N 32.
3. Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских домов, усиление уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 года // Собрание Законодательства СССР 1936. – №34.
4. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 21.05.1959 г «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста» // СП СССР. – 1959. – №12.
5. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об утверждении Положения о назначении и выплаты пособий на детей малообеспеченным семьям. 12 сентября 1974 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т.10. – М., 1975.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о дополнительных мерах по улучшению условий труда женщин, занятых в народном хозяйстве 25 апреля 1978 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т.11. – М.,1980.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и

одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – №37.

8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23.11.1955 г. «Об отмене запрещения аборт» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1955. – №22.
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР о введении пособий на детей малообеспеченным семьям. 25 сентября 1974 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т.10. – М., 1975.
10. Указ Президиума Верховного Совета СССР о мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей. 2 сентября 1981 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т 11. – М., 1985.
11. Постановление Совета Министров СССР от 13.09.1956 г. №1414 «О дальнейших мерах помощи женщинам-матерям, работающим на предприятиях и в учреждениях» // Собрание Постановлений правительства СССР. – 1957. – №2.
12. Постановление Совета Министров СССР от 8.11.1956 г. № 1586 «О порядке назначения женщинам-работницам и служащим пособий по беременности и родам и выплаты рабочим и служащим, заболевшим во время отпуска, пособий по временной нетрудоспособности» // Собрание Постановлений правительства СССР. – 1957. – №2.
13. Постановление Совета Министров РСФСР о мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения. 30 ноября 1977 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 11. – М., 1980.
14. Постановление Совета Министров СССР о выплате пособий на детей малообеспеченным семьям в районах Дальнего Востока и Сибири, а также в северных и других районах страны. 13 декабря 1983 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. – Т. 15. – М., 1985.

СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИЗДАНИЯ

1. Материалы всесоюзных переписей населения:

- 1) Возрастная структура населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.
- 2) Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. по Красноярскому краю. Сводный том. Красноярск, 1963.
- 3) Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963 г. – 456 с.
- 4) Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.: В 7 т. – М.: Статистика, 1972.
- 5) Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.
- 6) Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Красноярскому краю. – Красноярск, 1990. – с.
- 7) Итоги Всесоюзной переписи населения СССР и регионов России 1989 г. по брачному состоянию полу и возрасту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_89.php.
- 8) Население СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М.
- 9) Основные итоги микропереписи населения 1994 г. по Красноярскому краю. – Красноярск, 1995. – 36 с.
- 10) Социальный паспорт Красноярского края. – Красноярск, 1997. – 165 с.

2. Текущая демографическая статистика:

- 1) Демографический ежегодник Красноярского края. 1997 г. – Красноярск, 1998. – 165 с.
- 2) Демографический ежегодник Красноярского края. 1998 г. – Красноярск, 1999. – 153 с.
- 3) Демографический ежегодник Красноярского края 2000 г. – Красноярск, 2001. – 143 с.
- 4) Естественное движение населения Красноярского края (статистический

сборник). – Красноярск, 1996. – 125 с.

- 5) Естественное и механическое движение населения Красноярского края в 1989 г. – Красноярск, 1990. – 285 с.
- 6) Естественное и механическое движение населения Красноярского края в десятой пятилетке. – Красноярск, 1981. – 109 с.
- 7) Число и состав семей в Красноярском крае (По данным Всесоюзной переписи 1979 г.). Красноярск, 1981. – 140 с.
- 8) Число и состав семей в Красноярском крае (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) – Красноярск, 1991. – 128 с.

3. Тематические сборники:

- 1) Женщины в СССР. 1987: стат. материалы. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 38 с.
- 2) Народное хозяйство Красноярского края: стат. сб. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1967. – 260 с.
- 3) Народное хозяйство Красноярского края. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1985. – 190 с.
- 4) Народное хозяйство Красноярского края в 1989 г.: стат. ежегодник. Красноярск: Красноярский краевой комитет государственной статистики, 1990. – 390 с.
- 5) Семья в России: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 1996. – 239 с.

4. Справочная литература, учебники:

- 1) Борисов, В.А. Демография: Учебник для вузов / В.А. Борисов. – М.: NOTA BENE, 2003. – 272 с.
- 2) Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 607 с.
- 3) Капкан, М.В. Культура повседневности / М.В. Капкан. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 110 с.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ:

1. «Известия» 1960 – 1989 гг.

2. «Красное знамя». 1960 – 1989 гг.
3. «Красноярский рабочий». 1960 – 1989 гг.
4. «Крестьянка». 1960 – 1989 гг.
5. «Сибирские огни». 1960 -1989 гг.
6. «Сельская жизнь». 1960 – 1989 гг.
7. «Сельская новь». 1966 – 1989 гг.
8. «Сельская правда». 1960 – 1989 гг.
9. «Советская женщина» 1960 – 1989 гг.

МЕМУАРЫ

Воспоминания жителей Красноярского края из личного архива диссертанта, полученные в ходе бесед и анкетирования:

1. Аксенова З. А., г. Красноярск, 2007 г.
2. Баловсяк У. И., с. Тины Нижнеингашского района Красноярского края, 2017 г.
3. Борисова А. А., с. Большой Улуй Большеулуйского района Красноярского края, 2017 г.
4. Бычкова Г. И., д. Богдановка Иланского района Красноярского края, 2007 г.
5. Васильева М. А., с. Канарай Дзержинского района Красноярского края, 2007 г.
6. Винниченко И. И., с. Частоостровское Емельяновского района Красноярского края, 2017 г.
7. Воробьева В. Н., д. Алексеевка Ужурского района Красноярского края, 2007 г.
8. Дубовицкая П. С., д. Ольховка Ачинского района Красноярского края, 2017 г.
9. Иванченко О. А., г. Красноярск, 2007 г.
10. Кандалинцева Е. Е., д. Николаевка Боготольского района Красноярского края, 2017 г.

11. Комогорцева А. Н., п. Таежный Богучанского района Красноярского края, 2017 г.
12. Коркунова А. Ф., с. Копьево Орджоникидзевского района Красноярского края, 2017 г.
13. Лейман М. А., с. Чухломино Ирбейского района Красноярского края, 2017 г.
14. Логачева Г. Е., с. Белый Яр Ачинского района Красноярского края, 2007 г.
15. Марженакова Л. Ф., с. Городок Минусинского района Красноярского края, 2017 г.
16. Приз В. О., с. Вершино-Рыбное Партизанского района Красноярского края, 2017 г.
17. Пряткина И. А., с. Бея Бейского района Республики Хакасия, 2017 г.
18. Таянчина В. Я., д. Турецк Большеулуйского района Красноярского края, 2017 г.
19. Тюрина В. П., с. Агинское Саянского района Красноярского края, 2017 г.
20. Сержантова Г. И., с. Российка Большемуртинского района Красноярского края, 2017 г.
21. Серина А. А., д. Алексеевка Ужурского района Красноярского края, 2007 г.
22. Юрченко Л. И., с. Сотниково Канского района Красноярского края, 2017 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Абрамов, Ф. А. Дела российские: Повести и рассказы / Ф.А. Абрамов. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 526 с.
2. Астафьев, В. П. Затеси / В.П. Астафьев. – М.: Советский писатель, 1972. – 237 с.
3. Астафьев В. Повести и рассказы / В.П. Астафьев. – М.: Советский писатель, 1984. – 685 с.
4. Карнаухов, А. Ф. Село твое уйдет на дно морское: Книга о кежмарях, жителях Кежемского района /А.Ф. Карнаухов. – Красноярск, 2009. – 80 с.

5. Корытковская, А. Было такое лето / А. Корытковская. – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1975. – 183 с.
6. Распутин, В. Г. Повести / В.Г. Распутин. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 652 с.
7. Шукшин, В. М. Повести и рассказы / В.М. Шукшин. – Алма-Ата: Мектеп, 1985. – 430 с.

Литература

1. Авдеев, А. А. Демографические аспекты планирования семьи / А. А. Авдеев // Рождаемость: социологические и демографические аспекты. – М.: ИСИ АН СССР, 1988. – С. 79–97.
2. Азарова, Е. Г. Проблемы равноправия женщины и мужчины в социальном обеспечении в СССР / Е. Г. Азарова. – М.: Наука, 1989. – 162 с.
3. Азарх, Э. А. Развитие системы здравоохранения / Э. А. Азарх // Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни. – Новосибирск : СО АН СССР ИЭиОПП, 1981. – С. 163–178.
4. Аксенова М. Н. Военное поколение сельских жителей Красноярского края // Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: 60 лет Победы: Материалы научной конференции. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 208 – 214.
5. Аксенова М. Н. Демографическое поведение красноярских сельчанок края в 1960 – 1980-х гг. (историография вопроса) // Духовно-исторические чтения: материалы региональной научно-практической конференции. Красноярск – Шира, 28 июня – 5 июля 2014 г. – Красноярск, 2014. – С. 38 –44.
6. Аксенова М. Н. Динамика численности сельских женщин Красноярского края в 1960 - 1980-х гг. // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. V. 300 лет в составе России: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию вхождения территории Юга Сибири в состав России. Минусинск, 12-14 декабря 2007 г. Красноярск, 2008. – С. 175 – 179.
7. Аксенова М. Н. Изменение матримониального поведения сельских

женщин Красноярского края в 1960 - 1980-х годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №32. История. Вып.35. – С. 84 – 87.

8. Аксенова М. Н. Некоторые черты социального портрета поколения «беби-бумеров» в красноярской деревне // Новые технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития: сборник научных трудов по материалам Международной научно- практической конференции 28 апреля 2018 г.: в 4-х ч. / Под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Часть I. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2018. – С. 91 – 97.

9. Аксенова М. Н. Образование сельских женщин Красноярского края (по материалам переписи 1989 г.) // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. г. Красноярск, 15-16 ноября 2005 г. – Красноярск: Краснояр. гос.пед. ун-т. 2006. – С. 189 – 194.

10.Аксенова М. Н. Роль естественного и механического движения в динамике численности сельских женщин Красноярского края в 1960 - 1980-х годах // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. – Усть-Каменогорск: Либриус, 2008. – С. 5 – 21.

11. Аксенова М. Н. Семья в красноярской деревне в 1960 – 1980-х гг. (демографические аспекты) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №12. Ч. 2. – С. 20 – 23.

12.Аксенова М. Н. Смертность сельских женщин Красноярского края в 1960-1980-х гг. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: Сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции. – Усть-Каменогорск: Либриус, 2009. – С. 5 – 21.

13.Аксенова М. Н. Эволюция возрастного состава сельского населения красноярского края в 1960 - 1980-х гг. // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы Третьей Всероссийской конференции

(Казань, 13 - 14 ноября 2008 г.) – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 1001 – 1015.

14. Аксенова М. Н. Эволюция репродуктивного поведения сельских женщин Красноярского края в 1960 – 1980-х гг.: опыт когортного анализа // Женщина в российском обществе. 2013. №2. – С. 26 – 32.

15. Аксенова М. Н. Эволюция рождаемости в сельской местности Красноярского края в 1960 – 1980-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №11. Ч. 1. – С. 36 – 38.

16. Аксенова М. Н. Эволюция семейного состава сельского населения Красноярского края в 1960-1980-х гг. // Научный альманах. 2015. №12-3 (14). – С. 115 – 118.

17. Алиакберова, Н. М. Социально-экономическая обусловленность демографического поведения населения / Н. М. Алиакберова // Демографическое поведение населения: Сб. науч. тр. – Ташкент: ТашГУ, 1987. – С. 9–13.

18. Андреев, Е. М. Население Советского Союза: 1922 – 1991. / Е. М. Андреев. – М.: Наука, 1993. – 143 с.

19. Андреев, Е. М. Продолжительность жизни и причины смертности в СССР / Е. М. Андреев // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 90–116.

20. Антонов, А. И. Проблема изучения самосохранительного поведения населения в демографии / А. И. Антонов // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. – М.: ИСИ, 1986. – С. 128–133.

21. Антонов, А. И. Второй ребенок / А. И. Антонов, В. М. Медков. – М.: Мысль, 1987. – 299 с.

22. Антонов, А. И. Эволюция рождаемости и репродуктивного поведения населения в СССР // Демографическое развитие СССР в послевоенный период. – М: Ин-т социологических исследований АН СССР, 1984. С. 48–66.

23. Антропова, Ю. Ю. Государственная политика в интересах семьи, женщин и детей на Урале в советский период: социологический анализ / Ю. Ю.

Антропова // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2007. – №4. – С. 133-146.

24. Архангельский, В. Н. Воспроизводство населения России / В. Н. Архангельский. – М.: НИИ семьи, 1998. – 115 с.

25. Архангельский, В. Н. Факторы рождаемости / В. Н. Архангельский. – М.: ТЕИС, 2006. – 399 с.

26. Бадалян, Т. М. Семейно-брачная структура сельского населения Западной Сибири (2-я пол. 40-х - нач. 90-х гг.) / Т. М. Бадалян, И. Б. Карпунина // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отеч. история. – Новосибирск, 1996. – N 2. – С.96 – 100.

27. Баздырев, К. Развитие семьи и демографическая политика / К. Баздырев // Семья сегодня. – М.: Статистика, 1979. – С. 3–17.

28. Баранцева, Н. А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – конце XX вв. / Н. А. Баранцева. – Абакан: Изд-во ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2011. – 208 с.

29. Бедный, М. С. Демографические факторы здоровья / М. С. Бедный. – М.: Финансы и статистика, 1984. – 247 с.

30. Бедный, М. С. Здоровье и продолжительность жизни (демографический аспект) / М. С. Бедный. – М.: Общество «Знание» РСФСР, 1990. – 40 с.

31. Бедный, М. С. Продолжительность жизни в городах и селах / М. С. Бедный. – М.: Статистика, 1976. – 96 с.

32. Бедный, М. С. Продолжительность жизни (статистика, факторы, возможности увеличения) / М. С. Бедный. – М.: Статистика, 1967. – 216 с.

33. Безнин, М. А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье, 1950 – 1965. / М. А. Безнин. – М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1991. – 255 с.

34. Безнин, М. А. Повинности российских колхозников в 1930 – 1960-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Российская история. – 2002. – №3. – С. 96 –111.

35. Белова, В. А. Некоторые аспекты изучения репродуктивного поведения / В. А. Белова // Рождаемость (проблемы изучения). – М.: Статистика, 1976. – С.

93–105.

36. Белова, В. А. Число детей в семье / В. А. Белова. – М.: Статистика, 1975. – 176 с.

37. Белова, В. А. Статистика мнений в изучении рождаемости / В. А. Белова, Л. Е. Дарский. – М.: Статистика, 1972. – 142 с.

38. Белова, В. С. Решение женского вопроса в СССР / В. С. Белова. – М.: Общество «Знание» РСФСР, 1975. – 56 с.

39. Беляева, М. А. Репродуктивное поведение человека. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 264 с.

40. Блюм, А. Родиться, жить и умереть в СССР / А. Блюм. – М.: Новое изд-во, 2005. – 169 с.

41. Бойко, В. В. Малодетная семья: социально-психологический аспект / В. В. Бойко – М.: МЫСЛЬ, 1988. – 237 с.

42. Бойко, В. В. От чего зависит потребность в детях / В. В. Бойко // Рождаемость: известное и неизвестное. – М.: Финансы и статистика, 1983. – С. 30–49.

43. Бондарская, Г. А. Этническая дифференциация рождаемости в СССР и ее сущность / Г. А. Бондарская // Рождаемость (проблемы изучения). – М.: Статистика, 1976. – С. 106–120.

44. Бондарская, Г. А. Брачное состояние женщин и рождаемость / Г. А. Бондарская, Л. Е. Дарский // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 28–58.

45. Бондарская Г. А. Этническая дифференциация брачности женщин в СССР. Демографический аспект / Г. А. Бондарская, И. П. Ильина // Демографическое развитие семьи. – М.: Статистика, 1979. – С. 7–36.

46. Борисов, В. А. Демографическая дезорганизация России: 1897 – 2007 / В. А. Борисов. – М.: NOTA BENE, 2007. – 751 с.

47. Борисов, В. А. Перспективы рождаемости / В. А. Борисов. – М.: Статистика, 1976. – 248 с.

48. Борисов, В. А. Рождаемость в СССР: тенденции и проблемы /

В. А. Борисов // Рождаемость: известное и неизвестное. – М.: Финансы и статистика, 1983. – С. 18–29.

49. Борисов, В. Репродуктивное поведение и методы его изучения. Проблемы рождаемости / В. Борисов, Г. Киселева // Демографические процессы в СССР (советские доклады к советско-финскому семинару по проблемам демографии). – М.: ИСИ, 1983. – С. 4–28.

50. Бородкин, Ф. М. Проблемы демографического развития Сибири / Ф. М. Бородкин, С. В. Соболева // Демографическое развитие Сибири (прикладные и теоретические аспекты исследования). – Новосибирск: СО АН СССР, ИЭиОПП, 1987. – С. 3–17.

51. Боярский, А. Я. Режим воспроизводства населения и состав семьи // Проблемы демографической статистики – М.: Наука, 1966. – С. 9–18.

52. Бреев, Б. Д. К вопросу о старении населения и депопуляции // Социологические исследования – 1998. – №2. – С. 61–66.

53. Васильева, Э. К. Семья и ее функции (демографо-статистический анализ) / Э. К. Васильева. – М.: Статистика, 1975. – 181 с.

54. Васильева, Э. К. Социально-экономическая структура населения СССР (статистико-демографический анализ) / Э. К. Васильева. – М.: Статистика, 1978. – 206 с.

55. Вишневский, А. Г. Воспроизводство населения и общество: история, современность, взгляд в будущее / А. Г. Вишневский. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.

56. Вишневский, А. Г. Избранные демографические труды: В 2 т. / А. Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – 368 с.

57. Вишневский, А. Г. О мотивационной основе рождаемости / А. Г. Вишневский // Демографическое развитие семьи. – М.: Статистика, 1979. – С. 126–150.

58. Вишневский, А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России / А. Г. Вишневский // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. – М.: Статистика, 1977. – С. 105–134.

59. Вишневский, А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / А. Г. Вишневский. – М.: ОГИ, 1998. – 433 с.
60. Волков, А. Г. Влияние урбанизации на демографические процессы в СССР / А. Г. Волков // Проблемы современной урбанизации. – М.: Статистика, 1972. – С. 105–124.
61. Волков, А. Г. Семья глазами демографа / А. Г. Волков – М.: Знание, 1989. – 64 с.
62. Волков, А. Г. Демографическое развитие семьи / А. Г. Волков, Л. Е. Дарский // Демографическое развитие в СССР. – М.: Мысль, 1985. – С. 53–72.
63. Воробьев, В. В. Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования) / В. В. Воробьев. – Новосибирск: Наука, 1977. – 159 с.
64. Воронина, О. Женский вопрос / О. Воронина // СССР: демографический диагноз. – М.: Прогресс, 1990. – С. 351–373.
65. Воспроизводство населения СССР / А. Г. Волков. А. Г. Вишневский, Е. М. Андреев. М.: Финансы и статистика, 1983. – 303 с.
66. Голод, С. И. Состояние и перспективы развития семьи: Теоретико-типологический анализ / С. И. Голод, А. А. Клецин. – С-Пб. : СПб. филиал ИС РАН, 1994. – 42 с.
67. Гончарова, Г.С. Семейно-брачные отношения у народов Сибири : проблемы, тенденции, перспективы / Г.С. Гончарова. – Новосибирск: «Нонпарель», 2004. – 288 с.
68. Горбачев, М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира / М.С. Горбачев. – М.: ИПЛ, 1988. – 272 с.
69. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / Т. Нефедова – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.
70. Городская и сельская семья / Д. И. Валентей – М.: Мысль, 1987. – 112 с.
71. Градскова, Ю. В. «Обычная» советская женщина – обзор описаний идентичности / Ю. В. Градскова. – М.: Спутник плюс, 1999. – 158 с.
72. Григорьев, Ю. А. Здоровье населения Сибири: региональные и

этнические проблемы / Ю. А. Григорьев, П. Н. Москвитин, С. Р. Соколовский и др. // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991. – С. 70–82.

73. Григорьева, Е. А. Культурно-досуговая деятельность сельского населения красноярского края в 1960-1980-х гг. // Духовно-исторические чтения. – Красноярск: КрасГАСА, 2003. – С. 275 – 283.

74. Дарский, Л. Е. Проблемы изучения факторов рождаемости / Л. Е. Дарский // Рождаемость (проблемы изучения). – М.: Статистика, 1976. – С. 3–21.

75. Дарский, Л. Е. Рождаемость и репродуктивная функция семьи / Л. Е. Дарский // Демографическое развитие семьи. – М.: Статистика, 1979. – С. 85–125.

76. Дарский, Л. Е. Социально-демографическое исследование проблем рождаемости / Л.Е. Дарский // Социологические исследования. – 1979. – №3. – С. 10–19.

77. Дарский, Л. Е. Формирование семьи / Л. Е. Дарский – М.: Статистика, 1972. – 208 с.

78. Дарский, Л. Е. Нормализация брачности в СССР / Л. Е. Дарский, И. П. Ильина // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 6–28.

79. Дегальцева, Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. / Е. А. Дегальцева. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. – 188 с.

80. Демографическая модернизация России, 1990-2000 / А. Г. Вишневский. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.

81. Демографическая политика в области сельской семьи в условиях агропромышленной интеграции (Препринт доклада). – Саратов, 1988. – 66 с.

82. Демографическая политика: Опыт социалистических стран: Сб. статей / А. Г. Волков. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 189 с.

83. Демографические исследования: сборник / А. И. Антонов. – М.: КДУ, 2009. – 292 с.

84. Демографические перспективы России: Статистический сборник /

А. Г. Волков. – М.: Республиканский информационно-издательский центр Госкомстата России, 1993. – 63 с.

85. Демографические проблемы семьи / Н. М. Римашевская. – М.: Наука, 1978. – 207 с.

86. Демографические процессы и их закономерности / А. Г. Волков – М.: Мысль, 1989. – 191 с.

87. Демографы думают, спорят, советуют... / Г. П. Киселева – М.: Финансы и статистика, 1987. – 174 с.

88. Денисенко, М. Б. Вопросы изучения смертности населения малых территорий / М. Б. Денисенко // Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы. – М.: МАКС ПРЕСС, 2007. – 328 с.

89. Денисова, Л. Н. Женщины русских селений. Трудовые будни / Л. Н. Денисова. – М.: Издательский дом «Мир истории», 2003. – 336 с.

90. Денисова, Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960-80-е гг. / Л. Н. Денисова. – М.: Ин-т рос. истории, 1996. – 215 с.

91. Денисова, Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт / Л. Н. Денисова. – М.: РОССПЭН, 2007. – 480 с.

92. Дзарасова, И. Воспроизводство населения города и села/ И. Дзарасова, И. Калинюк // Миграция сельского населения. – М.: Мысль, 1970. – С. 19-30.

93. Дмитриева, Р. М. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти / Р. М. Дмитриева, Е. И. Андреев // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. – М.: Статистика, 1977. – С.44–71.

94. Добренькая, М. В. Образцовое жилище москвича 1950-х гг. в фотографиях Центрального архива электронных и аудиовизуальных документов Москвы / М.В. Добренькая // Отечественные архивы. – 2008. – N 2. – С. 103–108.

95. Долгачева, Т. И. Анализ демографической ситуации Красноярского края / Т. И. Долгачева, Л. И. Пищаева // Ученые – юбилею вуза: Сборник научных трудов. – Красноярск: КрасГАСА, 2002. – С. 94–99.

96. Елизаров, В. В. Демографическая ситуация и проблемы семейной политики / В. В. Елизаров // Социологические исследования. – 1998. – №2. – С. 55–61.

97. Ельчанинова, О. Ю. Сельское население Среднего Поволжья в период реформ 1953-1964 гг. / О. Ю. Ельчанинова. – Самара: Науч.-технический центр, 2006. – 175 с.

98. Женщины в современном мире. К итогам X-летия женщины ООН / В. В. Любимова. – М.: Наука, 1989. – 286 с.

99. Женщины и российское общество: научно-исторический аспект / О. А. Хасбулатова. – Иваново: ИвГУ, 1995. – 112 с.

100. Женщины на работе и дома. – М.: Статистика, 1978. – 96 с.

101. Женщины Страны Советов: Краткий исторический очерк. – М.: Политиздат, 1977. – 240 с.

102. Жизнедеятельность семьи: Тенденции и проблемы / А. И. Антонов. – М.: Наука, 1990. – 128 с.

103. Жиромская, В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. Историко-демографический аспект. 1946 – 1960 гг. / В. Б. Жиромская. – М.: РГГУ, 2009. – 311 с.

104. Журженко, Т. Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистической теории / Т. Ю. Журженко // Общественные науки и современность. – 2000. – №4. – С. 27-40.

105. Зайончковская, Ж. А. Демографическая ситуация и расселение / Ж. А. Зайончковская. – М.: Наука, 1991. – 132 с.

106. Зайончковская, Ж. А., Современная миграция населения Красноярского края / Ж. А. Зайончковская, В. И. Переведенцев. – Новосибирск: РИО СО РАН. – 1964. – 105 с.

107. Занданова, Л. В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX века) / Л. В. Занданова. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. пед. ун-та, 1997. – 158 с.

108. Занданова, Л. В. Переселение крестьянства в лесную

промышленность Сибири в 50-е гг. XX в. / Л. В. Занданова // Духовно-исторические чтения: Тезисы докладов межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск: КрасГАСА, 1998. – С. 36–41.

109. Захарова, Н. Как мы решаем женский вопрос / Н. Захарова, А. Посадская, Н. Римашевская // Коммунист. – 1989. – №4. – С. 56–65.

110. Захарова, О. История и развитие демографического кризиса в России / О. Захарова, Е. Сигарева – М.: ИСПИ РАН, 2000. – 68 с.

111. Захарова О. Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке / О. Д. Захарова – М: ИСПИ, 1993. – 130 с.

112. Захарова, Т. Г. Общественно-политическая значимость репродуктивного здоровья женщин / Т. Г. Захарова, Г. Н. Гончарова // Женщины на пороге XXI века: Сборник материалов научно-практической конференции – Красноярск: Кларетианум, 2002. – С. 42–44.

113. Зверева, Н. В. Занятость женщин и задача демографической политики / Н. В. Зверева // Демографическая политика и возможности социального воздействия на него в условиях социализма – М.: ИСИ, 1986. – С. 103–105.

114. Звидриныш, П. П. Стабильность брака и рождаемость / П. П. Звидриныш // Рождаемость: известное и неизвестное. – М.: Финансы и статистика, 1983. – С. 61–69.

115. Звидриныш, П. П. Социально-демографический состав неполных семей / П. П. Звидриныш, Л. Р. Эзера // Социологические исследования. – 1987. – №3. – С. 37–42.

116. Иванова, Е. И. Проблема поколений и воспроизводство населения: теоретические подходы и реальность / Е. И. Иванова // Социологические исследования. – 2012. – №4. – С. 42–53.

117. Иванова, Л. Ю. Самосохранительное поведение и его гендерные особенности [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/applied_research/document644.shtml

118. Ильина, И. П. Влияние войн на брачность женщин / И. П. Ильина // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. – М.: Статистика, 1977. –

С. 50–61.

119. Ильина, И. П. Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих / И. П. Ильина // Рождаемость (проблемы изучения). – М.: Статистика, 1976. – С. 121–133.

120. Ильиных, В. А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы / В. А. Ильиных // Российская история. – 2012. – №1. – С. 130–141.

121. Ильиных, В. А. Крестьянская семья и двор в Западной Сибири в 1930 – 1980-е гг.: (Концепция научно-исследовательского проекта) / В. А. Ильиных, Т. М. Бадалян // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1999. – С.3–12.

122. Историческая демография Сибири: Сб. научн. тр. / Р. С. Васильевский, Н. Я. Гущин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 237 с.

123. История Сибири. Т V. Сибирь в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму (1937 – 1965 гг.). – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1969. – 469 с.

124. Калинюк, И. В. Возрастная структура населения СССР / И. В. Калинюк – М.: Статистика, 1975. – 111 с.

125. Калинюк, И. В. «Третий возраст» / И. В. Калинюк // СССР: демографический диагноз. – М.: Прогресс, 1990. – С. 374–386.

126. Калугина, З. И. Тенденции изменения личного подсобного хозяйства в сибирской деревне / З. И. Калугина // Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни. – Новосибирск: СО АН СССР ИЭиОПП, 1981. – С. 79–91.

127. Карпунина, И. Б. Ликвидация «неперспективных» деревень в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: проблемы изучения / И. Б. Карпунина // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Новосибирск, 2006. Вып. 7. – С. 157–173.

128. Карпунина, И. Б. Последствия ликвидации «неперспективных» деревень в Западной Сибири (1960 – 1980 – е гг.) / И. Б. Карпунина // Актуальные

вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. – Барнаул: "Аз Бука", 2005. – С. 25–27.

129. Карпунина, И. Б. Семейная структура сельского населения Сибири в 1960-1980-х гг.: проблемы изучения / И. Б. Карпунина // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX в.: проблемы изучения. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 1999. – С.127–158.

130. Карпунина, И. Б. Сельская семья Западной Сибири в 1960 – 1980-е гг.: изменение численности и хозяйственных возможностей / И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отеч. история. – 2000. – N 2. – С.78–81.

131. Карпунина, И. Б. Сельское население Западной Сибири (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации) / И. Б. Карпунина, А. П. Мелентьева, В. А. Ильиных. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2003. – 190 с.

132. Киселева, Г. П. Нужно ли повышать рождаемость / Г. П. Киселева. – М.: Статистика, 1979. – 103 с.

133. Киселева, Т. Г. Женщина и семья в послеоктябрьский период: Опыт исторического анализа / Т. Г. Киселева. – М.: МГУК, 1995. – 37 с.

134. Киселева, О. В. Предпосылки развития градостроительства в Красноярском крае во второй половине XX века (по материалам периодической печати). Режим доступа:

http://elib.sfukras.ru/bitstream/handle/2311/4506/72_11.pdf?sequence=1

135. Климантова, Г. И. Молодая семья – демографический ресурс России / Г. И. Климантова, Т. К. Ростовская. – М.: Издательского Российского гос. соц. ун-та, 2008. – 198 с.

136. Котов, В. И. Народы союзных республик СССР. 60 – 80-е гг. Этнодемографические процессы / В. И. Котов. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 277 с.

137. Край большого будущего. История, действительность, перспектива: Материалы конференции. – Красноярск, 2004. –164 с.

138. Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V

краеведческих чтений, ноябрь 2004 г. / В. И. Федорова, Т. Л. Савельева. – Красноярск : ГУНБ, 2005. – 232 с.

139. Красноярский край: исторические аспекты территориального, экономического и культурного развития. Тезисы докладов и сообщений научной конференции – Красноярск, 2006. – 245 с.

140. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960 – 1980-е гг. / Н. Я. Гущин. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 493 с.

141. Кризис семьи и депопуляция в России: («Круглый стол») // Социологические исследования. – 1999. – N 11. – С. 50–57.

142. Круткин, В. Л. Исследования визуальных аспектов культуры / В.Л. Круткин, Т. А. Власова // Ижевск: ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2009. – 144 с.

143. Ксенофонтова, Н. Ю. Некоторые тенденции младенческой смертности в последнее десятилетие / Н. Ю. Ксенофонтова // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 116–134.

144. Кузьмин, А. И. Семья на Урале. Демографические аспекты выбора жизненного пути / А. И. Кузьмин – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – 239 с.

145. Кузьмин, А. И. Социально-экономические факторы и мотивы репродуктивного поведения семьи / А. И. Кузьмин // Семья как объект социально-демографических исследований. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1984 – С. 33–51.

146. Кунгурова, Н. И. Женщина в общественном производстве при социализме: экономико-демографический аспект / Н. И. Кунгурова. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 166 с.

147. Курганов, А. И. Женщины и коммунизм. Нью-Йорк, 1968 г. 264 с.

148. Лакиза-Сачук, Н. Одиночество пожилых: социально-демографический аспект / Н. Лакиза-Сачук // Пожилые люди в нашей стране. – М.: Статистика, 1977. – С. 48–58.

149. Литвинова, Г. И. Свет и тени прогресса: (Социально-демографические проблемы СССР) / Г. И. Литвинова. – М.: Советская Россия, 1989. – 272 с.

150. Лукашук, Ю. М. Социально-демографические последствия двойной

занятости женщин / Ю. М. Лукашук // Проблемы социальной демографии. – М.: ИСИ, 1987. – С. 177–191.

151. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 394 с.

152. Мазур, Л. Н. Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.) / Л. Н. Мазур // Российская история. – 2005. – №6. – С. 25–37.

153. Мазур, Л. Н. Российская деревня в условиях модернизационного перехода. 1930 – 1980-е гг. / Л. Н. Мазур // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмскГАУ, 2004. – С. 86–89.

154. Мазур, Л. Н. Эволюция расселения на Урале в XX веке: концепция модернизаций / Л. Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 5. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2005. – С. 238–277.

155. Макаров, Н. Сибирское поле / Н. Макаров // Красноярский взлет, 1971 – 1990. – С. 310 – 316.

156. Маштаков, Б. Исцеления ради / Б. Маштаков // Красноярский взлет, 1971 – 1990. Красноярск, 1994. – С. 353 – 356.

157. Мерков, А. М. Демографическая статистика / А. М. Мерков. – М.: Медгиз, 1960. – 220 с.

158. Методология и методика системного изучения советской деревни / В. А. Артемов, В. А. Калмык и др. – Новосибирск: Наука, 1980. – 344 с.

159. Миграция населения РСФСР / А. З. Майков – М.: Статистика, 1973. – 167 с.

160. Миграция сельского населения в Центральном экономическом районе. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 123 с.

161. Митина, О. В. Женское гендерное поведение в социальном и кросс-культурном аспектах / О. В. Митина // Общественные науки и современность. – 1999. – №3. – С. 180–189.

162. Михеева, А. Р. Некоторые методологические аспекты вопросов демографического анализа семьи / А. Р. Михеева // Демографическое развитие

Сибири (прикладные и теоретические аспекты исследования) – Новосибирск: СО АН СССР, ИЭиОПП, 1987. – С. 92–107.

163. Михеева, А. Р. Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние / А. Р. Михеева. – Новосибирск: ИЭиОПП, 1993. – 156 с.

164. Михеева, А. Р. Семейная структура сельского населения / А.Р. Михеева // Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни – Новосибирск: СО АН СССР. ИЭиОПП, 1981. – С. 91–111.

165. Михеева, А. Р. Феномен сожителства в сибирской деревне: Новая форма семьи или продолжение традиции / А. Р. Михеева // ЭКО : Экономика и орг. пром. пр-ва. – 1994. – N 6. – С.104–116.

166. Мокеров, И. П. Экономико-демографическое развитие семьи. / И. П. Мокеров, А.И. Кузьмин – М.: Наука, 1990. – 104 с.

167. Народы Приенисейской Сибири. История и современность. Материалы научно-практической конференции. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 176 с.

168. Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. – Т. 3 кн. 1. Население России в XX веке. Исторические очерки. 1960 – 1979 гг. – М.: РОССПЭН, 2005. – 304 с.

169. Население России в XX веке. Исторические очерки: В 3 т. – Т. 3 кн. 2. Население России в XX веке. Исторические очерки. 1980 – 1990 гг. – М.: РОССПЭН, 2011. – 295 с.

170. Население СССР за 70 лет. / Л. Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

171. Немировский, В. Г. Динамика социально-демографических процессов в Красноярском крае / В. Г. Немировский // Вопросы статистики. – 1999. – №5. – С. 70–74.

172. Никитаева, Е. Б. Исчезающая деревня (1960-сер.1980-х гг.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://you1917-91.narod.ru/nikitaeva_ischez.html

173. Никитенко, В. В. Демографический анализ поколений /

В. В. Никитенко. – М.: Статистика, 1979. – 149 с.

174. Новикова, Э. Е. Женщина в развитом социалистическом обществе. – М.: Мысль, 1985. – 157 с.

175. Новицкий, А. Г. Демографическое старение населения / А. Г. Новицкий, В. Д. Шапиро // Демографическое развитие в СССР. – М.: Мысль, 1985. – С. 82–93.

176. Нуркова, В. В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ / В. В. Нуркова. – М.: РГГУ, 2006. – 287 с.

177. Опыт КПСС в решении женского вопроса / Н. И. Кондакова. // М.: Мысль, 1981. – 269 с.

178. Особенности демографического развития в СССР / Р. С. Ротова. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 232 с.

179. Панкратова, М. Г. Женщина – занятость – семья // Семья как объект социальной политики – М.: ИС РАН, 1986. – С. 29–40.

180. Панкратова, М. Г. Сельская женщина в СССР / М. Г. Панкратова – М.: Мысль, 1990. – 191 с.

181. Панкратова, М. Г. Сельские жители в России. Судьбы и семьи в XX веке / М. Г. Панкратова – М.: ИС РАН, 1995. – 60 с.

182. Переведенцев, В. И. 270 миллионов / В. И. Переведенцев. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 111 с.

183. Переведенцев, В. И. Молодая семья сегодня / В. И. Переведенцев. – М.: Знание, 1987. – 80 с.

184. Переведенцев, В. И. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР / В. И. Переведенцев. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

185. Переведенцев В. И. Плачу долги, даю займы: Актуальные проблемы демографии / В. И. Переведенцев. – М.: Советская Россия, 1983. – 143 с.

186. Петраков, А. А. Демографический мир семьи / А. А. Петраков. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 164 с.

187. Петраков, А. О воздействии миграции на рождаемость // Люди в городе и на селе. – М.: Мысль, 1970. – С. 56–57.

188. Пирожков, С. И. Демографические процессы и возрастная структура населения / С. И. Пирожков. – М.: Статистика, 1976. – 135 с.
189. Погребняк, А. И. Основные тенденции в развитии торговли Сибири (1946-1985 гг.) // Наука, образование в системе культуры: Сибирь и Россия: освоение, развитие, перспективы. Красноярск, 2006. С. 124 – 127.
190. Пожилые люди в нашей стране. – М.: Статистика, 1977. – 80 с.
191. Поляков, Л. Е. Цена войны: демографический аспект / Л.Е. Поляков. – М.: Финансы и статистика, 1985. – 136 с.
192. Попов, В. П. «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е - начале 60-х гг.) / В. П. Попов // Отечественные архивы. – 1994. – № 1. – С. 35–37.
193. Проблемы демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность: статьи V Международной научно-практической конференции, сентябрь 2007 г. / С. Д. Морозов, В. Б. Жиромская. – Пенза: МНИЦ ПГСХА, 2007. – 123 с.
194. Проблемы социального воспроизводства советской деревни в условиях агропромышленной интеграции – М.: ИСИ АН СССР, 1986. – 191 с.
195. Проблемы социального развития деревни советской Сибири. – Новосибирск: СО АН СССР, 1979. – 163 с.
196. Пушкарева, Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях / Н. Л. Пушкарева // Вопросы истории. – 1998. – № 6 – С. 76–86.
197. Пушкарева, Н. Л. Женские исследования и женская история в России и за ее пределами (о российской ассоциации исследователей женской истории и не только о ней) / Н. Л. Пушкарева // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2010. – С. 5–11.
198. Пушкарева, Н. Л. Женщина в русской семье: традиции и современность / Н. Л. Пушкарева // Гендер. Семья. Культура : Сб. статей. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. – С. 177–189.
199. Пушкарева Н. Л. Русская женщина в семье и обществе X-XX вв.: этапы истории / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 1994. – N 5. –

200. Пушкарева Н. Л. Русская женщина : история и современность. Два века изучения "женской темы" русской и зарубежной наукой. 1800-2000. Материалы к библиографии / Н. Л. Пушкарева. – М.: Ладомир, 2002. – 522 с.

201. Пушкарева, Н. Л. Предмет и перспективы гендерного подхода в исторических науках / Н. Л. Пушкарева // Пол и гендер в науках о человеке и обществе. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – С. 19–43.

202. Пушкарева, Н. Л. Что такое гендер? (Характеристика основных концепций) / Н. Л. Пушкарева // Гендерная теория и историческое знание: Материалы второй международной научно-практической конференции. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. – С. 8–20.

203. Репина, Л. П. Гендерная история : проблемы и методы исследования / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 1997. – №7. – С. 41-58.

204. Репина, Л. П. "Женская история": проблемы теории и метода / Л. П. Репина // Средние века. М., 1994. – Вып. 57. – С.103–109.

205. Репина, Л. П. История женщин сегодня: историографические заметки / Л. П. Репина // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. – М.: Наука, 1996. – С.35–73.

206. Римашевская, Н. М., Бреева Е. Б. Здоровье новорожденных – будущее здоровье нации / Н. М. Римашевская, Е. Б. Бреева // Социологические исследования. – 1997. – №6. – С. 24–32.

207. Рождаемость: известное и неизвестное / П. П. Звидриныш – М.: Финансы и статистика, 1983. – 118 с.

208. Русинов, И. В. «Неперспективная» деревня: от домыслов к истине / И. В. Русинов // Вопросы истории КПСС. – 1990. – №8. – С. 50–63.

209. Руткевич, М. Н. Депопуляция или вымирание / М. Н. Руткевич // Социологические исследования. – 1996. – №3. – С 18–23.

210. Рывкина, Р. В. Динамика образа жизни и отношение к нему сельскому населению / Р. В. Рывкина // Проблемы социально-экономического развития западносибирской деревни. – Новосибирск: СО АН СССР. ИЭиОПП, 1981. – С.

229–246.

211. Рывкина Р. В. Специфика трудовой мобильности и трудовой карьеры женщин деревни (на примере Сибири) / Р. В. Рывкина, И. М. Корякина // Миграция сельского населения – М.: Мысль, 1970. – С. 77–92.

212. Рябушкин Т. Эволюция возрастной структуры и продолжительности жизни населения / Т. Рябушкин, Р. Галецкая, В. Шапиро // Демографические процессы в СССР (советские доклады к советско-финскому семинару по проблемам демографии) – М.: ИСИ, 1983. – С. 29–46.

213. Рязанова Р. Маршрутами свершений / Р. Рязанова // Красноярский взлет, 1971 – 1990. – Красноярск: Горница, 1994. – С. 105 – 109.

214. Святышева, Л. Л. Некоторые особенности перспективной системы расселения (на примере Красноярского края) / Л. Л. Святышева // Социологические исследования сибирской деревни. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1976. – С. 62–74.

215. Северьянов, М. Д. Бездорожье в аграрном развитии России в XX столетии (на примере Сибири) / М.Д. Северьянов // Духовно-исторические чтения: Вып.3. – Красноярск: КрасГАСА, 1998. – С. 10–13.

216. Северьянов, М. Д. В плену у города. Исторический очерк о Саянском районе Красноярского края / М.Д. Северьянов. – Красноярск : Скиф. –226 с.

217. Северьянов, М. Д. Из истории реализации Ангари-Енисейского проекта в 1950 – 1980-е гг. / М. Д. Северьянов, А. А. Многогрешнов // Духовно-исторические чтения. 2003. – Вып. 8. – С. 325–328.

218. Семья и общество / А. Г. Харчев – М.: Наука, 1982. – 127 с.

219. Семья как объект социально-демографических исследований. – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1984. – 126 с.

220. Сенявский, А. С. Урбанизация в XX веке : Роль в историческом процессе / А. С. Сенявский. – М.: Наука, 2003. – 285 с.

221. Сергеева, Г. Взаимосвязь занятости женщин и демографических процессов / Г. Сергеева // Демографические аспекты занятости – М.: Статистика, 1975. – С. 24–32.

222. Сибирская деревня в условиях урбанизации / Т. И. Заславская, В. А. Калмык. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1976. – 135 с.
223. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе / М. К. Бандман. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1980. – 336 с.
224. Синельников, А. Б. Брачность и рождаемость в СССР / А. Б. Синельников. – М.: Наука, 1989. – 104 с.
225. Синельников, А. Б. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования) / А. Б. Синельников, В. М. Медков, А. И. Антонов. – М.: КДУ, 2009. – 288 с.
226. Сифман, Р. И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований) / Р. И. Сифман. – М.: Статистика, 1974. – 183 с.
227. Сифман, Р. И. Динамика плодovitости когорт женщин в СССР (по данным выборочного обследования) / Р. И. Сифман // Советская демография за 70 лет. – М.: Наука, 1987. – С. 183–187.
228. Сифман, Р. И. Статистика здоровья и медицинского обслуживания детей / Р. И. Сифман – М.: Медгиз, 1960. – 112 с.
229. Сифман, Р. И. Статистика охраны здоровья матери и новорожденного / Р. И. Сифман. – М.: Медгиз, 1963. – 132 с.
230. Славина, Л. Н. Влияние политики интенсивного промышленного освоения территории на демографическое развитие сельского населения Сибири (1960-1980-е гг.) / Л. Н. Славина // Историческая демография Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1992. – С. 215–238.
231. Славина, Л. Н. Динамика возрастно-половой структуры Восточной Сибири в контексте демографической модернизации деревни (1959-1989 гг.) / Л. Н. Славина // Гуманитарные науки в Сибири № 3. – 2010. – С. 107–111.
232. Славина, Л. Н. Развитие трудового потенциала восточносибирского села в 60-80-е гг. / Л. Н. Славина // Демографическое развитие Сибири. 30 – 80-е гг. (исторический опыт и социальные проблемы). – Новосибирск : СО АН СССР. Ин-т истории, 1991. – С. 104–127.
233. Славина, Л. Н. Рождаемость в сельской местности Восточной Сибири

в 1960-е - начале 1990-х гг. / Л. Н. Славина // Сибирская деревня: проблемы истории : сб. науч. тр. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. – С. 186–196.

234. Славина, Л. Н. Сельские женщины Красноярского края в общественном производстве (1960 – 1980-е гг.) / Л. Н. Славина // Исторические этапы социально-экономического и культурного развития Красноярского края. Материалы краеведческих чтений. – Красноярск: КНБ, 1998. – С. 58–62.

235. Славина, Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960 – 1980-е гг.) / Л. Н. Славина. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. – 472 с.

236. Славина, Л. Н. Сельское население Сибири в 1960 – 1980 гг. (на материалах Красноярского края) / Л. Н. Славина. – Красноярск: КГПИ, 1992. – 189 с.

237. Соболева, С. В. Особенности показателей продолжительности жизни населения национальных автономий Сибири / С. В. Соболева // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – №3. – С. 35–40.

238. Соболева С. В., Штейнберг В. Е. Демографическая ситуация и воспроизводство населения Сибири / С. В. Соболева, В. Е. Штейнберг // Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1991. – С. 3–26.

239. Современная женщина, семья, демография: актуальные исследования / О. Здравомыслова. – М.: Звенья, 2007. – 182 с.

240. Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития). Ч. 1. Проблемы демографического и социального развития деревни. / Т. И. Заславская, Л. П. Ляшенко – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР. – 1975. – 185 с.

241. Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития). Ч. 2. Проблемы урбанизации образа жизни сельского населения / Т. И. Заславская, Л. П. Ляшенко – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1975. – 110 с.

242. Сонин, М. Я. Пожилой человек в семье и обществе / М. Я Сонин,

- А. А. Дыскин. – М.: Финансы и статистика, 1984. – 175 с.
243. Социально-экономическое развитие сибирского села / В. А. Калмык, Р. В. Рывкина, Л. А. Хахулина. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1987. – 449 с.
244. Социальные факторы и особенности миграции населения СССР / Л. Л. Рыбаковский. – М.: Наука, 1978. – 143 с.
245. Социальный облик сельской молодежи / А. С. Кононыгин, И. Т. Левикин, В. И. Староверов. – М.: ИСИ, 1985. – 215 с.
246. Социологические исследования сибирской деревни: Сборник научных трудов / Т. И. Заславская, В. А. Калмык – Новосибирск: ИЭиОПП, 1976. – 129 с.
247. Стародуб, В. И. Женщина и общественный труд / В. И. Стародуб. – Л.: Лениздат, 1975. – 92 с.
248. Стародуб, В. И. Женщина - труженица и мать / В. И. Стародуб. – Л.: Лениздат, 1967. – 90 с.
249. Статистика миграции населения. – М.: Статистика, 1971. – 367 с.
250. Татимов, М. Б. Социальная обусловленность демографических процессов / М. Б. Татимов. – Алма-Ата : Наука, 1989. – 127 с.
251. Тенденции экономического развития Сибири (1961 – 1975) / Б. П. Орлов, И. П. Шнипер. – Новосибирск: Наука, 1980. – 256 с.
252. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / О. А. Воронина. — М.: МЦГИ, 2001. – 415 с.
253. Ткаченко, А. Образование женщин и рождаемость / А. Ткаченко // Демографические аспекты занятости. – М.: Статистика, 1975. – С. 33-42.
254. Толюпа В. Пойдешь работать в профсоюз / В. Толюпа // Красноярский взлет: 1971 – 1990 гг. Красноярск, 1994. – С. 415 – 417.
255. Трапкова, А. В. От советского к постсоветскому человеку / А. В. Трапкова // Современные трансформации российской культуры. – М.: Наука, 2005. – С. 305 – 329.
256. Труд, семья, быт советской женщины / С.В. Поленина, А.А. Абрамова, А. А. Азарова – М.: Юрид. лит., 1990. – 430 с.
257. Урбанизация и демографические процессы / Б. С. Хорев,

Г. П. Киселева. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 231 с.

258. Урланис, Б. Ц. Избранное / Б. Ц. Урланис. – М.: Мысль, 1985. – 255 с.

259. Урланис, Б. Ц. Историческая демография: избранные труды / Б. Ц. Урланис. – М.: Наука, 2007. – 467 с.

260. Урланис, Б. Ц. Проблемы динамики населения в СССР / Б. Ц. Урланис. – М.: Наука, 1974. – 335 с.

261. Урланис, Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР / Б. Ц. Урланис. – М.: Госстатиздат, 1963. – 136 с.

262. Усков, Е. В. Мы – большеулуйцы. Очерки истории Большеулуйского района / Е. В. Усков – Красноярск, 2000. – 206 с.

263. Фотеева, Е. В. Образы мужа и жены: стереотипы обыденного сознания Е. В. Фотеева // Семья в представлениях современного человека. – М.: АН СССР. Ин-т социологии, 1990. – С. 96–115.

264. Харчев, А. Г. Брак и семья в СССР / А. Г. Харчев. – М.: Мысль, 1979. – 365 с.

265. Харчев, А. Г. Быт, семья, досуг / А. Г. Харчев. – М.: Знание, 1969. – 30 с.

266. Харчев, А. Г. Профессиональная работа женщин и семья / А. Г. Харчев, С. И. Голод / Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1971. – 176 с.

267. Чуднова, В. И. Население Саянского ТПК (формирование и расселение) / В. И. Чуднова, Н. Ф. Кожуховская. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1979. – 120 с.

268. Чуйко, Л. Брак и семья пожилых людей / Л. Чуйко // Пожилые люди в нашей стране. – М.: Статистика, 1977. – С. 25–38.

269. Чуйко, Л. В. Браки и разводы. Демографическое исследование на примере УССР / Л. В. Чуйко. – М.: Статистика, 1975. – 175 с.

270. Чуйко Л. Поколения в семье / Л. Чуйко, В. Никитенко // Семья сегодня. – М.: Статистика, 1979. – С. 51–63.

271. Шакирзянова-Удыгир, Г. В. Островок среди таежных исполинов / Г. В. Шакирзянова. – Красноярск: ООО «Центросиб», 2011. – 88 с.

272. Шелестов, Д. К. Демография: история и современность / Д. К. Шелестов. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 271 с.
273. Шестакова, Л. В. Ценностные ориентации и жизненные планы молодых колхозников и рабочих совхозов / Л. В. Шестакова // Социальный облик сельской молодежи. – М.: ИСИ, 1985. – С. 118–124.
274. Шилова, Л. С. Различия в самосохранительном поведении мужчин и женщин / Л. С. Шилова // Демографическое поведение и возможности социального воздействия на него в условиях социализма. – М.: ИСИ, 1986. – С. 161–172.
275. Шилова, Л. С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения / Л. С. Шилова // Социологические исследования. – 2000. – №11. – С. 134–140.
276. Шумилова, Е. Традиции и семейные отношения нганасан / Е. Шумилова // Таймырские чтения – 2003: Сборник докладов. – Норильск, 2004. – С. 20–22.
277. Шлиндман, Ш. Изучение рождаемости (по материалам специального обследования в Латвийской ССР) / Ш. Шлиндман, П. Звидриньш – М.: Статистика, 1973. – 176 с.
278. Шнейдерман, Н. А. Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования / Н. А. Шнейдерман. – М.: Мысль, 1991. – 170 с.
279. Щеглова, Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография / Т. К. Щеглова. – Барнаул: БГПУ, 2008. – 527 с.
280. Янкова, З. А. Советская женщина (социальный портрет) / З. А. Янкова. – М.: Политиздат, 1978. – 157 с.
281. Янкова, З. А. Мужчина и женщина в семье / З. А. Янкова, Е. Ф. Ачильдиева, О. К. Лосева. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 80 с.
282. Янкова З. Функции современной советской семьи / З. Янкова, М. Панкратова. // Семья сегодня. – М.: Статистика, 1979. – С. 17–27.
283. Янкова З. А. Изменившийся образ брака и реализация функций семьи / З. А. Янкова, Е. Ф. Сафро // Проблемы воспроизводства и миграции населения. –

М.: ИСИ АН СССР, 1981. – С.44–57.

284. Янкова З. А. XX век и проблемы семьи / З. А. Янкова, В. С. Языкова. – М.: Знание, 1974. – 72 с.

Диссертации и авторефераты

1. Абилова Р. О. Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии: Дисс. канд. ист. наук. Казань, 2017. – 236 с.
2. Борусяк, Л. Ф. Статистическое исследование нуклеаризации семей в СССР: автореферат дисс. ... канд. эк. наук. / Л.Ф. Борусяк. – М., 1983. – 24 с.
3. Булатов, Р. А. Рождаемость как социально-демографический процесс: автореферат дисс ... канд. соц. наук. / Р. А. Булатов. – Уфа, 2005. – 25 с.
4. Васильева, Л. Е. Роль женщины в социально-экономической и политической сферах жизни советского общества в 1945 – 1965 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. / Л. Е. Васильева. – Саратов, 2004. – 26 с.
5. Вербицкая, О. М. Сельское население Российской Федерации в 1939-1959 гг. (демографические процессы и семья): автореферат дисс. ... докт. ист. наук / О. М. Вербицкая. – М., 2002. – 49 с.
6. Волынская, Л. Б. Ценностные ориентации в системе факторов миграционной подвижности сельского населения: автореферат дисс. ... канд. эк. наук. / Л. Б. Волынская. – М., 1985. – 26 с.
7. Ворошилова, Н. В. Образовательный потенциал сибирской деревни: основные тенденции и факторы воспроизводства в 1960 – 1980-х гг. (на материалах Красноярского края): дисс. ... канд. ист. наук. / Н. В. Ворошилова. – Красноярск, 2003. – 251 с.
8. Гаврин, Д. А. Развитие социально-демографической структуры населения Красноярского края в 1971 – 1980 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. / Д. А. Гаврин. – Красноярск, 2005. – 182 с.
9. Григорьева, А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения в 1953-1964 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. / А. Г. Григорьева. – М., 2003. – 206 с.

10. Григорьева, Е. А. Культурное развитие красноярской деревни в 1960 – 1980-е гг.: автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2004. – 212 с.
11. Гришина, О.В. Демографическое поведение поколений в России в послевоенный период: автореферат дисс. ... канд. эк. наук. / О.В. Гришина – М., 2009. – 27 с.
12. Дроздов А. И. Развитие производственной сферы Хакасии в середине 1960-х – середине 1980-х гг. (на материалах промышленности и сельского хозяйства): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. / А. И. Дроздов. – Абакан, 2006. – 22 с.
13. Засолов, М. В. Демографический кризис в России в конце XX века: опыт исторического исследования (на материалах Нижнего Поволжья): дисс. ... канд. ист. наук. / М. В. Засолов – Саратов, 2005. – 211 с.
14. Захаров Д. В. Трансформация образа женщины в средствах массовой информации России в 70 – 90-х гг. XX века на примерах журналов «Работница», «Крестьянка», «Космополитен»: дисс. ... канд. ист. наук. / Д. В. Захаров. – М., 2004. – 205 с.
15. Куринова, И. А. Исторический опыт советской партийно-государственной социальной политики (1964 – 1985): дисс. ... докт. ист. наук. / И. А. Куринова – М., 2004. 442 с.
16. Кышпанаков, В. А. Население Хакасии: историко-демографическое исследование (1926 – 1989 гг.) автореферат дисс. ... докт. ист. наук. / В. А. Кышпанаков. – Новосибирск, 1996. – 34 с.
17. Рябцева, И. А. Женщины Западной Сибири 1920 – 1930-х гг.: демографические и социальные проблемы : автореферат дисс. ... канд. ист. наук. / И. А. Рябцева. – Новосибирск, 1996. – 23 с.
18. Славина, Л. Н. Сельское население Восточной Сибири : 1960 – 1980-е гг.: дисс.... докт. ист. наук / Л. Н. Славина. – Новосибирск, 2010. – 450 с.
19. Хантуев, О. А. Социально-экономическое развитие деревни, 1981 – 1990 гг. (на материалах Восточной Сибири): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. / О. А. Хантуев. – Иркутск, 1991. – 24 с.

20. Шишкина, Н. Е. Сельское население Западной Сибири в 1959 – 1970 гг. (изменение численности и состава): автореферат дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 19 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

РГАЭ – Российский государственный архив экономики

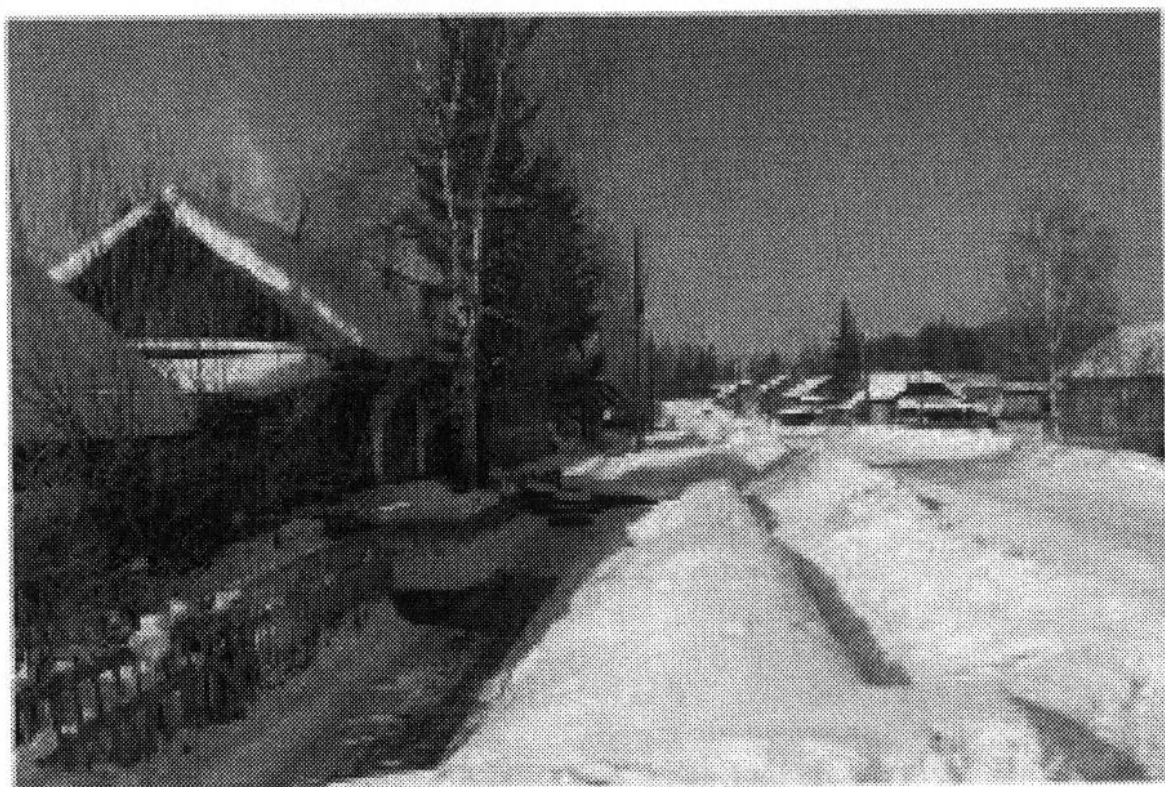
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Сельские дома

*Дом в с. Вершино-Рыбное Партизанского района Красноярского края
Вторая половина 1970-х гг. (из личного архива В.О. Приз)*

Улица в пос. Таежный Богучанского района Красноярского края Середина
1980-х гг. (из личного архива А.Н. Комогорцевой)

Технический паспорт на сельский жилой дом

Типовая форма № 2-ТИ
Утверждена приказом ЦСУ СССР
от 15.07.85 № 380

Республика
Область
Город (поселок) *Алексеево*
Район *Истринский*

Инвентарный номер *8/к*

Реестровый номер *р 11*

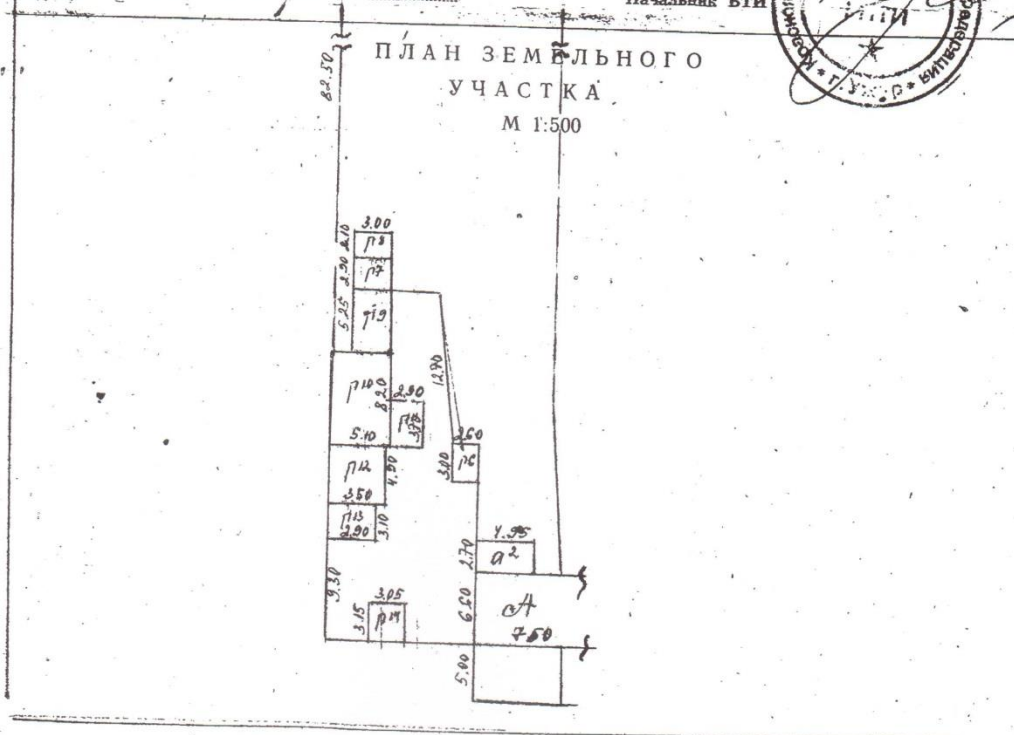
ТЕХНИЧЕСКИЙ ПАСПОРТ на жилой дом индивидуального жилищного фонда

Адрес №

Фамилия, имя, отчество собственника дома	Доля
<i>Сергина Александра Арменовна</i>	<i>Долевая</i>
	<i>переходящая</i>
	<i>именная</i>

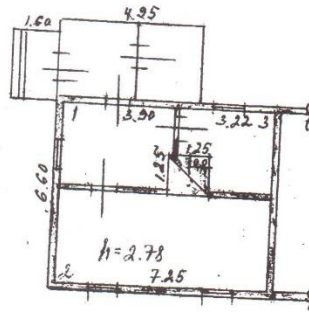
Паспорт составлен *6/11/94г.*

Начальник БТИ

ПЛАН СТРОЕНИЯ:

М 1:100

Характеристика помещений

Количество квартир	Количество жилых комнат	Общая площадь	В том числе	
			жилая	вспомогат
1	1	43,8	23,3	9,4

Экспликация земельного участка

Всего		В том числе					
по документам	фактически	застроен	дворовое покрытие			Декор. сад	Огород
			трот.	отмос.	грунт		
	224,0						

ВИД ОТОПЛЕНИЯ ЖИЛОГО ДОМА

Печное	Центральное		От АГВ	От индивидуальных отопительных установок (котлов) промышленного изготовления (или приспособленных на твердом топливе)
	от ТЭЦ	от групповой (квартал.) и районной котельной		
1	2	3	4	5
43,8				

Особые отметки:

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРОЕНИИ И СООРУЖЕНИИ

Литер	Наименование (жилой дом, мезонин, подвал, холоды, пристройка, сарай, сооружения)	Год постройки	Описание конструкт. элементов			Благоустройство			Площадь м ²	С бъем м ³	Стоимость в рублях		
			фундамент	стены	кровля	ч. стр.	водотров	канализация			газоснабжение	восст. н.	износ
А	Основное строение		б/см	б/см	шифер				49,5	150	2161440	45	1188496
В	холодный пристрой		г/см	мсеб	шифер				13,4	28	158430	50	79220
Г6	сарай		г/см	горбыль	мсеб				7,8		833065	65	29200
Г7	сарай		г/см	горбыль	шифер				8,7		124210	65	43650
Г8	сарай		г/см	горбыль	шифер				6,3		78830	65	27520
Г9	сарай		г/см	горбыль	шифер				14,7		173940	65	60880
Г10	сарай		г/см	горбыль	шифер				41,8		494600	65	173110
Г11	сарай		г/см	горбыль	мсеб				10,7		114150	65	40060
Г12	сарай		г/см	мсеб	мсеб				16,2		173290	70	51990
Г13	сарай		г/см	горбыль	мсеб				9,0		100860	55	45300
Г14	сарай		г/см	мсеб	мсеб				9,6		102630	45	56480
									Итого	3766280			1796220

Уж. тип. Зак. 688 т. 2000

Технический паспорт жилого дома, расположенного в д. Алексеевка
Ужурского района Красноярского края (из личного архива А.А. Сериной)

Деревенская свадьба

Свадьба в д. Николаевка Боготольского района Красноярского края. 1975 г.
(из личного архива Е.Е. Кандалинцевой)

Интерьер сельской квартиры

Интерьер в сельской квартире в п. Таежный Богучанского района Красноярского края. Конец 1980-х гг. (из личного архива А.Н. Комогорцевой)

Внешний вид сельской женщины на отдыхе

Выходной день в п. Вершино-Рыбное Партизанского района Красноярского края. Середина 1970-х гг. (из личного архива В.О. Приз)

Застолье в честь Дня строителя в с. Частроостровское Емельяновского района Красноярского края. 1973 г. (из личного архива И.И. Виниченко).

Парад в честь 1 мая в с. Частоостровское Емельяновского аймаа Красноярского края. 1975 г. (из личного архива И.И. Виниченко).

Празднование окончания техникума в с. Частоостровское Емельяновского района Красноярского края. 1966 г. (из личного архива И.И. Виниченко).

Внешний вид сельской женщины на работе

На уборке урожая в с. Чухломино Ирбейского района Красноярского края.

Конец 1960-х гг. (из личного архива В.О. Приз)

На уборке картофеля в с. Агинское Саянского района Красноярского края.
1974 г. (из личного архива В.П. Тюриной).